

Л.М. Млечин

# СПЕЦИАЛЬНЫЙ

## АГЕНТ

## ФБР





*Л.М. Млечин*

**СПЕЦИАЛЬНЫЙ  
АГЕНТ**

**ФБР**

Москва  
«Юридическая литература»  
1989

84.7США  
М 72

Редактор *В. А. Терехина*

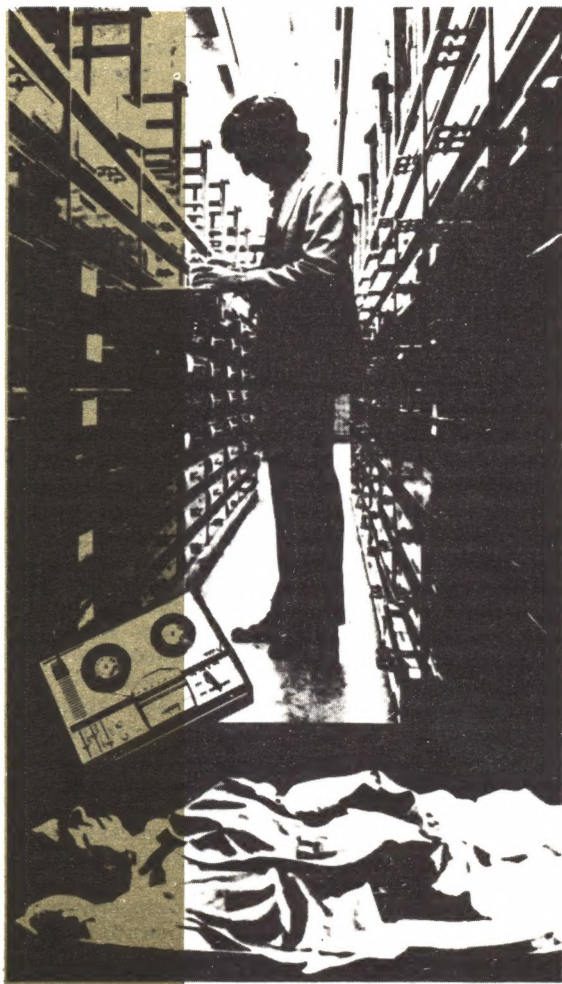
М  $\frac{4700000000-026}{012(01)-89}$  49-89

ISBN 5-7260-0135-4

© Издательство «Юридическая литература», 1989



# ЧАСТЬ ПЕРВАЯ



Когда-то Чарлстон, штат Южная Каролина, считался одним из красивейших мест на Юге. Старый, прекрасный город, о котором время забыло еще раньше, чем он пришел в упадок.

Полвека назад Чарлстон представлял собой скопище обветшалых домов из красного кирпича, сложенных еще в прошлом столетии. На пыльных сонных улицах не было заметно никакого движения. Город бедствовал: тысячи белых и большинство черных его обитателей годами сидели без работы, пребывая в тоске и унынии. И еще город отличался своими расистскими настроениями, стойкими, как запах нафталина в закрытом шкафу.

После второй мировой войны Чарлстон ожил. Член палаты представителей от Южной Каролины Мендель Риверс, долгое время сидевший в кресле председателя комиссии конгресса по делам вооруженных сил, посвоему позаботился о благосостоянии штата. Здесь появились военные базы, для обслуживания которых потребовались рабочие руки. Даже те, кто чувствовал себя не слишком уютно в таком соседстве, были рады подвернувшейся работе. Вскоре ядерные подводные лодки заходили в порт Чарлстона не реже торговых судов, а летчики гражданской авиации избегали летать по трассам, проложенным поблизости от баз ВВС. Местная промышленность получила военные заказы. Образовались новые компании, готовые поставлять Пентагону любую продукцию — от процессоров до дизелей, и видные граждане города не упускали случая провозгласить здравицу в честь армии Соединенных Штатов. Население Чарлстона увеличилось почти вдвое. Даже черным хватало работы, а те из них, кто преуспел, перебрались в собственные дома, где они были избавлены от обычных оскорблений и насмешек. Правда, расизм не исчез, но в ускорившемся течении городской жизни он стал не так заметен.

Белые обитатели Чарлстона ненавидели не только черных, но и всех пришлых, особенно латиноамериканцев. Стенки туалетов были испещрены ругательствами; на спортивных площадках, в заводских столовых, дешевых клубах мексиканцев — а их в городе было

много — называли не иначе как верблюжатниками и тряпичными головами.

Главной достопримечательностью Чарлстона был район старого города, благополучно переживший войну за независимость между Севером и Югом, ураганы, землетрясения и множество пожаров и сохранивший славу самого красивого места Юга. Он располагался в излучине рек Эшли и Купер. Тесный ряд домиков старинной архитектуры, любовно восстановленных нынешними владельцами, ровные, как по линейке прочерченные улицы, аккуратно подстриженные деревья создавали особую атмосферу очаровательного английского городка, перенесенного в тропики. Жители Чарлстона необычно гордились своим городом, за что соседи прозвали их гордецами и хвастунами. Туристам рассказывали, что во время американской революции, как здесь часто называют войну за независимость против колониального правления Великобритании (1775 — 1783 гг.), англичане захватили Чарлстон, основанный в 1670 году, и «украли наши лучшие картины, фарфор и серебро».

Возникшая здесь фармацевтическая компания «Чарлстон бионикс» первым делом заказала в местной типографии упаковочную бумагу и фирменные пакеты с видами города — в надежде тронуть сердца горожан. Компания специализировалась на болеутоляющих средствах, снотворных и более серьезных препаратах, призванных избавлять людей от депрессии, различных фобий, страхов и душевного неблагополучия. Но несмотря на усилия отдела рекламы, подавляющее большинство горожан остались верны старым фармацевтическим фирмам и покупали привычные средства, рецепты на которые им охотно выписывали городские эскулапы. Сторонники «Чарлстон бионикс» утверждали даже, что врачи, щедро выдавая рецепты, руководствовались не столько медицинскими достоинствами препаратов, сколько налаженными отношениями с их изготовителями. Главный (и удачливый) конкурент «Чарлстон бионикс» — фирма «Уильямс энд Уильямс» и в самом деле славилась умением расположить к себе и врачей, и их пациентов. Фирме принадлежало несколько крупных



аптек в городе, они-то и задавали тон, формируя общественное мнение. Итак, «Чарлстон бионикс» не помогла умело организованная реклама. Жители Чарлстона с интересом знакомились с достижениями биотехнологии, открывающей новые горизонты в фармацевтике, но в выборе лекарств оставались консерваторами. «Уильямс энд Уильямс» процветала.

Энни Эдамс, сорокалетняя домашняя хозяйка, мать троих детей, побывав утром в аптеке, тоже не пожелала внести вклад в улучшение финансового положения компании «Чарлстон бионикс». Накануне резко изменилась погода, начались дожди — плохое время для людей, страдающих сердечно-сосудистыми заболеваниями. Энни Эдамс пожаловалась провизору на мучительную головную боль. Он предложил ей два препарата, стабилизирующих давление. Энни Эдамс с сомнением посмотрела на этикетки, украшенные торговой маркой «Чарлстон бионикс», покачала головой и попросила дать ей болеутоляющее средство, впервые выпущенное компанией «Уильямс энд Уильямс» лет десять назад и завоевавшее прочное признание.

— Мне эти таблетки всегда помогают, — объяснила Энни Эдамс провизору свой выбор. — Если быть честной, я побаиваюсь новых лекарств. В журналах столько пишут о поспешности, с которой выпускаются всякие новомодные препараты, и об ужасных побочных явлениях...

Провизор, понимая улыбаясь, завернул ей две упаковки болеутоляющего средства в фирменную бумагу и проводил до двери. Эту утреннюю беседу в одной из аптек Чарлстона можно было бы считать мелким эпизодом в конкурентной борьбе двух фармацевтических компаний, если бы не тот факт, что провизор был последним человеком, видевшим Энни Эдамс живой.

Воспитатели в детском саду, куда утром был отведен ее младший сын, тщательно ждали Энни Эдамс, которая обычно в четыре часа забирала мальчика. За ним пришлось приехать отцу ребенка. Недоумевая, куда могла деться жена, он отвез сына домой.

Энни Эдамс лежала на полу в кухне. Врач «скорой

помощи» констатировал смерть. Он велел санитарам забрать труп и из машины по радиотелефону позвонил в полицию. Смерть Энни Эдамс, как в тот же день установила экспертиза, наступила в результате острого инфекционного заболевания — японского энцефалита. Других случаев заболевания в городе не было. По словам мужа Энни, еще утром она чувствовала себя вполне здоровой. Смерть настигла ее в тот момент, когда она собиралась идти в детский сад за сыном и заглянула на кухню, видимо, для того, чтобы выключить плиту. Пудинг был еще теплым, когда приехал ее муж.

Полицейские перевернули квартиру вверх дном. Все лекарства, найденные в доме Эдамсов, все склянки и пузырьки отправили в лабораторию на исследование. К утру был известен результат.

Начальник полиции появился в своем кабинете в семь часов, чтобы обсудить ситуацию с окружным прокурором. Вирус японского энцефалита, который убил Энни Эдамс, был найден в обеих упаковках популярного болеутоляющего средства, выпускаемого фирмой «Уильямс энд Уильямс». Насмерть перепуганного провизора, который своими руками завернул Энни Эдамс смертоносные капсулы, подняли с постели. Полиция с санкции прокурора изъяла из его аптеки весь запас болеутоляющих лекарств. Лаборатория работала с полной нагрузкой, исследуя считавшиеся практически безвредными капсулы. Из ста упаковок десять содержали этот вирус.

Мужа Энни Эдамс атаковали местные репортеры, которых интересовал образ матери троих детей, умершей от редкого заболевания. Городские газеты сообщили о смерти Энни Эдамс на первой полосе, общенациональная пресса — на пятой. В Чарлстон прибыли представители федерального управления по контролю за качеством пищевых продуктов и лекарств и вице-президент компании «Уильямс энд Уильямс».

Управление приступило к расследованию этого дела. Его сотрудники подтвердили, что компания «Уильямс энд Уильямс» в свое время разработала одну из самых надежных в фармакологической промышленности технологий выпуска лекарств. Каждая упаковка тщательно



запечатывается; вскрыть ее, не нарушив печати, невозможно. Управление официально заявило, что история в Чарлстоне — единичный инцидент и что лекарства, выпускаемые «Уильямс энд Уильямс», по-прежнему можно считать вполне надежными. Но компании это не помогло. Ее репутации был нанесен сильный удар. Аптеки в Южной Каролине без лишнего шума поспешили избавиться от всего, что имело торговую марку «Уильямс энд Уильямс». Так же начали поступать сотни аптек в соседних штатах. Резко сократились заказы на продукцию фирмы. На нью-йоркской бирже акции «Уильямс энд Уильямс» за один день упали на два пункта.

Полицейское управление Чарлстона обратилось за помощью в Федеральное бюро расследований.

Специальный агент ФБР Говард Хиббет встретился с представителями федерального управления по контролю за качеством пищевых продуктов и лекарств в трехэтажном отеле «Индиго», разрешение на строительство которого муниципалитет выдал не без сомнений: в старом городе новое строительство было практически полностью запрещено, и даже перестройку и реставрацию зданий допускали лишь в строго определенных пределах. Но создавать какие бы то ни было неудобства для туристов оказалось не в интересах Чарлстона, и отцы города расчистили место под отель.

Представители управления и особенно вице-президент «Уильямс энд Уильямс» в разговоре с Говардом Хиббетом просили как можно активнее заняться историей с Энни Эдамс. Они говорили о возможности новых жертв, о необходимости успокоить потребителей.

Хиббет выслушал их внимательно. Он прекрасно понимал, что фирму беспокоит падение курса акций, что ущерб, нанесенный ее репутации, зримо отражается в бухгалтерских книгах. Если будут новые жертвы, аптеки напрочь откажутся от лекарств, выпускаемых «Уильямс энд Уильямс».

— Я уже отправил своих людей к вам на фабрику, — сказал Хиббет вице-президенту фирмы. — Они

пройдут по всей технологической цепочке, чтобы определить слабые места — где можно ввести яд в капсулы до того, как их запечатают. Еще два специалиста — они завтра прилетят из Вашингтона, у меня в штате таких умельцев нет — попробуют выяснить, можно ли отравить лекарства после того, как упаковки запечатаны.

— Мы будем всячески сотрудничать с вашими людьми, им окажут любую помощь, — заверил Хиббета вице-президент «Уильямс энд Уильямс». — И если у вас не занят сегодняшний вечер, я хотел бы пригласить всех на ужин.

История с лекарством получила большой резонанс. Первыми отреагировали фармацевтические фирмы. Компания, производящая упаковки для лекарств, сообщила, что срочно расширяет производство новых видов упаковок, крышек с резьбой, пластиковых крышек одноразового пользования, наклеек, которые разрываются, если пытаешься вскрыть коробочку или тубик.

Газеты, правда, писали, что любой человек может приобрести оборудование, которое позволяет восстановить фабричную упаковку, и никто не определит, что она вскрывалась. Журналисты вспомнили несколько случаев последнего времени, когда в пирожных, печенье и в пластинках жевательной резинки находили иголки, кусочки стекла, скрепки для бумаг. И каждый раз это сходило преступникам с рук. Журналисты утверждали, что таким преступлениям противостоять практически невозможно, а террористам проще заняться отравлением пищевых продуктов, чем бросать бомбы. Обычно, подкладывая яд в продукцию какой-то фирмы, преступники пытались шантажировать ее хозяев — требовали заплатить выкуп. Несколько раз преступникам удавалось таким образом ставить крупные компании на колени: никакой выкуп нельзя сравнить с грандиозными потерями, которые несла фирма, чью продукцию боялись покупать. Но в истории с «Уильямс энд Уильямс» пока не последовало никакого предложения о выкупе. Зная, что руководство компании может пойти на сделку

и заплатить выкуп, Говард Хиббет приказал следить за всеми финансовыми операциями «Уильямс энд Уильямс».

Переодетые в штатское полицейские наводнили фабрики и конторы, контролировали перевозку медикаментов внутри штата, проверяли владельцев складов и аптек, провизоров. Сотрудники ФБР просматривали списки уволенных: кто-то из них мог таким образом свести счеты с обидчиками.

Нельзя сказать, что городское управление полиции было в восторге от масштабов работы, развернутой Говардом Хиббетом. Чарлстон и без того занимал отнюдь не последнее место в списке американских городов, страдающих от высокого уровня преступности. По статистике один из каждой тысячи жителей города становился жертвой серьезного преступления — убийства, ограбления, изнасилования. Лидеры негритянской общины, правда, пытались объяснить начальнику городского управления полиции, что волна преступности не пойдет на спад, пока в черных кварталах города, погрязших в нищете и безработице, царят отчаяние и безнадежность. Но он на эти доводы пожимал плечами и говорил: «Мое дело — хватать всю эту сволочь и передавать в суд. Если муниципалитет даст мне достаточно средств и людей, я наведу порядок в городе». История с отравленным лекарством его не занимала. «Единичный случай, — с раздражением повторял он своему заместителю, — а Хиббет забрал всех людей, некого ставить на ночное дежурство». Высказать все это в глаза специальному агенту ФБР он не решался.

Вскоре Хиббету показалось, что он напал на след.

Некий Стоктон, работавший на складе, где хранилась готовая продукция «Уильямс энд Уильямс», среди дня исчез с работы. Стоктон смылся, когда узнал, что настала его очередь поговорить с сотрудником ФБР, который уже побеседовал со всеми остальными рабочими.

По копиям накладных установили, что лекарство, зараженное вирусом японского энцефалита, поступило в аптеку именно с этого склада. Хиббет обратился к окружному прокурору, который распорядился вручить Стоктону повестку. Но Стоктона не оказалось дома. Он

жил один, и соседи не знали, куда он мог деться. Хиббет получил ордер на обыск. Под его руководством криминалисты перевернули всю квартиру Стоктона. Они нашли несколько опорожненных упаковок из-под болеутоляющего снадобья, выпускаемого «Уильямс энд Уильямс», что само по себе ни о чем не говорило, и большое количество неонацистской литературы. Стоктон, как видно, симпатизировал ультраправым. Хиббет запросил центральную картотеку ФБР и получил ответ: Стоктон ни в каких списках не значился и до настоящего времени неприятностей с полицией не имел.

На очередной пресс-конференции, которая ввиду немногословности главного оратора продолжалась всего двадцать минут, окружной прокурор информировал журналистов, что в совершении преступления подозревается человек, имеющий связи с неонацистами. Назвать имя он категорически отказался. Ордер на арест Стоктона уже был выдан, и полиция штата искала его.

Дважды в месяц, а также всякий раз, когда возникает крайняя необходимость, в зале для совещаний, расположенном на верхнем этаже здания на Конститушн-авеню в Вашингтоне (его занимает министерство юстиции США), проходят заседания особого суда. В остальное время зал, вход в который преграждает бронированная дверь, снабженная сложным замком с шифром, пустует. Перед каждым судебным заседанием сюда запускают специалистов по подслушивающим устройствам. Они тщательно проверяют зал на предмет скрытых микрофонов: ни одно слово, произнесенное в зале, не должно просочиться за его стены.

Заседаниями по очереди руководят семеро окружных судей, их отбирает сам председатель Верховного суда — после того как они пройдут обязательную проверку Федерального бюро расследований. Одиннадцать юристов, прошедших такую же проверку и допущенных к работе с секретными правительственными документами, участвуют в слушаниях. Никто из них никогда не проигрывал здесь своего дела. Судьи вовсе не расположены спорить с ними и, говоря честно, не намерены



слишком глубоко вникать в рассматриваемое дело. От них требуется чисто формальная санкция, и судьи всегда оправдывают ожидания своих клиентов. Пожалуй, это единственный суд в стране, который никогда не говорит «нет». Мало кто из американцев осведомлен о его существовании, поскольку частные граждане не могут обратиться в этот суд. Лишь немногие правительственные ведомства имеют такую возможность. Любой иск, принятый судом к рассмотрению, должен быть подписан одним из четырех лиц, облеченных соответствующими полномочиями, — это министр юстиции и министр обороны, директор ЦРУ и директор ФБР.

Таинственный суд, заседающий под крышей министерства юстиции, дает разрешение на прослушивание телефонных разговоров и установку подслушивающих устройств на территории Соединенных Штатов.

Этот суд был создан в 1978 году, после принятия закона, призванного охранять американцев от вторжения в их жизнь спецслужб. Шокированная беззащитным попранием гражданских прав, американская общественность потребовала от конгресса защитить ее от ЦРУ, ФБР, военной разведки и других подобных ведомств. Сенатское расследование выявило бесконтрольную широкомасштабную электронную слежку за американцами, в первую очередь за руководителями антивоенного движения, негритянскими активистами, борцами за гражданские права. Конгресс обещал положить этому конец, создав специальный суд: только он будет вправе санкционировать прослушивание телефонных разговоров человека, подозреваемого в шпионаже или представляющего угрозу национальной безопасности. Предполагалось, что суд будет выносить такие решения лишь на основании представленных ему серьезных доказательств...

Хиббет еще не занимался делами, связанными с национальной безопасностью. Это прерогатива сотрудников центрального аппарата, Хиббет же все десять лет своей службы провел в отделении ФБР в штате Южная Каролина. Последние два года он возглавлял отделение. В Вашингтон его приглашали не часто, и всякий раз,



входя в здание на Пенсильвания-авеню, где по соседству с Белым домом находилось здание Федерального бюро расследований, он не слишком радовался предстоящим беседам с начальством. Руководитель отделения сам себе хозяин. А в кабинетах на Пенсильвания-авеню его принимали как рядового сотрудника, к тому же провинциала. Самолюбие Хиббета страдало.

В этот раз помощник директора Блейкер устроил Хиббету форменный допрос. Интересовался его родословной, семейной жизнью и даже интимными привычками. Специальный агент ФБР за десять лет службы прошел много всяких проверок и справедливо полагал, что управление кадров давно составило на него самое полное досье.

В конце концов любопытство Блейкера иссякло. Он задал еще несколько беглых вопросов, касающихся работы отделения ФБР в Южной Каролине, и, по видимому удовлетворившись ответами, объявил, что намерен поручить Хиббету новое дело.

— Вы такими еще не занимались. Но должен вас предупредить — особых лавров не ждите. Дело сложное, малоприятное, потребует много сил, времени и, боюсь, средств.

Хиббет насторожился. Такого рода предисловие не сулило ничего хорошего.

— Я видел справку по делу о зараженном лекарстве и понял, что вы уже сели на хвост преступнику. Следовательно, вы вполне можете переключиться на то дело, которое я вам поручаю. В Чарлстоне, — продолжал Блейкер, — находится лаборатория экспериментальной генетики.

Хиббет кивнул, хотя до этой минуты и не подозревал о существовании такой лаборатории. Его познания о штате ограничивались многолетним знакомством с организованной преступностью.

— Мы располагаем неподтвержденными сведениями о том, что из этой лаборатории научная информация, имеющая жизненно важное значение для национальной безопасности, попадает в чужие руки.

— Научный шпионаж? — высказал предположение

Хиббет. — Это будет совместная с ЦРУ операция? Или лаборатория работает на Пентагон?

— Речь идет не о простой краже готовой технологии. По нашим сведениям, лаборатория выполняет чьи-то заказы, упоминание о которых отсутствует в ее отчетности.

Хиббет осторожно кивнул. Нет смысла строить какие-то предположения прежде, чем возьмешься за дело. Он прикидывал, не удастся ли ему с помощью Блейкера получить дополнительные средства — сверх бюджетных — для своего отделения под тем предлогом, что понадобятся деньги на оплату специальных консультаций (придется приглашать специалистов. Экспериментальная генетика — не та область, в которой сотрудник ФБР, даже с большим стажем, чувствует себя уверенно).

— Я просмотрел несколько ваших годовых отчетов, — сказал Блейкер, — и понял, что это будет отделение в новинку. Поэтому обязан вас предупредить: к расследованию привлечите минимум людей. Ученые поднимут страшный шум, если что-то заподозрят. Но абсолютно необходимо немедленно начать прослушивание телефонов сотрудников лаборатории и установить в служебных помещениях скрытые микрофоны. Понадобится ордер от судьи, но это не займет много времени. В обычных уголовных делах судье нужно доказать, что прослушивание необходимо для предотвращения преступления или для поиска преступников. Но когда затрагиваются интересы национальной безопасности, нам всегда идут навстречу. На Конституьонш-авеню наш судья автоматически выдает ордер, когда ему объясняют, что подозреваемый имеет связи с иностранной державой. Это уже само по себе криминальное действие. Напишите короткий запрос, — распорядился Блейкер. — Выясним, кто из семи судей свободен, и получим у него ордер. Я хочу, чтобы вы уже завтра были в Южной Каролине. Лабораторию в Чарлстоне нужно взять под контроль немедленно.

Даже к вечеру жара не спала. Двухэтажное основное здание лаборатории укрылось в тени деревьев, и никому не хотелось идти четыреста метров до гаража по солнцепеку, садиться в раскаленную машину и ждать, пока кондиционер снизит температуру в кабине до терпимого уровня.

Ведущие исследователи лаборатории Финли и Гамильтон делили небольшой кабинет, снабженный мало-мощным кондиционером. Каждый из них руководил своей серией опытов, и встретились они только после окончания рабочего дня.

— Я искал вас вчера утром, — лениво сказал Финли, — хотел пригласить на корт, но не смог дозвониться. Вы специально отключаете телефон в воскресенье, чтобы выспаться?

Гамильтон засмеялся.

— Последние двадцать с лишним лет, после окончания школы, я встаю ровно в половине шестого каждый день, все равно — выходной или будний. А когда учился в школе, мать будила меня на час раньше: до начала занятий я развозил молоко постоянным клиентам.

— А я разносил газеты, летом работал официантом, на последнем курсе — на бензоколонке. Дядя, у которого я здесь жил и который заменил мне отца, больше всего боялся, что я стану лентяем.

— Мой отец умер, оставив четверых маленьких детей, и без моего заработка мать не свела бы концы с концами.

— Трудное детство дало вам хорошую закалку, Гамильтон. Вы преуспели в жизни и теперь, я думаю, можете прокормить и свою семью, и всех родственников в придачу.

— Теперь они, к счастью, в этом не нуждаются. На той неделе в нашем городе были выборы, и вчера я ездил поздравлять своего младшего брата. Его избрали членом совета графства.

— Это в Эдмфилде? — удивился Финли. — Самое расистское графство во всем штате.

— А сейчас из пяти членов совета трое черные.

— Если ваш брат наделен такими же способностями, что и вы, он прекрасно справится с делами графства.

— Благодарю вас. — Гамильтон слегка наклонил голову. — Поверьте, для черных это много значит. У нас там, в Эдмфилде, царит эйфория. Выборы подарили черным надежду на то, что жизнь станет совсем другой, не такой пугающе бедной и отвратительно бесправной, к какой они привыкли. Теперь они мечтают о том, что их дети займут какое-то положение в обществе. Прежде такое было невозможно.

— Я понимаю, — мягко сказал Финли. — Все же я вырос в Южно-Африканской республике и видел настоящий расизм.

— Не думаю, чтобы вы это действительно понимали, — покачал головой Гамильтон. В этом жесте не было осуждения, просто констатация. — Есть вещи, представление о которых можно составить только на основании собственного опыта и генетически усвоенного опыта многих поколений.

— Может быть, вы и правы. — Финли взглянул на часы. — Мне пора.

— До завтра.

Финли вывел машину из гаража. Самое трудное было перетерпеть первые несколько минут: в кабине настоящая душегубка.

Гамильтон с уважением относился к Финли, обладавшему энциклопедическими познаниями, и не раз прибегал к его помощи. Финли состоял в переписке с ведущими генетиками страны. Эти широкие научные связи, несомненно помогавшие ему в работе, Финли приобрел еще в университетские годы. В дом, принадлежавший его дяде, на студенческие каникулы неизменно съезжались все те, кто с годами стал непререкаемым авторитетом в генетике. Этот дом, стилизованный под

особняк времен Конфедерации \*, но построенный в начале нынешнего века, был всегда открыт для молодых людей, учившихся вместе с Финли. Они жили здесь месяцами, к услугам каждого была комната с большим письменным столом и библиотека, собранная дядей Финли и постоянно пополнявшаяся новинками на четырех европейских языках. Вышколенная прислуга избавляла гостей от забот. В доме, окруженном со всех сторон густым лесом, царил покой, и немало идей, удостоенных позднее престижных научных премий, родилось под его кровом. С юности Финли вращался в обществе людей незаурядных, и это стимулировало работу его мысли, заставляло идти вперед, словом, быть «на уровне».

Гамильтон учился в том же университете, что и Финли, только двумя курсами младше. Гамильтона-студента Финли совершенно не помнил, потому что десяток негров, допущенных в университет, не входили в общество, в котором вращался он сам (по объективным причинам, считал Финли: черным студентам не хватало образованности, культуры мышления, остроумия). Это были выходцы из бедных семей, в полной мере ощутившие пресс сегрегации, калечащей человеческое достоинство. Гамильтон получил золотую медаль общества генетиков за свою дипломную работу и тут же был приглашен лабораторией Чарлстона.

Финли встретил его чрезвычайно любезно, познакомил с коллегами, пригласил на чай и мимоходом поинтересовался, в каком университете учился Гамильтон. Другой на месте Гамильтона, возможно, и не обратил бы на это внимания, старшекурсникам свойственно не замечать младших, но Гамильтон болезненно реагировал на такие вещи. Студентов, занимавшихся на кафедре генетики, было мало, все они знали друг друга, и пренебрежение обидело его. Контраст между только что состоявшимся за чаем разговором коллег и этим вопросом был разительным: только что Гамильтон

---

\* Конфедерация рабовладельческих штатов, в которую вошли 11 из тогдашних 34 штатов, образовалась в начале 1861 года и подняла мятеж против федерального правительства. Так началась гражданская война Юга против Севера.



ощущал себя таким же, как все, забыв о цвете своей кожи, о детстве, о вечном страхе перед белыми, и вдруг все это вернулось к нему.

Гамильтон вырос в старом южном городке Эдмфилде, где с рабовладельческих времен сохранилось презрительное отношение к неграм. Эдмфилд гордился тем, что десять его сыновей стали губернаторами разных штатов, и вообще город дал Соединенным Штатам больше выдающихся государственных деятелей, ораторов и полководцев, чем любое другое графство Южной Каролины. Один из этих выдающихся деятелей — генерал Мартин Уитерспун Гэри — в 1895 году провел на конференции отделения демократической партии в Эдмфилде резолюцию, утверждающую, что «господство белой расы необходимо для существования американского народа». Резолюцию эту никто не отменял, и в детские годы Гамильтон в полной мере познал, что именно его белые сверстники понимали под «господством белой расы».

В университете ему жилось уже легче. Белые студенты держались с ним холодно-вежливо, не давая повода заподозрить себя в расизме. А в лаборатории Гамильтон иногда даже забывал, что он черный. Коллеги хорошо его приняли, по достоинству оценив активность молодого ученого, способность рождать неожиданные идеи.

Гамильтон купил участок земли, построил дом. Теперь его детям был открыт доступ в лучшую школу города, где они были избавлены от любых проявлений расизма: сыновья и дочери городской элиты не могли унизиться до такой вульгарности, признаком хорошего тона было демонстрировать безразличие к цвету кожи. В этом году старший сын заканчивал школу, и Гамильтон намеревался отправить его в один из университетов либерального Северо-Востока, подальше от потомков плантаторов. Но для этого нужны были деньги, а весь доход семьи поглощал дом: еще пятнадцать лет им предстояло выплачивать крупные взносы, пока дом не станет их полной собственностью.

Блейкер оказался прав. Хотя в законе, в соответствии с которым был создан специальный суд, сказано, что

судья должен внимательно изучить дело и что разрешение на установку аппаратуры прослушивания дается лишь в том случае, если все другие средства выяснения обстоятельств дела исчерпаны, на выдачу ордера, которого ждал Говард Хиббет, ушло примерно полторы минуты — чуть больше, чем на снятие ксерокопии.

Распоряжение помощника директора ФБР Блейкера не допускало промедления, и Хиббет улетел домой на следующий день после того, как получил разрешение на прослушивание телефонов лаборатории экспериментальной генетики и частных домов, принадлежащих ведущим научным сотрудникам лаборатории.

Для отделения ФБР в штате Южная Каролина установка электронных подслушивающих устройств была уже делом знакомым. Однажды Хиббет представил суду несколько коробок с магнитофонными лентами; чтобы прослушать их все, потребовалось бы 1300 часов чистого времени. Люди Хиббета установили микрофоны во всех комнатах двухэтажного особняка, который принадлежал человеку, обвинявшемуся в ограблении двух банков. Адвокат заявил судье протест. Он сказал, что изучение этих пленок означает для него пятнадцать лет работы, и потребовал не рассматривать их как вещественное доказательство. Судья протест отверг, а пятнадцать лет дал подсудимому, после того как присяжные признали того виновным по всем пунктам. У сотрудников отделения ФБР, занимавшихся подслушиванием, был маленький праздник. В отличие от адвоката, им самим пришлось до одурения слушать магнитофонные записи всех разговоров, которые вел преступник.

Специальный агент Говард Хиббет, как и другие руководители отделений и служб ФБР, охотно отдавал указания об организации прослушивания. Рядовые сотрудники эту работу не любили. Во-первых, слушать чужие разговоры на самом деле не так уж интересно, особенно когда это становится обязанностью. Во-вторых, установка микрофонов далеко не простое дело, она требует сноровки, наглости и быстрой реакции. Ведь

нужно проникнуть в дом незаметно для хозяина и не попасться на глаза соседям, которые, заподозрив неладное, могут вызвать полицию. Такое уже случалось, и побывавшие в подобных переделках агенты ФБР без всякого удовольствия вспоминали о встрече с коллегами из полиции.

Через неделю после возвращения Хиббета из Вашингтона лабораторию экспериментальной генетики в Чарлстоне по очереди посетили бригада электриков и бригада монтеров из телефонной компании. Они обновили электрохозяйство, починили два кондиционера и сменили несколько телефонных аппаратов.

Технический центр отделения ФБР в Южной Каролине был избавлен от необходимости заниматься другими делами и полностью погрузился в проблемы современной генетики и биотехнологии.

Агенты установили микрофоны в домах сотрудников лаборатории — по списку, составленному Хиббетом. В списке фигурировали директор лаборатории, его помощник, ведущие исследователи Финли и Гамильтон, еще трое ученых.

Когда все дома были «озвучены», прослушиванием наиболее интересных разговоров занялся Хиббет.

« — Еще десять лет назад мы занимались чистой наукой, и наш директор не мог найти заказчиков, чьи деньги компенсировали бы наши расходы. А пять-шесть лет назад нас начали заваливать заказами, и фундаментальные исследования, не сулящие немедленного практического выхода, отошли на задний план. Теперь лаборатория занимается прикладными разработками и выдает продукцию, которую можно немедленно внедрять в производство. Среди наших клиентов «Джинтел», «Лайф текнолоджиз», «Байоджин», «Джинекс», то есть крупнейшие американские биотехнические компании. Они возникли в конце 70-х годов, вслед за первыми крупными достижениями молекулярной биологии, когда появилась возможность методами генной инженерии создавать лекарства, которые фармацевтам обходятся очень дорого или которые вообще невозмож-

но синтезировать обычным путем. В те годы о генной инженерии, о молекулярном клонировании писали исключительно как о чем-то фантастическом, а эти компании сумели убедить владельцев крупных фармацевтических фирм в том, что чисто лабораторные достижения уже можно использовать в коммерческих целях. И кое в чем их обещания оправдались. Методами генной инженерии изготавливаются интерферон, инсулин и гормоны роста бувин и порцин, которые, как считают специалисты, резко повысят производительность нашего животноводства. Биотехнологические компании считают, что смогут изготавливать любые лекарства в десять раз быстрее обычных фармацевтических фирм. Но пока что у них не все получается, нужны еще серьезные научные изыскания, а мы слишком поспешно занялись коммерческим использованием первых положительных результатов. Биотехнология способна революционизировать промышленность, но это все-таки дело завтрашнего дня. Сегодня, повторяю, нужно работать в лаборатории.

— Я выслушал вас очень внимательно, доктор. Спасибо за откровенность. Для меня это имеет особое значение. Нельзя вкладывать деньги в предприятие, о котором толком ничего не знаешь.

— Вы хотите вложить деньги в нашу лабораторию?

— Как раз сейчас я тщательно обдумываю эту идею. Наша корпорация «Уолкокс майнинг» имеет значительные интересы и в фармацевтической промышленности — после того как мы основали «Чарлстон бионикс», и в животноводстве, которому биотехнология может кое-что предложить, не так ли?

— Разумеется. Можно вырастить свинью размером с корову. В университете штата Огайо свиноматкам вводят гормоны роста — хотя получать сверхкрупное потомство, которое можно продавать уже через три месяца, а не через шесть, как обычно. Трудность состоит в том, что манипуляция генами не всегда проходит удачно. В таких опытах обычно всего лишь шесть процентов яйцеклеток с измененным генетическим кодом дает потомство, которое действительно обладает нужными качествами. Поэтому большая часть крупных



животноводческих компаний пока что надеется не на биотехнологию, а на обычную селекцию.

— Ну, надо смотреть в будущее, а не жить только сегодняшним днем. Я думаю, что совет директоров нашей корпорации окажется достаточно дальновидным и найдет средства, чтобы позаботиться о своем будущем. Так что, доктор, я надеюсь на длительное сотрудничество с вами. Полагаю, и вы в свою очередь не раскаиваетесь, что стали помогать нам. Разумеется, сумма последнего гонорара — не предел. Чем больше наша корпорация станет заниматься биотехнологией, тем больше мы сможем платить.

— Для меня главное не это.

— Я знаю, доктор, но для деловых людей хорошо заплатить — единственная возможность выразить свою благодарность. И последнее, доктор. Мы просим вас проверить правильность еще нескольких опытов, проведенных нашими, к сожалению, не очень квалифицированными генетиками.

— Да-да, конечно.

— Спасибо, доктор, я позвоню вам в понедельник».

Прослушав запись этой беседы, происходившей в доме Финли, Говард Хиббет подумал, что он, кажется, попал на след. Разговор между одним из ведущих исследователей лаборатории экспериментальной генетики и неким Кроули, прилетевшим в Чарлстон с Северо-Востока, свидетельствовал о том, что именно Финли вступил в подозрительные отношения с представителем какой-то корпорации.

Огромная широкоплечая фигура помощника директора Федерального бюро расследований возвышалась над письменным столом, который казался карикатурно маленьким. Кулаки Блейкера были с голову ребенка. Нервничая, он сжал их, словно готовился нанести удар.

Сегодня утром Блейкеру принесли ксерокопию доклада, который будет оглашен на пресс-конференции



через неделю, и, отложив дела, он с отвращением просмотрел ее.

*«Героические агенты ФБР, готовые жертвовать жизнью во имя закона, — образ, знакомый каждому американцу. Но у этого образа есть другая сторона: нечестные агенты, которые, презрев закон, берут взятки. И это происходит почти во всех городах США. Мы обнаружили, что коррупция — очень распространенное явление. Изодренное всего действуют агенты, в чьей сфере деятельности находится игорный бизнес. Эти агенты каждые две недели собирают по три с половиной тысячи долларов с каждого игорного заведения в районе, находящемся под их наблюдением, и делят между собой. Ежемесячная доля каждого — 300-400 долларов в Манхэттене и 1500 долларов в Гарлеме. Если в деле участвует специальный агент, он получает полторную долю. Новичок в течение первых двух месяцев не получает ничего, поскольку проходит проверку на надежность. Но когда его переводят в другое подразделение или даже в другой город, ему выдают «выходное пособие» точно в размере его двухмесячной доли.*

*Получение взяток агентами по борьбе с распространением наркотиков не так хорошо организовано, поскольку торговцы наркотиками не скупают всех представителей закона на корню, а имеют дело с одним-двумя агентами, которые, таким образом, ни с кем не делятся, кроме непосредственных начальников. Размеры взяток колеблются от небольших сумм за мелкие услуги до фантастических «подарков» в 80 тысяч долларов. Торговцы наркотиками, получающие астрономические прибыли, обычно не скупятся.*

*Низшие служащие отделения ФБР обычно не могут рассчитывать на столь крупные взятки, но кое-что перепадает и им. Вместе с патрульными полицейскими они получают огромное количество мелких взяток от тех, кто не в ладах с законом и рассчитывает таким образом обезопасить себя. Полицейским, особенно разъезжающим в патрульных автомобилях, достается небольшая доля от поборов с игорных заведений: владельцы баров, распивочных заведений, бакалейных лавок*

время от времени суют им несколько пятидолларовых бумажек. Несмотря на то, что размеры этих взяток невелики (в пределах 20 долларов), они поступают из стольких источников, что в сумме вырастают до размеров второй зарплаты. Менее регулярный доход составляют поборы с водителей тяжелых грузовиков, таксистов, проституток, владельцев бензоколонок. Особая сфера получения взяток — деньги, которые дают агентам арестованные, чтобы устроить свои дела.

Еще одно распространенное явление — «подарки», которые делают сами служащие ФБР старшим по должности ради хорошего назначения.

Хотя комиссии не удалось собрать прямые улики, указывающие на то, что сотрудники ФБР высокого ранга — специальные агенты — получали взятки, многочисленные косвенные доказательства подтверждают, что это так. Чаще всего они использовали подчиненных как сборщиков взяток. Правда, некоторые агенты обирали людей, утверждая, что деньги пойдут начальнику, а на самом деле все оставляли себе. Поэтому трудно определить, действительно ли в этом замешаны руководители отделений ФБР.

Конечно, не все агенты взяточники. Часть из них довольствуется бесплатной едой и выпивкой в «своих» барах. Тем не менее, за редким исключением, даже те, кто ни в чем не замешан, в определенном смысле виновны, поскольку не предприняли ничего, чтобы остановить взяточников.

Агенты-взяточники делятся на две основные категории — «мясоеды» и «травоеды». Первые активно злоупотребляют служебным положением ради личной выгоды, вторые просто берут то, что им предлагают.

«Мясоеды», получающие огромные взятки, составляют небольшой процент агентов, поскольку они слишком рискуют и часто попадаютсся. Проблему составляют именно «травоеды», оперирующие небольшими суммами и как бы не вымогающие взятки, а лишь соглашающиеся их принять. Огромное число «травоедов» следят за соблюдением неписаного кодекса молчания, и в результате тот, кто решается разоблачить взяточников, воспри-

нимается как предатель. Новичок, взятый на работу в ФБР, ставится в такие условия, при которых ему легче начать брать взятки, чем остаться честным.

Положение усугубляется тем, что если «мясоедов» иногда удается наказать, то «травоедами» практически никто даже не интересуется; да и какое из правоохранительных ведомств могло бы совладать с такой армией правонарушителей?

Проблема коррупции, разумеется, не нова. Попытки покончить со взяточничеством в полиции и ФБР предпринимались и раньше. Тем не менее ничего не меняется. Это не значит, что правоохранительные органы обладают монополией на коррупцию, она процветает также в других правительственных учреждениях и в бизнесе.

Мы исследовали коррупцию в Федеральном бюро расследований. Для этого есть веские причины. ФБР занимает особое место в обществе. От агента ФБР ждут, что он будет соблюдать законность и охранять порядок. В его обязанности входит очень многое: от защиты отдельного человека до обеспечения стабильности в стране. Он должен защищать жизнь и собственность граждан США, поэтому общество предоставляет ему особые права и прерогативы — в первую очередь право носить оружие и арестовывать любого члена общества.

Самим агентам кажется несправедливым то, что на коррупцию в ФБР, равно как и в других правоохранительных органах, обращают больше внимания, чем на коррупцию в других звеньях государственного аппарата. Они считают, что коррупция внутри ФБР всего лишь результат разложения в других областях криминально-правовой системы, прежде всего в полиции. А несправедливость, утверждают они, усиливает враждебность к ним общества, чему способствует сама природа работы в Федеральном бюро расследований.

Нет сомнения, что жизнь агента полна опасностей и во многом зависит от того, насколько он может в критической ситуации положиться на своих коллег. Однако агенты перестают доверять кому бы то ни было, кроме самих себя, и нетерпимы к любому вмешательству извне в дела их ведомства.

*По мнению комиссии, все это создало серьезное препятствие для искоренения коррупции в ФБР, тем более что на всех уровнях в бюро расследований отказываются признать серьезность этой проблемы.*

*В ФБР родилась теория «гнилого яблока». В соответствии с этой теорией, которая является официальной доктриной ведомства, любой агент, уличенный во взяточничестве, объявляется единственным гнилым яблоком среди идеально здоровых плодов. Мораль ведомства исключает признание коррумпированности ФБР, хотя все служащие знают ее масштабы. Они отрицают существование взяточничества ради ведомственного престижа.*

*Доктрина «гнилого яблока» стала основным препятствием на пути осуществления реформ. Она придает респектабельность кодексу молчания и заранее оправдывает любого, кто предпочтет скрыть правду. Эта доктрина затруднила, если не сделала совершенно невозможной, реорганизацию руководящего состава ФБР: раз наверху не признают, что взяточничество приобрело огромные масштабы, то вроде бы и нет нужды в радикальных переменах.*

*Ни руководитель отделения ФБР в Нью-Йорке, ни центральный аппарат не приняли никаких мер борьбы с коррупцией. Особо следует отметить тот факт, что руководитель отделения ФБР в штате Южная Каролина специальный агент Говард Хиббет сорвал проведение расследования в его штате и не был за это наказан своим начальством.*

*Отвергая доктрину «гнилого яблока», комиссия решила применить метод, который прежде невозможно было использовать: она попробовала убедить агентов нью-йоркского отделения ФБР в необходимости сотрудничества с комиссией и предоставления ей информации о тех, кто берет взятки.*

*Сведущие люди утверждали: кодекс молчания настолько силен, что комиссии никого не удастся склонить к сотрудничеству в разоблачении коррупции. Тем не менее нам удалось убедить трех агентов заговорить.*



Двое из них вынуждены были это сделать, так как следователи комиссии их разоблачили.

Информация, предоставленная третьим агентом, настолько ценна, что комиссия в настоящий момент не может предать ее гласности. Его показания переданы в распоряжение федерального правительства для проведения расследования. Он также привел двух наркоманов, которые согласились работать с комиссией, чтобы снабдить ее доказательствами, уличающими агентов во взяточничестве. В результате этой работы комиссия получила видеопленки, запечатлевшие агентов ФБР, торговавших наркотиками. Некоторые наркоманы расплачивались с ними явно краденными вещами.

Тем не менее руководитель отделения ФБР в Нью-Йорке постоянно подчеркивал, что во всем отделении взяточников можно пересчитать по пальцам. После того как первый из агентов начал давать показания, руководитель отделения назвал его мошенником».

Дочитав доклад до конца, помощник директора ФБР Блейкер пришел к выводу, что в конце концов все не так страшно. Если не считать морального ущерба, ФБР отделается довольно легко. Отделение в Нью-Йорке придется, конечно, почистить. Прежде всего Блейкеру надо найти толкового специального агента, который мог бы возглавить это отделение. Блейкер мысленно перебрал несколько кандидатов. Самым подходящим был Говард Хиббет, возглавляющий отделение в Южной Каролине. Его послужной список не вызовет возражений ни в отделе кадров, ни у самого директора. Говард Хиббет, судя по тому, как он помешал комиссии сунуть нос в его дела, сумел бы навести порядок в отделении — быстро и без шума выставить и тех, кто попался на взяточничестве, и тех, кто вызвался помогать комиссии. Неумехам, как и нелояльным работникам, нечего делать в ФБР. Но пока Хиббету предстоит заняться другими делами.

Запись разговора была сделана в рабочем кабинете и потому получилась очень четкой.

« — Я проанализировал интересующий вас материал. Если хотите, могу кратко сообщить основные выводы... Вообще говоря, наличие каких-то дефектов в хромосомном хозяйстве любого человека нельзя считать чем-то необычным. Определенные мутации происходят сами по себе или под воздействием окружающей среды, многие из них носят вполне безобидный характер или даже идут на пользу человеку. Но представленный мне для изучения материал свидетельствует о серьезных отклонениях от нормы. В одиннадцати случаях из тридцати шести я обнаружил опасные для здоровья мутации. Это соотношение в тридцать раз превышает средние цифры по стране. У меня сразу возникли сомнения: соблюдали ли ваши генетики, проводившие исследования, все необходимые для таких экспериментов условия? Может быть, кровь на анализ брали только у тех, кто уже жаловался на здоровье? Ведь такие факторы, как радиация, наркотики или вирусы, тоже могли вызвать мутации.

— Нет-нет, я могу сказать вам с полной уверенностью: исследователи не выискивали исключительно больных людей. Кровь брали у тех, кто живет на Черном ручье.

— В таком случае мы имеем дело с достоверными сведениями, которые, на мой взгляд, представляют огромный интерес, поскольку во всех одиннадцати случаях наблюдается одно и то же генетическое повреждение, причем не совсем обычное: прекращен синтез ферментов, обеспечивающих генетическую репарацию.

— Вам придется объяснить мне, что это означает.

— Генетическая репарация — это способность организма восстанавливать наследственный аппарат клетки, своего рода самолечение. Существуют ферменты, которые устанавливают дефектный участок ДНК, если можно так выразиться, вырезают его и заполняют пустой участок недостающими звеньями из другой, неповрежденной нити ДНК. Если клетка теряет способность к генетической репарации, число мутаций стремительно нарастает и клетка рано или поздно гибнет. Полагаю, что те, кто были объектом исследова-

ний, обречены. Генный аппарат их лимфоцитов, то есть белых кровяных телец, почти полностью потерял способность к репарации. Должен сказать, что как генетика меня очень заинтересовал этот случай».

Генри Рассел любил свой маленький аккуратный домик, окна которого выходили на Черный ручей. Он прожил здесь четырнадцать лет и все свои деньги вложил в этот дом. Все вечера и выходные дни он красил, утеплял, украшал — словом, всячески улучшал свое драгоценное имущество. Но настал день, когда он решил бросить дом. Своими руками он заколотил входную дверь и вместе с женой и четырьмя детьми переехал в Чарлстон. За дом он сейчас не смог бы выручить и цента, разве что продал бы его на дрова. Сердце Рассела разрывалось, когда он прощался с домом, но другого выхода не было. Здоровье детей дороже. Все четверо детей Генри Рассела страдали эпилепсией. Рассел считал, что болезнь детей — результат страшного дыхания Черного ручья.

Так же поступили и многие его соседи — те, кто сумел найти работу в Чарлстоне. Остальным пришлось остаться. Они продолжали жить на Черном ручье, больше похотев не на ручей, а на сточную канаву. Десятилетиями сюда сбрасывались отходы химического производства. В поселке у Черного ручья побывали генетики, результаты их работы и было предложено проанализировать Финли.

Черный ручей считался проклятым местом. Ядовитые испарения отравили атмосферу в поселке, в подвалах домов скапливалась грязь какого-то зловещего цвета. Медицинские карточки жителей поселка фиксировали необычно большое число выкидышей, врожденных уродств, злокачественных опухолей, частые заболевания дыхательных органов, нервной системы, печени, почек...

Когда характер этой ядовитой бомбы замедленного действия стал совершенно очевиден, власти Южной Каролины переселили несколько семей из домов, расположенных ближе всего к Черному ручью. Но жители

поселка — из тех, кто остался, — были убеждены, что «сфера влияния» вредоносного ручья значительно шире определенного властями радиуса заражения. Они взывали о помощи к местным властям, к губернатору штата, к агентству по охране окружающей среды, к президенту, но безуспешно.

Те, кого переселили за счет фондов агентства по охране окружающей среды, разместились в пустующих армейских казармах, в отвратительных условиях, но ничего лучше они не смогли получить, несмотря на протесты, петиции и сидячую забастовку в собрании графства.

Все началось после войны, когда территорию, по которой протекал Черный ручей, купила химическая компания. В нескольких километрах от ручья построили крупный химический завод, а ручей стали использовать как удобную сточную канаву, сюда сбрасывали огромное количество ядовитых отходов, в том числе пестицидов. Всего в Черном ручье похоронили двадцать с лишним тысяч тонн отходов химического производства. Сотрудникам агентства по охране окружающей среды, даже если бы они того захотели, не к чему было придаться. По нормам того времени компания действовала согласно правилам: ядовитые отходы помещались в 55-галлоновые\* стальные цилиндры. И не вина компании, говорили ее адвокаты, что со временем цилиндры, проржавев, потеряли герметичность и отходы попали в ручей. Ручей засыпали, и компания за символическую плату в один доллар передала это место школьному совету графства для строительства здесь школы. Вскоре на этом химическом могильнике выросли домики первых жителей поселка, которые тогда, разумеется, и не подозревали о том, что их ждет.

Правда, многим с самого начала было как-то не по себе. У детей, которые купались в пруду рядом с засыпанным ручьем, появлялась болезненная сыпь. Тех, кто поселился у самого ручья, удивляло странное свечение,

---

\* Галлон — примерно 3,7 литра.



возникавшее сырыми летними ночами над бывшей свалкой.

Потом какие-то клейкие вещества начали просачиваться сквозь стены подвалов, проникать в водопроводные трубы. От неприятных запахов постоянно болела голова. Многие стали болеть. Особенно страдали малыши. Здоровые дети в поселке не рождались. На пересекавшей поселок дороге даже пришлось повесить знаки, требовавшие от водителей особой осторожности: глухие и слепые дети, которых много появилось в поселке, то и дело рисковали попасть под машину.

«Поселок проклят дьяволом», — крестились старухи. Но вскоре стало ясно, что все это дело рук не дьявола, а человека. Сильные дожди превратили засыпанный ручей в реку грязи. Грязь дымилась и булькала. Земляную насыпь смыло, и обнажились проржавевшие цилиндры, которые источали яд. Первые же анализы показали, что Черный ручей хранит в себе более восьмидесяти опасных для здоровья человека химических соединений.

Появились проекты создания дренажной системы, которая предотвратила бы попадание ядовитых веществ в близлежащие дома, но они были весьма дорогостоящими. Адвокаты химической компании успешно отвергали иски, утверждая, что компания сняла с себя всю ответственность, передав землю школьному совету. К тому же, говорили они, нет прямых доказательств того, что именно эти химические вещества стали причиной различных заболеваний, поразивших жителей поселка.

Вся история Черного ручья была рассказана Джорджу Финли. Он предупредил Кроули: потребуется целая серия экспериментов для того, чтобы определить, какое именно химическое вещество мешает синтезу ферментов, необходимых для механизма генетической репарации. Финли не стал спрашивать, почему его работодатели, представляющие фармацевтическую промышленность, интересуются этой проблемой. Изучение механизма репарации было весьма перспективным направлением в генетике, и Финли, который собирался опубликовать результаты своих изысканий (разумеется, если экспери-

менты будут успешными), понимал, сколь высоко его труд будет оценен коллегами.

— Что нового по делу о смерти Энни Эдамс? — поинтересовался Говард Хиббет, всю неделю занимавшийся лабораторией экспериментальной генетики.

— Полиция штата ищет Стоктона, который работал на складе фирмы «Уильямс энд Уильямс»; он, видимо, и заразил вирусами лекарства, — доложил один из агентов. — Хотя, должен сказать, история странная. На пользу она только компании «Чарлстон бионикс». Но какое отношение нацист Стоктон имеет к фармацевтической компании? Его попытка избежать встречи с представителями закона тоже свидетельствует против него.

— Если он состоит в неонацистской группе, понятно, что он отнюдь не горит желанием встретиться с агентами ФБР.

— Стоктон входит в группу «Порядок», — пояснил агент. — Лидер группы Стюарт Дью. Мы пытались внедрить в группу осведомителя, но безуспешно, у Дью чудовищный нюх.

— Жалко, что такой парень не работает у меня, вот что я вам скажу, — раздраженно заметил Хиббет. — Он не довольствовался бы очевидным, а продолжал искать. И нашел бы. Репутации отделения ФБР в штате Южная Каролина весьма вредит отсутствие результатов по делу о смерти Энни Эдамс. Хочу, чтобы вы учли это обстоятельство.

Хиббет напрасно распекал своего подчиненного. Через два дня после совещания, на котором глава отделения ФБР в штате Южная Каролина потребовал ускорить расследование, Стоктона нашли.

Разъездной агент по продаже сельскохозяйственных машин сообщил в местный полицейский участок, что на отдаленной ферме он обнаружил труп человека. Патрульная машина добралась туда только на следующий день. Ферма считалась заброшенной; ее владелец, не сумев найти покупателя, переселился в город, забрав из дома все мало-мальски ценное. Проникнуть в дом не

составляло труда. Стоктон, как определили полицейские, забрался через окно. В подвале они нашли солидный запас продуктов, на столе свежие газеты — значит, кто-то снабжал ими Стоктона. Сам Стоктон лежал на кровати. Полицейские не обнаружили на нем никаких следов насилия.

Итоги экспертизы Хиббету сообщили через день. Стоктон умер, заразившись японским энцефалитом.

Это была вторая — после Энни Эдамс — жертва японского энцефалита в Чарлстоне. Теперь у Хиббета были основания утверждать, что Стоктон заразил вирусом лекарство, которое приняла Энни Эдамс, а сам, по всей вероятности, стал жертвой собственной неосторожности.

Рядом с домом, где обнаружили Стоктона, в сарае нашли новенький станок. Когда эксперт осмотрел его, вопрос о том, каким образом вирус японского энцефалита попал в лекарственные препараты, выпускаемые «Уильямс энд Уильямс», был решен. Конечно, фармацевтическая компания «Уильямс энд Уильямс» не погрешила против истины, когда сообщила, что разработала вполне надежную технологию упаковки для своих лекарств. Попытка вскрыть упаковку действительно не могла остаться незамеченной. Но руководители компании умолчали о том, что станок для запечатывания продукции был выпущен не в единственном экземпляре. Каждый, кто располагал достаточной суммой, мог заказать его на заводе-изготовителе. Что Стоктон и сделал. Другой вопрос состоял в том, зачем он взялся за это дело. Агент ФБР пришел к выводу, что Стоктон собирался шантажировать «Уильямс энд Уильямс», но не успел...

« — За эти два года вы провели для нас несколько экспертиз, доктор Финли. Мы очень довольны сотрудничеством с вами. Теперь мы хотим попросить вас поработать на нас несколько активнее. Мы знаем, что плановые темы вашей лаборатории в последнее время не слишком вас устраивают, поскольку носят чересчур

утилитарный и не привлекательный для настоящего ученого характер.

— Интересно, от кого вы так хорошо осведомлены о нашей лаборатории?

— Не думайте, что мы шпионим за вами. Речь идет о чисто деловой информации, которую мы просто обязаны получать. Нас интересуют некоторые работы в области генной инженерии микроорганизмов. Нам хотелось бы, чтобы вы занялись выведением микроорганизмов с заранее заданными свойствами. Свойствами, которые нас интересуют.

— Я должен вас предупредить: существуют определенные ограничения на такого рода исследования. Поэтому я хочу знать заранее, о чем именно пойдет речь.

— Подождите, подождите. Я человек деловой. Тут мы затрагиваем область коммерческих секретов, которые имеют цену, и немалую. Поймите меня правильно. Как представитель компании я обязан принять определенные меры предосторожности, гарантирующие защиту ее интересов.

— Что вы имеете в виду?

— Вам придется подписать обязательство, которое мы соответствующим образом оформим, сохраняя в тайне ваши отношения с компанией. Разумеется, определенные неудобства, связанные с необходимостью выполнять это обязательство, будут компенсироваться.

— Я должен подумать. Долговременный контракт может связать меня по рукам. К тому же я, вероятно, буду лишен возможности опубликовать результаты моих изысканий?

— Отчего же? Просто мы попросим вас отсрочить публикацию полученных данных.

— Уже лучше, но тем не менее я должен подумать.

— Это ваше право, дорогой Финли».

Говард Хиббет отправил в Вашингтон, в справочно-информационный отдел ФБР запрос относительно Кроули и компаний «Чарлстон бионикс» и «Уильямс энд



Уильямс». Кроме того, он попросил поинтересоваться у вирусологов, где и как Стоктон мог раздобыть возбудителей японского энцефалита — болезни, название которой сотрудники отделения ФБР в Южной Каролине, включая самого Хиббета, слышали впервые.

Относительно Кроули ответ поступил быстро — он действительно связан с компанией «Уолкокс майнинг». Кроме того, Хиббета поставили в известность о том, что Кроули является гражданином ЮАР.

Тогда Хиббет сделал то, на что его никто не уполномочивал, — установил за Кроули наружное наблюдение.

После разговора с Финли Кроули покинул Чарлстон. Через несколько дней агенты доложили Хиббету: Кроули встречался с вышедшим на пенсию сотрудником Смитсоновского института \*, по специальности орнитологом. Работая в институте, тот занимался перелетными птицами, обитающими на островах Тихого океана. Агенты выяснили, что его плановая тема в институте называлась «Векторы заболеваний птиц».

Каждую вторую субботу месяца они собирались в густом лесу километрах в трехстах от Чарлстона. Большинство приезжало накануне. Расставляли палатки, жгли костры. Пили мало, в основном пиво. Утром все переодевались в военную форму, некоторые надевали каски. У каждого была автоматическая винтовка М-16. До обеда они изучали тактику партизанской войны, во второй половине дня тренировались в стрельбе по мишеням. В воскресенье программа повторялась, но только до обеда, а потом начинали разъезжаться. Каждого из участников двухдневных маневров провожал руководитель группы Стюарт Дью. В группу входило

---

\* Смитсоновский институт, основанный в 1846 году решением конгресса, — крупнейший научный и культурный центр США. Глава института по традиции — президент США, в почетный совет института входят вице-президент, государственный секретарь, министры финансов, обороны, юстиции.

двадцать пять человек, всех Дью отбирал сам. Он был коренным чарлстонцем и приглашал в группу только тех, кого знал многие годы. По этой причине отделению ФБР и не удалось внедрить в группу «Порядок» своего осведомителя.

В эту субботу в лесу собралось двадцать четыре человека. Двадцать пятым должен был быть Стоктон. О его судьбе все уже знали и полагали, что Стюарт Дью сочтет необходимым почтить память товарища, выполнявшего особое задание, но Дью промолчал.

В воскресенье вечером, провожая членов группы, Дью сделал двоим из них знак остаться.

— Во-первых, я хотел поблагодарить вас за работу, — сказал он. — Дело вы провернули чисто, следов не оставили. Во-вторых, придется сделать кое-что еще. Нужно оружие. Номера винтовок, которыми мы здесь пользуемся для учебных стрельб, зарегистрированы в полиции. Это никуда не годится. Я хотел бы получить две полуавтоматические винтовки AR-15. С ними удобно работать. Здесь, в Южной Каролине, плохие оружейные магазины, их владельцы слишком тесно связаны с полицией. Поезжайте в какой-нибудь другой штат. Я дам вам кредитные карточки, можете их использовать. Они краденые, но полиция об этом еще не знает.

— Может быть, проще заплатить наличными?

— Ни в коем случае! Человек, покупающий такое оружие за наличные, покажется подозрительным любому торговцу. Он сразу донесет в полицию.

Из лагеря Стюарт Дью уехал последним, убедившись, что на поляне не осталось ничего, что могло бы заинтересовать полицию.

Агенты ФБР проникли в гостиничный номер, где поселился Кроули, и пересняли все бумаги, привезенные им от бывшего сотрудника Смитсоновского института. Хиббет решил просмотреть их сам. Пробежав глазами несколько первых страниц, он понял, какого рода проект интересовал Кроули.

Выполняя заказ Пентагона, Смитсоновский институт

изучал возможность использования птиц в качестве носителей биологического оружия. Для этого в течение восьми лет на тихоокеанских островах проводились соответствующие исследования. Результаты передавались в военный научно-исследовательский центр в Форт-Детрике, штат Мэриленд. Без разрешения центра Смитсоновскому институту было запрещено сообщать кому бы то ни было о своей работе. В секрете держались и сами отношения института с центром.

В ежегодных отчетах этот проект фигурировал как крупномасштабное изучение миграции птиц. Определенный экологический материал, собранный во время исследований и не интересующий Кэмп-Детрик, был даже опубликован.

Многие из орнитологов предпочитали не задумываться над тем, на кого они работают. Собственно говоря, ничего особенного от них не требовалось. Выполняя программу «Старбрайт», они плавали на кораблях американских ВМС, базировавшихся в Перл-Харборе, наблюдали за поведением птиц. Корабли делали заходы на острова Рождества, Санд, атолл Джонстон, острова Феникса.

Птиц отстреливали из охотничьих ружей 12-го калибра с вертолета или со шлюпки (обычный способ сбора образцов). Найденных у них на коже паразитов и содержимое желудка забирали себе представители испытательного центра в Форт-Дезерте, штат Юта, где проводились испытания биологического оружия. Птиц также отлавливали. В течение двадцати минут после поимки у них брали кровь, которую помещали в стеклянные пробирки, замораживали и отправляли на анализ в Кэмп-Детрик. Два миллиона птиц были окольцованы. Некоторым привязывали к лапкам оранжевые ленты, чтобы за их полетом можно было следить с моря. За стаями наблюдали с помощью радиолокаторов. Время прилета и отлета птиц, их маршруты тщательно фиксировались.

Через два года после начала исследований по настоящему военных были приняты дополнительные меры безопасности. Тихоокеанские экспедиции, Смитсоновс-

кий институт и испытательный центр в Форт-Дезерте обменивались теперь шифрованными посланиями. Научным сотрудникам Смитсоновского института сказали, что им нужно сделать серию прививок. Армия не хотела, чтобы персонал института заразился в районах испытаний.

От всех участников проекта потребовали большей осторожности. Ученым объяснили, что любая праздная болтовня может привести к печальным для них последствиям. Те, кто непосредственно в проекте не участвовал, должны были лишь знать, что их коллеги собирают данные для отделения орнитологии Смитсоновского института и что военные заинтересованы в изучении окружающей среды в районах, которые могут когда-нибудь стать театром военных действий.

На тихоокеанских островах с целью испытаний был распространен вирус двух инфекционных заболеваний — венесуэльского конского энцефаломиелита и лихорадки Ку. Вирусы распылялись в виде аэрозолей. Формально это называлось проведением мероприятий по защите войск от биологического оружия.

В Смитсоновском институте проектом ведал Сидней Гэллер, который, прежде чем прийти в институт, служил в научно-исследовательском управлении военно-морских сил и занимался тем, что официально именовалось «использованием окружающей среды в военных целях». Он-то и обратил внимание пентагоновских руководителей на то, что некоторые птицы способны мигрировать на огромные расстояния, а следовательно, вполне могли бы быть переносчиками определенных микроорганизмов. В институте Гэллер занимал должность консультанта в области военного использования окружающей среды.

Смитсоновский институт в то время возглавлял Ленард Кармайл, одновременно входивший в состав руководства организации «Фонд экологии человека».

Название это было знакомо Хиббету. «Фонд экологии человека» финансировался Центральным разведывательным управлением. Через этот фонд выделялись средства на различные программы, интересовавшие ЦРУ, например на программу «МК-ультра», которая



преследовала цель разработки психотропных препаратов, способных изменять личность человека. В начале 60-х годов ЦРУ выделило средства на проект, именовавшийся «Роль векторов полета птиц в распространении заболеваний». В создании биологического оружия ЦРУ не отставало от армии. Это следовало все из тех же документов, которые раздобыл Кроули.

Кроули получил в свое распоряжение все данные относительно возможности использовать птиц как носителей биологического оружия. Это Хиббет понял. Но зачем это нужно Кроули?

Существовало одно разумное объяснение, требовавшее от Хиббета немедленной реакции: сведения о биологическом оружии, создаваемом Соединенными Штатами, могли интересовать только иностранного разведчика.

В тот день, когда Хиббет пришел к такому заключению, его вызвали в Вашингтон. Помощник директора ФБР Блейкер срочно пожелал видеть руководителя отделения бюро в Южной Каролине.

Хиббет прилетел в Вашингтон утром и сразу же поехал на Пенсильвания-авеню. В приемной Блейкера ему сказали, чтобы он никуда не отлучался: помощник директора может потребовать его в любую минуту. Хиббет проторчал в ФБР целый день. Блейкер принял его только в семь вечера.

Хиббет вошел в кабинет усталый и злой, но Блейкер был сама любезность. Он извинился перед Хиббетом за то, что заставил его ждать, угостил кофе и всячески демонстрировал свое расположение. А расположением Блейкера в стенах ФБР мало кто мог похвастаться.

— Вы получили нашу последнюю информационную сводку? — спросил помощник директора ФБР.

— Да, я успел просмотреть ее перед вылетом. Цифры неутешительные.

— Что ни говори, а в последние двадцать лет страна переживает губительный подъем преступности.

— Несмотря на все наши усилия, — вставил Хиббет. — Наши и полиции.

— Это верно. Вы ведь знаете: число преступлений,

совершенных чернокожими американцами, значительно выше числа преступлений, совершенных белыми. Но боязнь быть заподозренными в расизме мешает нам называть вещи своими именами. А ведь пора честно признать, что облик преступника формируется в раннем детстве и определяется генетическим кодом. Преступные черты проявляются очень рано — еще до поступления ребенка в школу. Поэтому смешно искать взаимосвязь между преступностью и плохим образованием или безработицей. Я-то достаточно повидал образованных преступников, имевших хорошую работу.

— И теперь мы можем наконец открыто сказать, что статистика отражает реальное положение дел, а не дискриминацию черных полицейскими и судьями, — поддержал его Хиббет. — Еще несколько лет назад попробуй я заявить что-либо подобное, меня тут же бы обвинили в шовинизме и кричали бы, что из-за таких, как я, сохраняется сегрегация в школах, что расизм заложен в самом нашем национальном самосознании.

— Все дело в том, что политики лезут не в свое дело. Всем ясно: если преступность — результат действия определенных биологических и расовых факторов, а не нищеты, плохого образования и безработицы, то и к борьбе с этой опасностью нужно подходить иначе. Но левые политики, дабы завоевать популярность, упирают на необходимость улучшения социальных условий. И тем самым мешают правоохранительным органам планомерно бороться с насилием.

— К нашей помощи прибегают только тогда, когда преступление уже совершено, — вздохнул Хиббет. — Но мы не пожарные. Наше дело не тушить вырвавшийся из-под контроля огонь, а предупреждать возгорание, тем более что мы хорошо осведомлены о пожароопасных веществах. Социально-биологическая профилактика — вот что необходимо американскому обществу. Ведь на протяжении девятнадцатого и начала нынешнего века Америка вполне успешно справлялась с преступностью. Я отношу этот успех за счет облагораживающего влияния традиционных ценностей американской культуры. И, разумеется, еще не было никакой эмансипации

черных. Все это кончилось, когда интеллектуалы подвергли критике американскую мораль как лицемерную, подавляющую энергию молодежи и душащую таланты. Поддержанные психологами-фрейдистами и либералами, они поставили под сомнение прежние принципы воспитания — дескать, детям не хватало «свободы самовыражения». Когда наступил расцвет негритянского движения, мы в полной мере ощутили, что означает утрата традиционных ценностей. Борьба за гражданские права обернулась волной насилия.

— Вот именно. Но ведь ФБР и полиция не всесильны. А тюремное заключение как средство борьбы с преступностью уже исчерпало себя. В прошедшем десятилетии число американцев, содержащихся за решеткой, возросло более чем в два раза, а в некоторых штатах утроилось — в результате применения новых законов об обязательном минимальном сроке и вынесении более строгих приговоров. И что же? В Америке сейчас находится в заключении больше собственных граждан, чем в любой другой стране. Но это не привело к сокращению преступности.

— Грустно сознавать, что, зная диагноз, не можешь подыскать лекарство, — подвел итог беседе Хиббет.

— Я бы сказал, что лекарства еще нет. Фармакология отстает от потребностей медицины. Так было всегда.

— Боюсь, нашего века не хватит, чтобы дождаться этого лекарства.

— Ну-ну, не надо быть таким уж пессимистом. — Блейкер поднялся из-за стола. — Я рад, что мы с вами единомышленники. Есть предложение. Поужинаем вместе? Заодно познакомлю вас с одним человеком.

Тарбелл показался Хиббету совсем молодым, во всяком случае моложе, чем он сам, и мысль о том, что этот человек уже стал руководителем крупной корпорации «Уолкокс майнинг», вызвала в нем зависть. Первые несколько минут Хиббет остро ощущал свою провинциальность и какую-то второсортность. Но Тарбелл был очень внимателен к своим гостям, и неловкость исчезла.

— Я вижу здесь одних конгрессменов-консервато-

ров, — заметил Блейкер, внимательно оглядев сидящих за соседними столиками. — Правление клуба нарушает конституцию, допуская дискриминацию по политическим убеждениям.

Тарбелл засмеялся.

— Не могу сказать о себе, что я консерватор. Все же надо исходить из того, что догмы — и консервативные, и либеральные — не должны брать верх над реальностью. Либерал — это человек, который верит, что река может бежать в гору, и считает, что вода должна быть бесплатной. А консерватор считает, что каждый должен платить за воду, которой пользуется, и что вода должна течь только вниз с горы. Я придерживаюсь умеренных взглядов: вода должна быть бесплатной, но пусть она все же бежит с горы вниз.

Тарбелл пил мало. Глядя на него, Хиббет тоже старался не увлекаться. Один Блейкер ел и пил в свое удовольствие.

— По профессии я горный инженер, — рассказывал Тарбелл. — Работал в горнорудной промышленности и всегда считал, что моего образования мне хватит. Но когда меня назначили вице-президентом, я засел за научную литературу. Корпорация приобрела несколько фирм не нашей отрасли, вот и приходится постигать азы совершенно незнакомых мне наук.

— Во всем есть свои негативные моменты, — хмыкнул Блейкер.

— С одной стороны. А с другой — я открываю для себя совсем новый мир. Теперь у меня на столе лежит стопка книг по генетике. Должен сказать, что если бы я выбирал специальность сейчас, то непременно стал бы генетиком.

— Но вы же промышленник, а не ученый, — возразил Блейкер.

— Именно поэтому. Генетика, геновая инженерия сулят большие деньги. Тот, кто увидел это вчера, завтра получит прибыли, сегодня немыслимые. И вообще это интересное дело. Только недавно узнал, что, оказывается, вампиры и оборотни действительно существовали. Они были жертвами редкой наследственной болезни —



порфириаза. Это дефект в биохимии организма: нарушается синтез красных кровяных телец. Жертвы этой болезни очень чувствительны к свету. В организме скапливаются порфирины — пигменты, которые разлагают кислород до токсичной субстанции, разрушающей кожу. Поражение кожи может быть настолько обширным, что нос и пальцы оголяются почти до костей. Десны слабеют, зубы торчат и начинают походить на звериные клыки. Словом, точь-в-точь персонажи фильмов о вампирах. Естественно, увидев такого человека, люди пугались. Больные порфириазом походили на животных, поэтому возникли легенды об оборотнях. Сейчас таких больных лечат инъекциями, переливаниями крови, заставляя избегать солнца. В средние века медикаментозное лечение было невозможно. Что же им оставалось? Пить кровь, не за столом будь сказано.

— А зачем им было пить кровь?

— Небольшое количество крови из желудка все же попадало в систему кровообращения, это им немного помогало. Естественно, они должны были пить свежую, не свернувшуюся кровь и, спасаясь от солнца, вести ночной образ жизни. Видите, все очень просто.

— Я буду в полном восхищении, если вы еще объясните происхождение легенды о том, что когда человек спит с венком из чеснока вокруг шеи, то вампиры его не трогают. — Хиббет счел свой вопрос весьма каверзным.

Тарбелл улыбнулся:

— Есть вещества, которые могут помешать процессу кроветворения и тем самым убить страдающего порфириазом. Одно из них содержится в чесноке, вот больные и боялись чеснока.

— Мне понятно ваше увлечение генетикой, — сказал Хиббет. — Помимо того, что она дает чисто практические выгоды, связанные с применением методов генной инженерии в биотехнологии, эта наука помогает нам немного разобраться в самих себе. Я где-то читал, что поведение человека целиком определяется генами и химическими процессами, происходящими в организме.

— Это несколько упрощенный подход, свойствен-

ный социобиологам, — оживился Тарбелл. — Они даже утверждают, что, скажем, в каждом человеке генетически заложен страх перед чужими. И этот страх — что-то вроде встроенного механизма, наличие которого объясняет и расизм, и патриотизм.

— Лучше бы генетики научились выводить такую породу людей, которые бы никогда не совершали преступлений, — заметил Блейкер.

— А на что годится человек, не способный вступить в конфликт с обществом? — пожал плечами Тарбелл. — Это была бы плохая человеческая порода. Но вообще говоря, идея вывести новую расу представляется мне перспективной. Не в плане создания сверхчеловека, а в плане сознательной селекции наиболее удачных черт человеческой породы. Это направление генетики называется евгеникой. Цель евгеники весьма благородна — увеличить число людей с благополучным генетическим фондом. Идея евгеники есть еще в Ветхом завете. А Платон в «Республике» восхваляет общество, которое осуществляет селекцию ради улучшения человеческого рода. Английский психолог и антрополог Френсис Гальтон, кузен Дарвина, предположил, что теория эволюции, сформулированная его родственником, открывает путь к разумному улучшению человеческой природы. Гальтон, изучая высшее британское общество, пришел к выводу, что было бы правильно вывести расу высокоодаренных людей путем заключения разумных браков на протяжении жизни нескольких поколений. Гальтон основал кафедру евгеники в Лондонском университете. Руководителем кафедры стал Карл Пирсон, блестящий математик. Он обращал внимание на опасно высокий уровень рождаемости среди бедняков, считая, что это грозит человечеству упадком. Общество евгеники было создано и в Штатах в 1926 году. Члены общества не сомневались в превосходстве белой расы, особенно северных арийцев, которые имеют лучший генетический фонд. Одновременно они полагали, что выходцы из Южной и Восточной Европы имеют генетически испорченный фонд, среди них формируется много будущих преступников. Они призывали к ограничению иммиграции и, как вы помни-

те, добились своего. Была установлена годовая квота в сто пятьдесят тысяч человек, причем принималась в расчет национальность иммигрантов: пускали не более двух процентов от живущих в США представителей каждой национальности. Общество евгеники пропагандировало идею стерилизации тех, кто имел дурную наследственность. В Соединенных Штатах Лотроп Стадхард — последователь французского социолога Жозефа Артюра де Гобино, автора труда «О неравенстве человеческих рас» — предупреждал об «угрозе со стороны неполноценного человека». Другой американец — Мэдисон Грант требовал «проведения строгой селекции путем устранения слабоумных и неспособных — другими словами, отбросов общества». В противном случае, говорил он, и грядущие поколения «будут тяготиться проклятиями постоянно увеличивающегося числа жертв экспрессивного фанатизма, направленного по ложному пути».

Первым стерилизацию провел также американец. Его звали Гарри Шарп. В 1899 году тюремный врач из Джефферсонвилля впервые и успешно продемонстрировал свой метод — «разъединение семявыводящих протоков в целях предупреждения размножения неполноценных людей». В некоторых американских штатах этот метод даже был закреплен в законах о стерилизации, действовавших в этих штатах. К 1931 году законы о насильственной стерилизации умственно неполноценных и преступников приняли 27 штатов. Особенно много стерилизаций проводилось в Калифорнии. К 1935 году операции подверглось десять тысяч человек.

— Что ни говори, а из семей уголовников не так уж часто выходят университетские профессора, — заметил Блейкер.

— Тут ведь еще вот такая проблема, — продолжал Тарбелл. — Испорченный ген, то есть ген-мутант, обычно рецессивен: чтобы он проявился, ему нужно встретиться с таким же поврежденным геном. По статистике вероятность встречи невелика — один случай на десять тысяч. Но в масштабах всего человечества это бывает часто, и мутантов много. Если мутация опасна для жизни, человек умирает, совершая благое для общества

дело: два опасных для человечества гена выводятся из популяции. К тому же мутанты часто не способны к продолжению рода. Этим объясняется то, что человечество до сих пор не деградировало. Но что происходит сейчас? В результате широкого использования рентгеновских лучей, более высокого уровня радиации число мутантов увеличивается. А достижения современной медицины позволяют мутантам жить долго и иметь потомство. Скажем, прежде диабетики умирали рано, теперь живут до старости и плодят больных детей. И это в то время, когда в нашем высшем обществе рождаемость падает.

— Черные и латиноамериканцы размножаются с пугающей быстротой, как кролики, — вставил Хиббет.

— Вот-вот, — подхватил Тарбелл. — Вместо того чтобы заботиться о выведении генетической элиты, общество плодит неполноценных и слаборазвитых представителей низших рас, несущих в себе заведомо деструктивное начало.

— Все это так просто, — сказал Блейкер. — Но боюсь, не в наших силах что-то изменить.

— Это неверная позиция, — недовольно произнес Тарбелл. — Пассивность — не американская черта.

Блейкер улыбнулся:

— Можно подумать, дорогой Тарбелл, что наш разговор нечто большее, чем праздная беседа.

Тарбелл не ответил на улыбку.

— А это уж как захотите его понять. Я о таких вещах привык говорить совершенно серьезно. На глобальное решение проблемы не претендую, но уверен: кое-что можно сделать.

— Что именно? — спросил Хиббет.

После ужина Блейкер отвез Хиббета в гостиницу и вернулся на Пенсильвания-авеню. У себя в кабинете он пробыл несколько минут: ему нужно было забрать авиабилет и документы, так как он на несколько дней покидал Соединенные Штаты.

Обычно руководители ФБР арендовали самолеты у ВВС, поскольку боялись попасть в руки террористов,



которые нередко захватывают пассажирские самолеты. Это довольно дорого: за час аренды ФБР платило Пентагону пятьсот долларов. На сей раз Блейкер был вынужден отказаться от такой привилегии, так как ему предстояло совершить путешествие за пределы Соединенных Штатов. Спокойствия ради он получил заграничный паспорт на другое имя: по просьбе ФБР государственный департамент изготавливал такие документы; их номера заносились в особую картотеку, доступ к которой имел ограниченный круг сотрудников.

Блейкер летел в Таиланд.

Последний раз он был в Юго-Восточной Азии почти пятнадцать лет назад. Тогда он носил военную форму и не думал, что когда-нибудь станет работать в ФБР.

Блейкер вырос в Хьюстоне. После школы сумел поступить в военно-морскую академию в Аннаполисе. Его выпустили из академии офицером-подводником, но он ни одного дня не провел на лодке. В действующую армию он попал в июле 1945-го и застрял в штабе генерала Макатура. В сентябре был зачислен в штаб оккупационных войск на Японских островах. В октябре вместе с офицерами из специального отдела военно-химической службы армии он вывез в Соединенные Штаты группу японцев, пожелавших сотрудничать с оккупационными войсками.

В один из хмурых ноябрьских дней 1945 года Блейкер оказался в штате Мэриленд, в небольшом тихом городке Фредерик. Машина проехала по 7-й улице, и примерно в двух километрах к западу от города он увидел бараки, желтое здание лаборатории, еще какие-то постройки и высокие кирпичные трубы Кэмп-Детрика. До 1943 года здесь был аэродром. Теперь здесь находился главный центр подготовки бактериологической войны.

Блейкер начал служить в Кэмп-Детрике. Кого там только не было: бактериологи, патологи, ботаники, физики, врачи, ветеринары, позднее появились генетики. В этой научной среде Блейкер, не имеющий никакого отношения к науке, был чужим. Его сторонились и по другой причине: даже вынужденные носить военную

форму специалисты недолюбливали сотрудников отдела безопасности, которые были исключительно нелюбезны и всех в чем-то подозревали.

Блейкер быстро отличился. Он ввел в практику установку подслушивающих устройств в служебных помещениях; по его предложению тщательно фиксировались переговоры по внутреннему телефону. Блейкер был неутомим в работе.

Его повысили, и он получил доступ ко всем документам Кэмп-Детрика, был в курсе осуществлявшихся в лаборатории проектов. От имени отдела безопасности он визировал доклад Джорджа Мерка военному министру о создании бактериологического оружия и средств защиты от него. Лишь после того, как Блейкер поставил свою подпись, доклад был опубликован. Из доклада Мерка мир впервые узнал, что еще осенью 1941 года военное министерство США заинтересовалось возможностью создания биологического оружия. По просьбе военного министра Национальная академия наук сформировала группу ученых, которая приступила к соответствующим разработкам. По их рекомендации летом 1942 года была создана мифическая «служба военных исследований», которую возглавил Мерк и которая формально подчинялась федеральному агентству социального обеспечения. Работа шла черепашими темпами. Тогда общее руководство ею было передано военно-химической службе. Сразу же началось строительство центра в Кэмп-Детрике, еще две лаборатории были созданы в штатах Миссисипи и Юта, а в штате Индиана построена фабрика-лаборатория для крупномасштабного производства средств ведения биологической войны. В «специальном отделе» военно-химической службы числилось около четырех тысяч человек. Сам Мерк стал специальным консультантом военного министра по вопросам биологической войны.

Свой доклад Мерк закончил такими словами: «Хотя биологическая война — все еще вопрос теории, а не практики (в том смысле, что биологическое оружие еще не было испытано в военных действиях), однако достижения Соединенных Штатов в этой области, а также

успехи научно-исследовательских групп, занимающихся такой же работой в Англии и Канаде, свидетельствуют о том, что лица, ответственные за безопасность нашей страны, не должны сбрасывать со счетов этот вид оружия. В результате усилий, предпринятых нами во время войны, были разработаны средства защиты страны от неизвестного нам биологического оружия, а также средства для ответного применения такого оружия, если бы в этом возникла необходимость. Хотя в этой области можно отметить крупные успехи, все же возможности войны такого рода еще далеко не изучены».

Познакомившись с секретными отчетами Кэмп-Детрика, Блейкер узнал, что особыми успехами лаборатория Мерка не может похвастаться. Вот почему сотрудники Мерка так ухватились за возможность допросить японских военных, занимавшихся тем же делом у себя на родине. Целая группа японских бактериологов во главе с генералом Сиро Исии, возглавлявшим особый отряд № 731, предложила свои услуги американцам. Они передали Кэмп-Детрику материалы длительных исследований и опытов, отчеты о практическом использовании биологического оружия в Китае. В Кэмп-Детрике эти материалы называли бесценными. Они получили высший гриф секретности, о них запрещалось упоминать в разговорах и даже в служебной переписке. Прежде всего было решено утаить сам факт существования таких материалов от русских. Поэтому в доклад Мерка сотрудники отдела безопасности вписали специальный абзац: «Нет никаких доказательств того, что противник (то есть Япония) когда-либо прибегал к этому виду оружия».

Блейкер знал, что это ложь, потому что к тому времени в Кэмп-Детрике уже были тщательно изучены документы отряда № 731, который испытывал биологическое оружие на живых людях, в частности заражал чумой жителей китайских городов. Посольство США в Китае получило указание срочно переслать в Вашингтон копию датированного еще 1941 годом доклада китайской военно-медицинской службы о биологической войне, начатой японцами.

По данным китайцев, японцы разбрасывали в нескольких районах страны блох, зараженных чумой, в результате чего им удалось вызвать значительное число заболеваний бубонной чумой там, где этой болезнью никогда не было. Биологическому нападению со стороны японцев подверглись 11 уездных городов: четыре в провинции Чжэцзян, по два — в провинциях Хэбэй и Хэнань и по одному в провинциях Шаньси, Хунань и Шаньдун.

Однако в Вашингтоне решили не делать никаких заявлений по этому поводу и не поднимать шума в прессе. Доклад китайской военно-медицинской службы куда-то исчез. Это был момент, когда военный министр Стимсон принял решение о создании собственного биологического оружия.

Опыт японцев долго изучали в Кэмп-Детрике. Американцы даже воспользовались конструкцией авиационных бомб, предназначенных для доставки биологического оружия, которую разработал генерал Исии.

Блейкер служил в отделе безопасности Кэмп-Детрика семь лет. Когда началась война в Корее, ему пришлось немало поработать. В Вашингтоне никак не могли решить, какое оружие применить против народной Кореи и поддерживавшего ее Китая — атомное или биологическое. От Блейкера потребовали принять особые меры предосторожности и не допустить разглашения сведений о том, что США наряду с атомным решили использовать биологическое оружие. На официальном уровне раз и навсегда было условлено: применение биологического оружия во что бы то ни стало отрицать.

Но созданная китайцами международная комиссия, в которую вошли ученые с мировым именем, все же установила, что биологическое оружие против Кореи и Китая было применено. Все материалы комиссии получили и в Кэмп-Детрике. Прочитав их, сотрудники лаборатории пришли в уныние. Комиссия выявила полное совпадение японской и американской методик применения биологического оружия. Это был болезненный удар по самолюбию сотрудников Кэмп-Детрика.

Доклад международной комиссии Блейкер тоже



внимательно изучил. То, что относилось к технологии использования биологического оружия, интересовало его в меньшей степени, чем свидетельства сбитых американских летчиков, но он счел своим долгом ознакомиться со всеми документами. В докладе говорилось:

*«Известен классический способ использования чумных микробов как оружия бактериологической войны: во время войны японцы сбрасывали контейнеры с блохами, зараженными чумой.*

В 1952 году, через полтора года после того, как США и Южная Корея развязали войну против демократического Севера, в нескольких районах северной части Кореи появилась чума. Очаги заболевания возникали всякий раз после внезапного появления массы блох, которому в свою очередь предшествовали налеты американской авиации.

За последние пять столетий в Корее не было чумы. Самые близкие центры эндемического распространения чумы — Северо-Восток Китая, находящийся в 450 километрах отсюда, и провинция Фуцзянь в южной части Китая, на расстоянии 1500 километров. Блохи, обнаруженные в Северной Корее, относятся к человеческим блохам. Именно такие блохи использовались бактериологическими частями японцев во второй мировой войне. Экологические данные о человеческих блохах свидетельствуют, что встретить этот вид в таком большом количестве вдали от человеческого жилья совершенно невозможно. Анализ показывает, что в данных обстоятельствах не хватает нескольких звеньев в эпидемиологической цепи развития вспышки чумы. Обычно сначала возникает эпизоотия среди грызунов, затем следуют вспышки заболевания у людей, от которых могут заразиться человеческие блохи. Только потом они сами становятся источником инфекции и начинается эпидемия.

Исходя из этих и других подобных фактов, комиссия не может прийти к иному выводу, кроме того, что американская авиация применила в Корее способ распространения чумы, позаимствованный у японцев.

Комиссия получила содействие со стороны одного китайского медика, который был автором доклада,

сделанного в 1941 году. Он напомнил, что предлагал правительству Чан Кайши рассказать миру о бактериологической войне, ведущейся японцами. Его предложение не было принято. Он считал, что в некоторой степени это было результатом препятствий, чинимых Америкой.

Комиссия не могла не отметить, что эпизоды биологической войны, которую вели американцы в 1952 году, весьма сходны со случаями использования биологического оружия японцами. Вот несколько таких эпизодов.

#### **Эпизод в Ганьане.**

Жители четырех деревень Ганьяньского уезда Хэйлунцзянской провинции, проснувшись утром 5 апреля 1952 года, обнаружили большое количество мышей-полевков. В течение предыдущей ночи многие жители этих деревень слышали рокот самолета. По сведениям службы воздушного наблюдения, четвертого апреля, в 23 часа 30 минут, над уездом Ганьянь пролетел американский самолет. Полумертвые и мертвые полевки были найдены на крышах, во дворах и даже в домах. Общее число полевков, пойманных или уничтоженных поблизости от жилищ, составило 717 штук. В сезонном отношении это ненормально, так как обычно эти грызуны появляются месяцем позже и не в таком количестве.

В Ганьяньском районе прежде не было чумы. Из-за большого расстояния и множества препятствий переселение чумных полевков из ближайших эндемических районов не представляется возможным. Анализ показал, что полевки заражены чумным вирусом высокой вирулентности.

В ряде упомянутых доказательств есть один важный пробел: не было обнаружено какого-либо контейнера или бомбы. Но в январе 1952 года в японском журнале «Санди майнити» был описан контейнер из плотной бумаги с парашютом, который после того, как зараженные мыши разбегутся, самовозгорается, не оставляя никаких следов. Согласно другим сообщениям японской печати, в Японии существует ферма, руководимая бывшим сотрудником генерала Сиро Исии. На этой ферме

разводят в большом количестве грызунов, в том числе полевок...

### **Эпизод в городе Куаньдянь.**

12 марта 1952 года, в 12 часов 30 минут, в провинции Ляодун, которая находится вблизи реки Ялу, в уездном городе Куаньдянь, местными жителями были замечены восемь американских самолетов F-86. Жителям не составило труда опознать эти самолеты, так как налеты бывали почти ежедневно. Один из самолетов сбросил блестящий цилиндрической формы предмет. Местные жители, школьники организовали поиски. За восточными воротами города они обнаружили необычно большое количество черных мух и пауков, которые были малоподвижны из-за низкой температуры. Одному из школьников удалось найти осколки контейнера. Прибыли квалифицированные энтомологи. Они собрали насекомых и осколки контейнера. Появление мух и пауков в это время года в принципе ненормально, а такие мухи и вовсе неизвестны в данной местности. Бактериологические анализы показали, что найденные насекомые содержали в себе вирусы сибирской язвы.

### **Случаи в Ляодуне и Ляоси.**

Американские самолеты, перелетавшие через реку Ялу и возвращавшиеся обратно по тому же маршруту, несколько раз сбрасывали какие-то предметы. После этого местные жители обнаруживали множество различных насекомых, в частности жуков, а также массу птичьих перьев. В отдельных случаях неожиданно появлялись в больших количествах домашние мухи, причем в то время, когда земля еще покрыта снегом. Появление на открытом воздухе большого количества жуков, которые обычно живут на складах зерна, экологически необычно. И мухи, и жуки были заражены сибирской язвой.

Комиссия тщательно изучила случаи заболевания легочной формой сибирской язвы. Во всех случаях болезнь протекала одинаково быстро, при патологоанатомическом вскрытии и гистологическом исследовании выявлена одна и та же картина.

Статистические данные показывают, что в прошлом

случаи заболевания классической формой сибирской язвы были исключительно редким явлением в Китае, а легочная форма сибирской язвы совершенно неизвестна.

Считалось, что вирусы сибирской язвы не так легко передаются от человека к человеку, поэтому трудно вызвать эпидемию. Но в 1946—1947 годах в научную печать проникли сообщения об исследованиях в Кэмп-Детрике. Американские специалисты получили на синтетической основе штаммы вирусов сибирской язвы, которые обладали не только повышенной вирулентностью, но и способностью проникать в организм человека через дыхательные пути.

### **Эпизод в Тэтоне.**

В мае 1952 года отмечались случаи заболевания холерой со смертельным исходом. Ранним утром после ночи, в течение которой американский самолет кружил над этой местностью около часа, как будто пилот пытался что-то найти, одна из крестьянок, рвавшая траву на холме, обнаружила соломенный пакет со съедобными моллюсками. Она принесла моллюсков домой и вместе с мужем съела их. Через несколько часов они заболели, к вечеру следующего дня умерли.

Вскрытие показало, что причиной смерти явилась холера. Позднее противоэпидемическая служба обнаружила на склонах холма такие же пакеты с моллюсками. Все моллюски были заражены холерными вибрионами.

Статистика свидетельствует: холера никогда не была эндемической болезнью в Корее. Болезнь всегда проникала через портовые города. В данном же случае возник изолированный очаг в сельском районе. Более того, за последние сто лет зафиксирован только один случай холеры в мае, очень редко она появлялась раньше августа.

Зараженные моллюски были найдены на расстоянии километра от водных резервуаров и меньше чем в 400 метрах от резервуара насосной станции, которая снабжает питьевой водой прибрежные поселки и порт. Накануне ночью очистная станция по соседству с насос-



ной была разрушена американскими самолетами. Насосы остались неповрежденными.

Ночь, когда был проведен второй рейд и снова появились моллюски, была темная, ветреная. Летчик, по всей вероятности, долго искал водоем, но не нашел его и сбросил груз с моллюсками на холм.

По данным японских ученых, морские моллюски могут использоваться как хорошая среда для роста вибрионов. Эти моллюски при контакте с пресной водой закрывают створки раковин, и внутри них может развиваться холерный вибрион. После смерти моллюска его тело может заражать воду приблизительно в течение месяца».

Государственный департамент США немедленно заявил, что материалы, собранные международной комиссией, — фальшивка и что Соединенные Штаты никогда не использовали биологическое оружие. Но сотрудники государственного департамента, Пентагона и Кэмп-Детрика были потрясены, когда попавшие в плен американские летчики (их самолеты были сбиты) рассказали комиссии о том, как они участвовали в биологической войне.

Запись показаний лейтенанта Кеннета Л.Инока в международной комиссии Блейкер читал особенно внимательно. К величайшему огорчению Пентагона и Кэмп-Детрика, летчик был откровенен:

*«В течение последних двух недель августа 1951 года я находился в Ивакуни (Япония). В это время 3-й бомбардировочный авиаполк перебрасывали в Куньсань (Корея). В последнюю очередь покинула Ивакуни авиационная школа, которую перевели в Куньсань в начале сентября 1951 года. Во время моего пребывания в Ивакуни школу посещало 15 экипажей, которые только что прибыли из Соединенных Штатов. Мы, штурманы, слушали лекции по навигации и лекции о Корее, чтобы лучше овладеть своей профессией и быть подготовленными для полетов в боевых условиях.*

*25 августа 1951 года, в 13 часов, в кабинете навигации нам прочитали секретную лекцию. Присут-*

ствовало 10 пилотов и 15 штурманов. Из них я знал лишь тех, с кем служил вместе. Нас инструктировал Вильсон. Он был в штатском. Других инструкторов на лекцию не пригласили.

Вильсон сказал, что тема лекции — бактериологическая война. Он сказал, что наша страна не намерена в настоящее время применять бактериологическое оружие, но, может быть, нам придется это сделать в будущем, поэтому лекция секретная, и мы не должны разглашать ее содержание кому бы то ни было или даже обсуждать ее между собой.

Основную часть лекции Вильсон посвятил бактериологическому оружию. Он не имел с собой никаких пособий, говорил по памяти. Он рассказал нам о различных методах распространения бактерий, которые в основном делятся на две категории: распространение культуры бактерий в чистом виде и распространение бактерий путем сбрасывания с самолетов зараженных ими насекомых или животных.

Бактериологическое оружие сбрасывают с самолетов, летящих на возможно меньшей высоте, с минимальной скоростью, чтобы насекомые или животные не погибли. Если бактериологическое оружие сбрасывается с парашютом, самолет может лететь на значительной высоте, но не более 1000 футов, в противном случае парашют будет отнесен ветром от цели.

Вильсон окончил свою лекцию в 15 часов, напомнив нам, что о бактериологическом оружии нельзя ни с кем говорить.

1 сентября 1951 года я направился в Куньсань. В октябре и декабре 1951 года в Куньсане майор Браунинг читал нам продолжавшиеся по одному часу лекции о защите от бактериологического оружия. Он заявил: было бы неразумным рассчитывать на то, что противник не применит против нас бактериологическое оружие. Подчеркивал, что мы должны сделать все прививки.

1 января 1952 года офицер-инструктор оперативного отдела обратил наше внимание на то, что мы должны

сообщать обо всех наших «неразорвавшихся бомбах», а также о том, где они упали.

В ту ночь, на 2 января, я из-за простуды не вылетел, и меня заменили другим штурманом. Мой следующий вылет по расписанию был назначен в ночь на 6 января 1952 года. Согласно расписанию мы должны были лететь по 8-му маршруту (между Пхеньяном и Саривонем), и наш вылет был намечен на три ноль-ноль. В составе экипажа были капитан Эймос — пилот, я — штурман и сержант Трейси — стрелок. Как обычно, капитан Эймос и я в 2 часа, за час до вылета, доложились инструкторскому и оперативному отделам. Там мы всегда проверяли последние данные о погоде и получали информацию о задании, которое нам предстояло выполнить. В ту ночь незнакомый мне дежурный капитан заявил нам, что мы должны лететь на город Кванчжу и сбросить подвешенные к крыльям самолета бомбы (которых было две), затем как можно быстрее сбросить остальной груз и сразу же возвратиться в Куньсань. Дежурный офицер приказал нам сбросить бомбы над Кванчжу на высоте 500 футов и при максимальной скорости 200 миль в час. Мы обратили его внимание на небольшую высоту, это опасно, поскольку мы должны были согласно инструкции взять десять 500-фунтовых бомб. Однако он по секрету сообщил нам, что эти бомбы бактериологические, и велел никому ничего не говорить о нашем задании. Он сказал, что подвесные бомбы уже заряжены и проверены, и велел не трогать их, а по возвращении доложить о них как о «неразорвавшихся бомбах». Когда мы подошли к самолету, там стоял часовой из отдела вооружения. Он сказал нам, что подвесные бомбы проверены, о чем мы уже знали. Я осмотрел шесть бомб в бомбовом отсеке, и все 6 были обычными 500-фунтовыми бомбами.

Мы вылетели в три ноль-ноль и направились к Кванчжу. Сбросили две бактериологические бомбы на западной окраине города. Взрывов не последовало. В течение двух минут продолжали полет на север и сбросили 6 обычных бомб на шоссе в 5 милях к северу от Кванчжу, а затем возвратились в Куньсань.

Бактериологические бомбы выглядели точно так же, как обычные 500-фунтовые бомбы. Возможно, днем можно было заметить какие-либо отличия, но когда я их видел, было темно. Я не подвешивал эти бомбы и не видел, как их подвешивали, однако на крыльях не было никаких специальных приспособлений, значит, они подвешивались так же, как обычные бомбы. Когда мы рапортовали в разведывательном отделе о выполнении задания, мы сообщили, что две 500-фунтовые бомбы были сброшены на Кванчжу и не разорвались. Их именовали «неразорвавшимися бомбами», очевидно для того, чтобы как можно меньше людей узнало о цели задания.

10 января — случайно или намеренно, я не знаю — меня снова назначили выполнять аналогичное задание с Эймосом и Трэйси. На этот раз нашей целью был город Чунхва, на 8-м маршруте. Максимальную скорость, при которой мы должны были сбрасывать бомбы, нам определили в 200 миль в час, высоту — в 500 футов. Бомбы, подвешенные под крыльями самолета, выглядели как обычные. Человек из службы вооружения опять сказал, что нам не следует беспокоиться: бомбы подготовлены к сбрасыванию. В три ноль-ноль мы поднялись с аэродрома и взяли курс прямо на Чунхва, в четыре десять сбросили 4 бактериологические бомбы с высоты 500 футов при скорости 190 миль в час на западной окраине города. Затем мы пролетели на юг, сбросили обычные бомбы на шоссе к северу от Кванчжу и возвратились на базу. Мы по-прежнему сохраняли наши операции в секрете и докладывали о бактериологических бомбах как о «неразорвавшихся».

Мне кажется, что эти бактериологические бомбы поступают из того же медицинского центра снабжения, в котором изготавливается вакцина, употребляемая для борьбы с заразными болезнями, и я полагаю, что этот центр находится в Японии.

Бактериологические бомбы, которые мы сбрасывали, раскрываются при ударе о землю. В холодную погодуaseкомые будут вялыми, но на солнце они оживут.

После выполнения задания экипаж самолета отдает



*рапорт разведывательному отделу. Это неофициальный рапорт, представитель разведывательного отдела принимает его и записывает, а затем докладывает своему начальнику.*

*Впервые мы начали применять бактериологические бомбы в начале года, когда нам всем сказали, что мы должны следить за «неразорвавшимися бомбами». Возможно, и другие группы, например 452-й авиаполк, начали применять бактериологическое оружие в это же время».*

Кеннет Л.Инок был не единственным летчиком, который, попав в плен, не стал молчать. Как опровергнуть их показания — вот что больше всего волновало Вашингтон. Было выдвинуто несколько идей. Самой удачной признали идею Блейкера. Уже тогда говорили о возможности воздействия на мозг человека с помощью различных химических веществ. Блейкер предложил заявить, что сбитые американские летчики прошли курс «промывания мозгов», следовательно, все, что они говорили, насильственно «вложено» в их мозг. И сотрудники государственного департамента, представительство США в ООН продолжали отрицать применение американскими войсками биологического оружия.

Блейкер получил повышение и был переведен в министерство обороны.

Об этом помощник директора ФБР вспоминал во время длительного полета в Таиланд.

« — Мы начинаем производство противомаларийной вакцины, созданной методом генной инженерии. Первые дозы введены добровольцам в армейском научно-исследовательском институте. Вакцина абсолютно безвредна. Ее создание было непростым делом.

— Я знаю. Возбудители малярии — плазмодии выработали сопротивляемость к традиционным лекарствам.

— Дело не только в этом. С плазмодиями трудно работать в лабораторных условиях, поэтому до сих пор создание вакцины считалось невозможным. Задача осложнялась тем, что плазмодии меняются в течение

своего жизненного цикла, иммунитет против одной формы не защищает от других. Мы пока что создали вакцину, действующую против спорозоитов, — это форма, у которой возбудитель болезни вносится в кровь человека при укусе малярийного комара. Сейчас работаем над вакциной, стимулирующей борьбу организма против следующей стадии развития плазмодий... Несколько лет назад наши ученые определили аминокислотный состав белка внешней оболочки спорозоитов. На этой основе и создана вакцина: содержащиеся в ней аминокислоты сигнализируют иммунной системе организма о том, что начинается вторжение, и тем самым провоцируют выработку антител, убивающих спорозоитов.

— Я знаю принципы действия вакцин.

— Извините, доктор Финли, я увлекся. Сейчас вместе с мэрилендскими коллегами мы работаем над противохолерной вакциной. Задача — удалить ключевой ген из вибриона, который станет таким образом безвредным и сможет вызывать иммунную реакцию, не приводя к серьезному расстройству здоровья. Кроме того, мы заняты вакциной против вируса гепатита. Есть хорошо зарекомендовавшая себя вакцина, но ее готовят из крови уже зараженных людей, и она слишком дорога. Генная инженерия могла бы удешевить это производство, и «Чарлстон бионикс» охотно занялась бы массовым производством этой вакцины. Беда в том, доктор Финли, что нашей лаборатории не хватает научного потенциала. Если бы вы согласились...

— Заниматься вакцинами мне неинтересно. Слишком узко.

— Разумеется, доктор Финли, но речь идет о разработке общей методики генных операций применительно к вибрионам. Мы уже научились выделять интересующие нас гены и, сопоставляя различные комбинации, создавать новые виды того же самого вируса, но уже обладающего свойствами, которые мы в него заложили.

— Насколько я знаю, это обычная методика приготовления вакцин, когда выводится вирус со слабой патогенностью.

— Но изготовление вакцин — лишь одна из воз-

возможностей использования вирусов. А если превратить вирус в почтальона, на редкость точного и пунктуального, который способен доставить подготовленное нами послание в любую клетку человеческого организма и в прямом смысле заставить эту клетку плясать под свою дудку?

— Ну да, вирус, проникая в клетку, превращает ее в завод по производству новых вирусов. С моральной точки зрения вирус самый подлый микроорганизм. Работая на вирус, клетка убивает себя и помогает ему продвигаться дальше.

— Я думаю, доктор Финли, вряд ли уместно переносить моральные нормы человеческого общества на микроорганизмы и особенно на вирусы, которые занимают все же промежуточное место между живым и неживым миром. С помощью вируса мы сможем лечить повреждения хромосом и тем самым избавить человечество от наследственных болезней. Можно будет ликвидировать опасные мутации, перестраивая генный аппарат клетки. Можно избавиться от рака, заставив больные клетки прекратить синтез белков. И ведь это вполне достижимые цели.

— Я участвовал в работах, которые позволили внедрить в геном обычной кишечной палочки — она есть у каждого человека — ген вируса, вызывающего рак. С точки зрения чистой науки работа виртуозная и интересная, результат впечатляющий. Но ни я, ни мои коллеги ни на минуту не забывали, что выведенный нами микроорганизм опасен для человека и потому должен навсегда остаться в стенах лаборатории. Не случайно же генную инженерию подозревают в том, что она может породить супермикроб, который способен унести сотни тысяч жизней, поскольку в арсеналах медицины нет никакого противоядия. И в самом деле, развитие нашей науки позволяет — хотя бы по недосмотру — вырастить в ретортах бактерии или штаммы вирусов, представляющих серьезную опасность для человечества. Поэтому я никогда не работал с дезоксирибонуклеиновой кислотой опасных или стойких к медикаментам микроорганизмов. У себя в лаборатории мы внимательно следим за

хранением любых организмов, содержащих рекомбинированную ДНК или РНК.

— Я прекрасно понимаю вашу тревогу, доктор Финли. Но ведь есть безвредные вирусы, которые не являются носителями болезней и преспокойно живут в организме человека, ничем не мешая его жизнедеятельности. С такими вирусами вы согласны работать?»

Сразу после беседы с доктором Финли Кроули встретился с президентом компании «Уолкокс Майнинг».

— Я так понимаю, Кроули, что с этим Финли вам не просто иметь дело, — сочувственно произнес Тарбелл.

— С учеными всегда так. Но его помощь неоценима. Особенно во всем, что связано с Черным ручьем. Его исследования очень помогли специалистам у нас дома. Финли дал ответы практически на все вопросы, которые они поставили.

— Хорошо, что он не знает, с кем имеет дело. Иначе бы сразу отказался разговаривать с вами.

— Разумеется. У меня к вам просьба, господин Тарбелл.

— Да, пожалуйста.

— Мне нужны материалы слушаний, которые провела комиссия палаты представителей конгресса по науке и технике. Может быть, вы помните, конгрессмены выясняли вопрос о генетической проверке служащих в некоторых корпорациях. В компании «Дюпон» медики обследуют рабочих-негров — ищут у них серповидноклеточную анемию. «Доу кемикал» проводит цитогенетическое тестирование с целью определения возможного ущерба, который наносит хромосомам контакт с химическими веществами. Опять-таки интересуются только черными. А это как раз то, что нам нужно.

— Значит, идея использования определенных химических веществ для воздействия на генетический аппарат черных по-прежнему активно разрабатывается вашими специалистами?

— Вы же знаете принцип военных: «Если оружие можно создать, его нужно создать». То, что генетические исследования открывают огромные возможности их военного использования, ваши военные, я думаю, поняли



одновременно с нашими. Свои несколько миллионов наши военные генетики уже получили. Но не грех воспользоваться и плодами чужого труда. Разница между нами состоит в том, что вы можете не торопиться. А мы в ЮАР вынуждены спешить.

Блейкер хорошо помнил эти места в излучине очаровательной и спокойной реки, где сходятся границы Таиланда, Бирмы и Лаоса. Среди местных жителей эта излучина известна как «золотой треугольник», что иногда путают с другим «золотым треугольником» — гораздо большим и известным всему миру районом, где выращивается опиумный мак и где процветают торговцы наркотиками и их частные армии. Буквально в нескольких метрах от небольшого притока Меконга начинается Бирма, а до границы с Лаосом какой-то километр с небольшим вверх по течению. Блейкер любил бывать здесь.

Несколько бамбуковых хижин предприимчивый молодой человек по имени Амнат превратил в процветающую гостиницу, которую назвал «Золотая хижина». За баснословно малую сумму в несколько американских центов здесь можно было снять «номер», лежать в нем на бамбуковой кровати и слушать, как течет Меконг.

Во Вьетнам, Лаос и Кампучию путь Блейкеру был заказан. Ближе, чем эта излучина Меконга, он не мог подобраться к местам, где провел когда-то несколько лет.

...В конце 1975 года, когда все уже было кончено и стало ясно, что усилия стольких лет пошли прахом, в разбитом и дребезжащем «мерседесе» его привезли к камбоджийской границе. В грязном, запущенном лагере, залитом муссонными дождями, он в последний раз видел своих агентов, которые приехали в Таиланд в надежде, что Блейкер даст им новую работу.

Он подошел тогда к маленькому мосту, прежде соединявшему Таиланд и Камбоджу. Мост был закрыт и зарос травой. Агенты, ждавшие его в лагере, никого больше не интересовали. Пока шла война, они были нужны. Во Вьетнаме они опробовали новые виды биологического оружия...

Теперь Блейкер хотел бы найти их. В основном это были американцы — правда, они уже несколько десятилетий не ступали на родную землю. Почему? Конечно, их там не очень-то и ждали. Но главное — они не хотели уезжать отсюда. Многие из них обосновались здесь давным-давно и плохо представляли себе жизнь где-то в другой части света. Да и что бы они могли делать на родине?

Почти в каждом американском городе есть пост Американского легиона, где собираются ветераны войны. В Бангкоке обитало достаточно бывших военнотружущих армии США, чтобы основать «пост Американского легиона в изгнании» — своего рода клуб, доступ в который открыт не только бывшим солдатам, но и сотрудникам разведки и даже несколькими иностранцам, которые «внесли большой вклад в различные военные акции Америки».

— Многие из них считают себя настоящими солдатами удачи, — сказал Блейкеру встретивший его сотрудник посольства. — Тут есть компания убийц-профессионалов, по сравнению с которыми боевики мафии выглядят просто детьми.

Несколько человек служили в составе эскадрильи «Летающие тигры» и сражались на стороне гоминдана. Другие работали в созданной Центральным разведывательным управлением авиакомпанией «Сивил эйр транспорт» — помогали гоминдановцам, потом южнокорейским формированиям, потом французам в Индокитае. В Бангкоке осело немало летчиков из «Эйр Америка» — авиакомпании, также принадлежавшей ЦРУ и известной во времена «грязной войны» во Вьетнаме.

Пост в Бангкоке возглавлял некий Хелсет, больше известный под кличкой Кэш\* — надо полагать, он получил эту кличку за свое пристрастие к звонкой монете.

На первой странице брошюры, которую вручают каждому новому члену поста, Блейкер увидел фотогра-

---

\* Cash (англ.) — наличные деньги.

фию Кэша. Пояснительный текст гласил, что «в 1949 году Кэш стал руководителем группы, которая должна была действовать в изгнании до того времени, когда стало бы возможным возвращение в Китай. Он облечен полной властью... Пост находится там, где висит его шляпа».

Блейкеру было известно, что деятельность Кэша оказалось успешной: пост в Бангкоке состоял уже из двух тысяч человек — в основном оставшихся без дела ветеранов вьетнамской войны. Не каждому ветерану здесь были рады. Кэш искал только активных бойцов, не думающих об уходе на покой. Их он делил на две категории — «носители меча» и «люди непосредственной поддержки». То есть исполнители террористических акций и организаторы этих акций.

Когда они познакомились, Кэш принялся расхваливать перед Блейкером своих людей, их умение оставаться безмянными, безликими, как того и требует характер их деятельности.

— У нас есть оперативные группы, — сказал он Блейкеру, — обладающие большим опытом в ведении боевых действий, умеющие находить выход из любых чрезвычайных ситуаций и расхлебывать последствия неудачных операций. По биографиям людей, которых я собрал, — рассказывал Кэш, — можно изучать историю поражений Америки. Мои ребята работали в Китае, Иране, Анголе и, разумеется, во Вьетнаме, Лаосе, Камбодже. Они трудились на совесть и процветали, но им пришлось уйти в изгнание после того, как эти страны были завоеваны коммунистами. Я пытался оставлять своих парней в подполье, но это бессмысленно: людям нашего типа нельзя долго сидеть на одном месте.

Блейкер нашел Кэша в отеле «Бангкок палас», построенном на месте снесенных трущоб. Окна снятого Блейкером номера выходили на новое шоссе. Кэш и его парни расположились в единственном баре отеля, куда по такому случаю не пускали посторонних. По видеомангитофону крутили любительский фильм об «Эйр Америка». На экране мелькали вращающиеся пропелле-

ры, чьи-то загорелые лица, виды бескрайних джунглей. Вместо музыкального сопровождения неизвестные кинолюбители записали на пленку звук перестрелки.

Увидев Блейкера, Кэш поспешил ему навстречу. Взгляды всех собравшихся в баре обратились к пришедшему. Он с сомнением обвел глазами окружавших его людей. Кэш поспешил успокоить его:

— Я готов поручиться за каждого. Более верных парней я не знаю. К тому же они так ждали вас. Они давно без дела и оказались на мели.

Блейкер сел за столик с Кэшем. Несколько человек перебрались к ним поближе. У каждого на одном запястье блестел тяжелый золотой браслет, на другом — золотые часы «роллекс». По этим отличительным приметам Блейкер узнал бывших летчиков «Эйр Америка». Золото они носили не для украшения — оно давало шанс выбраться из джунглей, если самолет потерпит аварию. Блейкер увидел два-три знакомых лица — эти люди когда-то работали на бангкокскую резидентуру ЦРУ. Один из них обучал наемников в Тибете. Однажды, лет десять назад, когда поражение во Вьетнаме было для людей этого круга главной темой разговоров, Блейкер встретился с ним в заброшенной деревушке на северо-востоке Таиланда. Тот жаловался на коррупцию: все, кого нанимали американцы, занимались только тем, что прикарманивали деньги, получаемые на вербовку солдат и борьбу с вьетконговцами. «Как мы могли выиграть войну с таким негодным человеческим материалом? — пожимал он плечами. — Нам нужно было иметь побольше таких людей, как я».

Блейкер вспомнил, что борец с коррупцией был известен своей коллекцией заспиртованных ушей: он платил наемникам несколько долларов за отрезанные уши, поощряя их таким образом к активной борьбе с повстанцами-коммунистами. Но как определить, что отрезанное ухо принадлежало именно коммунисту? Его кураторы в бангкокской резидентуре сочили, что он разбазаривает средства, и урезали его бюджет.

Кэш наполнил высокие стаканы пивом. Еда, по



мнению Блейкера, была отвратительной: салат из тунца, капустный суп, торт с кремом. Он ничего не стал есть.

Встреча началась с траурной церемонии. Кэш предложил почтить память сотрудника ЦРУ, с которым он когда-то в Лаосе действовал «рука об руку». По этому случаю он зачитал заранее написанную речь. У Блейкера, когда он слушал накатанные обороты и готовые формулировки, зародилось сомнение: не была ли эта речь готовым штампом на все случаи жизни, радостные и печальные?

— Мы собрались, чтобы почтить одного из наших товарищей, — декламировал Кэш. — В силу определенных обстоятельств его деятельность была известна немногим. Лишь они знали, какой вклад он внес... Наш товарищ участвовал не только в известных всем войнах, но и в холодной войне, которая ведется сейчас. Сегодня мы можем открыть только это. Он служил в разных точках земного шара под разными фамилиями. Он был предан делу безопасности нашей родины. Он был настоящим американцем и всю жизнь работал для того, чтобы сохранить наш образ жизни... Он не был одинок и знал об этом в тот печальный момент, когда уставшего от войн странника призвало небо. Он принадлежал к той породе людей, которые вскормлены американской идеей и которые всегда впереди, всегда готовы идти туда, где возникает нужда в них. Они тоже по-своему ищут чашу Грааля. Каждый восход солнца возвещает о новом дне, о новой надежде, предвещает новые схватки, обещает отдых в конце пути.

Потом Кэш вручил отличившимся («В чем, — подумал Блейкер, — они отличились?») миниатюрные звездно-полосатые флаги. Один из награжденных, которого Кэш назвал «бывшим морским пехотинцем», вскочил и под одобрительные возгласы заявил, что нет такого понятия — «бывший морской пехотинец». Воодушевившись, он тут же произнес зажигательную речь о борьбе с «проклятыми русскими».

Сидевший рядом с Блейкером человек средних лет негромко сказал:

— Если бы он раздал нам сейчас винтовки

М-16 и повел отбирать Лаос у коммунистов, мы бы все пошли.

Помощник директора ФБР посмотрел на этого человека внимательнее. На его куртке была эмблема с изображением ворона, сидящего на черепе. Эту эмблему носила особая группа летчиков, которые совершали разведывательные полеты над Северным Вьетнамом и Китаем. Почти все они были сбиты.

Заметив, что Блейкер обратил на него внимание, тот вытащил свою визитную карточку, на обратной стороне которой было напечатано философское изречение: «Величайшее счастье — разбить врага и гнать его, видеть его города в руинах и пепле, видеть тех, кто любит его, в слезах, прижимать к груди его жен и дочерей». Под изречением стояло две подписи: Чингис-хан, 1226 год, и Фред Платт, 1969 год.

Летчик протянул Блейкеру экземпляр песенника «воронов», изданного в Техасе.

— Прочитайте нашу любимую, — сказал он. — Страница двадцать один.

Блейкер открыл песенник. «Любимая» была посвящена киноактрисе Джейн Фонда, выступавшей против войны во Вьетнаме, и называлась: «Пошла ты... Джейн Фонда». Вот как начиналась песня:

Много лет все в стране  
Думали, что  
она — мировая девчонка.  
Но после того, как она  
сказала то,  
что она сказала,  
Мы бы хотели, чтобы  
она была мертва.  
Джейн Фонда, ты должна убраться  
прямо в ад.

Вечер затягивался. Поздравляли с днем рождения коротышку, который носил навозного цвета майку с изображением черепа в красном берете и с кинжалом в зубах. Надпись на майке гласила: «Старые наемники не умирают. Они отправляются на небеса, чтобы перегруппироваться». Блейкеру все это надоело. Он наклонился

к Кэшу и сказал, что устал после перелета. Пусть Кэш обо всем договорится сам, а завтра покажет ему людей, которые готовы взяться за дело немедленно.

Выходя из бара, Блейкер услышал, как Кэш с благоговением заявил:

— Внимание! Мне было передано послание из Вашингтона.

Закрывая за собой дверь, Блейкер тихо вздохнул. Конечно же, не устная просьба, а послание! И, разумеется, из самого Вашингтона. Для этих людей такое послание из Вашингтона как глас неба. Одно такое послание начало войну во Вьетнаме — самый счастливый период их жизни.

Но отделаться от ветеранов оказалось не так уж легко. Один из них увязался за Блейкером и, пока тот ждал лифта, успел все про себя выложить. Он тоже был летчиком и летал «на всем, что могло подняться в воздух».

— Вы знаете, зачем мы здесь? — таинственно прошептал он Блейкеру. Помощник директора ФБР увидел, что бывший пилот пьян. — Вечер встреч — это прикрытие. Мы собираемся оккупировать Камбоджу на этой неделе. Вертолеты уже в пути.

С неутоленной ненавистью побежденного он продолжал шептать:

— Я ненавижу вьетнамцев. Я ненавижу их матерей, я ненавижу их отцов, я ненавижу их детей, я ненавижу их жен, я ненавижу их предков. Они — порождение ада,

Помощник директора подумал было, не вернуться ли ему в бар и все отменить. С такими болтунами он сотрудничать не намерен. Они провалятся раньше, чем начнут действовать. Потом Блейкер вспомнил, что Кэш выставил из бара нескольких ветеранов, сказав, что пьяным здесь делать нечего. Видимо, увязавшийся за Блейкером пилот принадлежал к их числу. Все-таки Кэш предпринял кое-какие меры предосторожности. Это соображение несколько успокоило Блейкера.

Всю субботу и воскресенье руководитель отделения ФБР в Южной Каролине Говард Хиббет просидел у себя в бюро.

На его столе высились папки, набитые записями телефонных разговоров Кроули. В понедельник Кроули возвращался в Чарлстон, и Хиббет готовился к беседе. Ему пришлось для этого внимательно прочитать несколько сот страниц, помечая то, что может пригодиться при встрече.

В понедельник, в половине одиннадцатого утра, Кроули прибыл в отель «Индиго». Ровно в полдень, приняв с дороги душ и переодевшись, он спустился в ресторан на первом этаже: привык обедать рано — до того, как проголодается основная масса постояльцев.

Кроули шел по коридору, соединявшему вестибюль с рестораном, когда его остановили два молодых человека, предъявившие значки агентов ФБР.

— В чем дело? — совершенно спокойно поинтересовался Кроули.

— Нам нужно задать вам два-три вопроса, — очаровательно улыбнувшись, ответил один из агентов.

Второй распахнул дверь служебного помещения. Кроули вошел, и дверь за ним закрыли. В комнате, которую обычно занимал кто-то из гостиничных администраторов среднего ранга, стояли стол и два кресла. В одном из них расположился Говард Хиббет.

— Садитесь, Кроули, — предложил он.

Кроули, не выразив ни малейшего удивления, уселся напротив.

— Я руководитель отделения Федерального бюро расследований в этом штате. Кто вы — я примерно представляю. Так что, мне кажется, разговор у нас с вами должен пойти деловой, профессиональный.

— Пока что я не знаю, какое у вас ко мне дело, — сказал Кроули.

— Я рад, что вы заметили мою готовность договориться. Как видите, я сам пришел к вам, а не попросил, чтобы вас привели ко мне. Что, кстати, очень легко устроить, взяв у нашего окружного прокурора ордер на арест. Но вам бы это не понравилось. И мне тоже, как ни странно.



— Мне это не кажется странным.

Хиббет вытащил из внутреннего кармана пиджака несколько сложенных вчетверо листков.

— Почитайте вот это. И не торопитесь. У меня достаточно времени.

Кроули начал читать.

— Еще у меня есть список ваших последних закупок, — добавил Хиббет. — Герметичные емкости для хранения вирулентных микроорганизмов, средства дезактивации, большие — не лабораторные! — камеры для выращивания все тех же микроорганизмов и получения выделяемых ими токсичных веществ, мощные сепараторы, сушилки, капсулы и оборудование для распыления аэрозолей. Все это вы приобрели за счет «Чарлстон бионикс». Но биотехнологической фирме это первоклассное и весьма дорогое оборудование не понадобилось. Она переадресовала его компании «Уолкокс майнинг». И опять промашка! «Уолкокс майнинг» бактериями и вирусами не интересуется. Пришлось отправить ценное оборудование дальше — на сей раз за границу, в Федеративную Республику Германии. Так, во всяком случае, значилось в документах, представленных таможене. Но в ФРГ оборудование не попало. Его перегрузили на судно, которое взяло курс на Кейптаун. Вот там оно, кажется, пришлось кому-то по душе. — Хиббет сделал паузу. — Я знаю, что вы скажете. Мое дело, мол, купить что поручают, а дальше компания сама решает, как ей распорядиться оборудованием. Верно?

— Вы сами знаете, что это так.

— Нет, у меня другие сведения. Здесь, в Соединенных Штатах, вы занимаетесь скупкой технологических секретов. Этого уже само по себе достаточно, чтобы предъявить вам обвинение в совершении преступления, караемого по законам нашего штата длительным тюремным заключением.

— Доказательства?

— Пока груз, пунктом назначения которого оказалась Южно-Африканская республика, лежал в таможене, эксперты, приглашенные Федеральным бюро расследова-

ний, изучили содержимое ящиков. Помимо того, что указано в спецификации, удостоверенной печатями и подписями, они обнаружили нечто такое, что их очень заинтересовало. Эксперты усердно потрудились в лаборатории. Итог таков: вы пытались незаконным путем вывезти описание технологии создания микроорганизмов методами генной инженерии. Микроорганизмы, которые вас заинтересовали, не разрешены к производству и распространению, поскольку, по мнению некоторых ученых, представляют опасность для человека.

— Вы пытаетесь ввести меня в заблуждение, — холодно произнес Кроули. — Я знаю, что груз прибыл к месту назначения.

— Ах, Кроули, неужели вы так ничего и не поняли? Если бы мы задержали груз, вы бы уже сидели в федеральной тюрьме. Мы ничего не сообщили таможене и выпустили груз, ничего не изъяв.

— В таком случае я...

— Более того, Кроули. Я знаю, что вы готовите следующий груз, который, надо полагать, в конечном итоге тоже попадет в Кейптаун. Ваше сотрудничество с компанией «Уолкокс майнинг» позволило вам отправлять в ЮАР то, что она не получила бы ни от кого другого. Будем говорить откровенно. Вы пытаетесь за наш счет помочь своим друзьям в ЮАР создавать биологическое оружие. Так ведь?

Кроули не ответил.

— Я, увы, почти совсем ничего не понимаю в биологии, но, поскольку занимаюсь вашими делами не одну неделю, начал кое в чем разбираться. В существующих видах бактериологического оружия используются микроорганизмы, вызывающие известные в природе заболевания. А вот генная инженерия позволяет получать микроорганизмы, обладающие большей «убойной силой», если можно так выразиться. То есть самые безвредные микроорганизмы могут быть превращены в высокотоксичные и вызывать болезни, которые никто не умеет лечить. К тому же они более удобны для распространения. Специалисты в области генной инженерии могут научиться записывать информацию, предполагающую

выработку токсинов, в генетический код обычной бактерии или вируса, легко передающихся от человека к человеку, что вызовет страшную эпидемию, или трансформировать какой-то известный вид микроорганизма так, что он сможет преодолевать иммунную защиту организма. Послушайте, Кроули, все это я рассказываю вам для того, чтобы вы наконец поняли: мы действительно знаем о вас все...

Кэш сделал то, что от него требовалось. Он представил Блейкеру пять человек, и помощник директора ФБР одобрил выбор. Они обладали достаточной подготовкой для участия в операции. Блейкер сразу же вручил им деньги и билеты. Все пятеро (среди них поклонник Чингисхана Фред Платт, на которого Блейкер сразу обратил внимание) покинули Бангкок в один день с ним. Они отправились в ЮАР. Таким образом, Блейкер честно выполнил просьбу военных. Действительно, кто лучше его знает вьетнамских ветеранов, участвовавших в операциях с применением химического и биологического оружия? Теперь их опыт пригодится армии ЮАР. А ветераны очень осторожные люди, они готовы иметь дело только с теми, кому доверяют. Это и было одной из причин, заставивших Блейкера самого отправиться в Таиланд.

Не все в Вашингтоне одобряли его поездку, особенно в аппарате ЦРУ, где всегда с подозрением относятся к внешнеполитической активности конкурентов из других спецслужб. В ЦРУ Федеральное бюро расследований считают просто полицией и поднимают шум, когда сотрудники ФБР вторгаются в сферу деятельности разведки.

Но от путешествия в Бангкок многое зависело в судьбе самого помощника директора ФБР. Нынешней администрации осталось сидеть в Белом доме не больше года. Осенью, после президентских выборов, появится новый хозяин, которому придется расплачиваться со своими сторонниками. А чем он может расплатиться? Должностями. И те, кого назначила предыдущая администрация, расстанутся со своими креслами. В их числе, вероятно, будет и Блейкер.

В свое время он поставил на верную лошадку и выиграл. Он вовремя разглядел в нынешнем президенте восходящую политическую звезду и поспешил присоединиться к его избирательному комитету. Для этого Блейкеру пришлось раньше времени выйти в отставку, а это означало, что он лишился солидных пенсионных сумм и привилегий. В окружении кандидата в президенты оценили жертву. Тем более что Блейкер оказался чрезвычайно работоспособным и лояльным сотрудником. После победы на выборах он получил награду — назначение в ФБР. Организованный, методичный, он ничего не упускал из виду и ничего не забывал. Директор, познакомившись с Блейкером поближе, назвал его идеальным чиновником. Он работал по двенадцать часов в сутки, обедал у себя в офисе, на полчаса отлучался из кабинета, чтобы сделать короткую пробежку, и тут же возвращался назад.

Блейкера устраивала его должность: он держал в руках все нити, все знал, без него директор почувствовал бы себя беспомощным. На первые роли Блейкер не претендовал. По натуре он был не лидером, а суперсекретарем, закулисным организатором, диспетчером, вторым человеком.

В отношениях с подчиненными он был груб и даже жесток. Зато разрешил центральному аппарату отказаться от обязательных прежде белых рубашек и строгих костюмов. Теперь агенты могли ставить на ночь машины у дома, а не ехать в центральный гараж, куда добираться после трудового дня долго и утомительно.

Блейкер был готов служить в ФБР до тех пор, пока он сам не решит удалиться на покой. Иначе говоря, еще не менее десяти лет. Но президент, благодаря которому он получил пост на Пенсильвания-авеню, в скором времени должен был покинуть Белый дом. Президент получит пенсию, напишет мемуары, будет читать лекции, за которые ему станут платить гонорары по самой высокой ставке. А что делать ему? Заботиться о его благополучии не станет никто.

Блейкер занялся анализом имеющихся возможностей и подвел весьма скудный итог. Он вспомнил о своих



старых друзьях по армии и выяснил, что некоторые из них перебрались в министерство обороны и уже там занимаются биологическим оружием — делом, которому Блейкер отдал почти полжизни. Они были рады встретиться с бывшим сослуживцем и предложили ему поработать вместе, заключив негласное соглашение о сотрудничестве. Армии требовалась помощь Федерального бюро расследований, и Блейкер обязался оказывать ее своими силами, не посвящая в эти дела лишних людей. В обмен на это он мог после ухода из ФБР рассчитывать на работу в Пентагоне или в министерстве армии.

Военные провели через совет национальной безопасности решение, обязывающее Федеральное бюро расследований контролировать соблюдение секретности работ в области микробиологии, генной инженерии и биотехнологии. Приказом директора выполнение решения было поручено Блейкеру, это открыло ему возможность регулярно встречаться с сотрудниками Пентагона. Его постоянными партнерами были сотрудники управления перспективных научно-технических разработок и заместитель помощника министра по вопросам политики в области международной экономической и торговой безопасности. Последний следил за импортом и экспортом биотехнологии, поскольку методы генной инженерии и клеточного синтеза в перспективе можно было использовать для создания нового поколения биологического оружия. Получение экспортных лицензий из-за вмешательства военных превратилось в громоздкую и длительную процедуру, Пентагон всячески мешал выдаче лицензий — даже в ущерб конкурентоспособности американских биотехнологических фирм на мировом рынке.

Что нужно было военным от Блейкера? Агенты ФБР по всей стране получили указание следить за тем, чтобы никто не занимался работами в области генной инженерии, не имея на то специального разрешения. Два человека — директор по маркетингу\* и финансовый

---

\* Маркетинг — система мероприятий по изучению возможностей рынка и воздействию на потребительский спрос ради расширения сбыта продукции.

консультант одной канадской компании — были немедленно арестованы **ФБР**, как только выяснилось, что они пытались купить возбудителей ботулизма и столбняка у американской фирмы, которая по номинальной цене поставляла микроорганизмы ученым, занимающимся исследовательской деятельностью.

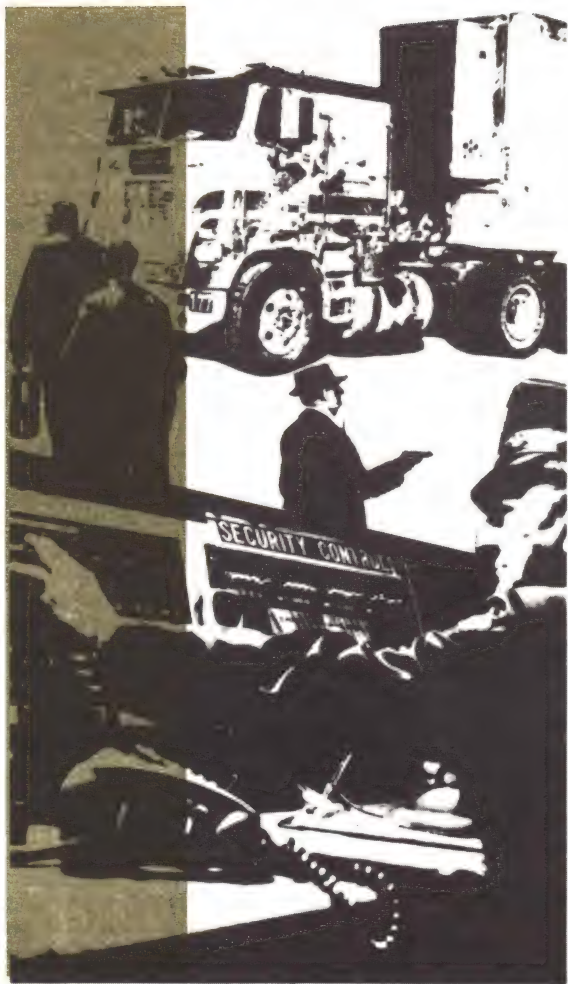
И вот военные обратились к Блейкеру с просьбой, требующей его личного вмешательства. Прошло несколько трудных для Блейкера месяцев, прежде чем он нашел возможность выполнить их просьбу с минимальным для себя риском. Более того, в случае успеха он перестал бы зависеть от своих благодетелей из Пентагона и увереннее смотрел бы в будущее.

Он начал подбирать надежных исполнителей из числа специальных агентов **ФБР**: изучал их личные дела и секретные досье (куда заносились все факты, компрометирующие сотрудников), присматривался к тому, как они работают, выяснял их интересы и слабости. Наконец выбрал двоих. Один работал в Южной Каролине, другой — в Калифорнии. Их звали Говард Хиббет и Роберт Генри Скотт.

Агенты, сопровождавшие Говарда Хиббета в отель «Индиго», ничего не спросили у своего шефа, когда он вышел из комнаты, которую обычно занимал один из гостиничных администраторов, в прекрасном настроении. Сначала они думали, что им предстоит арестовать этого Кроули, но у Хиббета, вероятно, были другие планы. Усевшись в машину, он велел ехать в отделение **ФБР** и больше не упоминал имени Кроули.

Сам же Кроули с аппетитом пообедал и в половине второго позвонил в лабораторию экспериментальной генетики. Вечером того же дня он уехал из Чарлстона. Незапланированная беседа с Хиббетом требовала немедленных действий, выходящих за пределы компетенции Кроули. Он должен был посоветоваться со своими хозяевами.

# ЧАСТЬ ВТОРАЯ



Раньше обычного начались обильные снегопады в штатах Вашингтон и Орегон. На юге уже несколько дней шли сильнейшие ливни. На севере — от Вашингтона до озера Эри — стояли холода, каких не было, наверное, больше ста лет. И хотя по календарю только только закончилась осень, которая в нынешнем году была теплой и мягкой, можно было подумать, что зима в самом разгаре. Скорость ветра во многих местах достигала ста километров в час. Озеро Эри вышло из берегов, затопив прибрежные районы. В Буффало снегом завалило автострады, застрявшие автомобили вытаскивали из сугробов тягачами. Висконсин и Айова тоже превратились в снежное царство. Кто рискнул на выходные дни отправиться на машине за город, попал в ловушку. Тысячи людей не смогли в понедельник вернуться на работу. Местные организации Красного Креста пытались накормить застрявших на дорогах людей, детей размещали в приютах, гостиницах, больницах — словом, везде, где находились свободные места. В Орегоне после двух дней теплой погоды, когда все таяло, ударил сильный мороз. Гололедица превратила шоссе в конькобежную дорожку. В кюветах скопилось немало разбитых автомобилей.

Ведущие телевизионных программ новостей наперебой рассказывали о бедственном положении населения западных штатов. Было уже пять вечера. Теперь в течение двух с половиной часов зрителям предстояло глотать новости — своей страны и зарубежные. Два с половиной часа новостей — это звучит впечатляюще, но Тарбелл считал, что за половину этого времени можно прочитать «Нью-Йорк таймс» от корки до корки и получить вдвое больше информации. Обычно Тарбелл так и поступал, тем более что его в основном интересовали сообщения из мира бизнеса.

Было приятно сознавать, что климатические катаклизмы обошли Нью-Йорк стороной и в городе зима почти не дает о себе знать. С двенадцатого этажа, где находился личный кабинет Тарбелла, была видна длинная очередь на Таймс-сквер. Самая культурная из нью-йоркских очередей, поскольку ее составляли люди,



надеявшиеся приобрести билеты в бродвейские театры: начался новый театральный сезон. Очередь развлекали уличные музыканты и мимы.

Те, кто купил билет, не обращая внимания на нескончаемый поток автомобилей, перебежали через дорогу. Перекресток был забит знаками, точно предписывающими пешеходам, что и когда им делать. Отсутствовал только привычный для Старого Света сигнал «Стойте», но никто и не стоял. Когда зажигалась предупредительная надпись «Идти нельзя», ее почему-то воспринимали как сигнал к бегу. Тарбелл слышал, что вроде бы существует закон, запрещающий переходить улицу на этот сигнал, но тот, кого в последний раз оштрафовали за это, давным-давно состарился. Тарбелл только диву давался, наблюдая за фантастическими трюками, которые проделывали пешеходы, лавируя между такси. Такой же безнаказанностью пользовались в Нью-Йорке велосипедисты, которых равно ненавидели и водители, и пешеходы. Нью-йоркцы несколько побаивались водителей, попавших в большой город из Нью-Джерси или Мэриленда, поскольку практика показывала, что их поведение на нью-йоркской улице непредсказуемо. Но велосипедисты были хуже всех. Без номеров, зато с ярко выраженным чувством собственного достоинства, они сновали по улицам, не обращая ни малейшего внимания на людей. Живущие в центре горожане знали, что можно спастись от автомобиля и все же быть сбитым велосипедом, который как ни в чем ни бывало катит по полосе встречного движения...

Мелодичный звонок отвлек Тарбелла от размышлений о превратностях городской жизни. Он подошел к письменному столу и поднял телефонную трубку.

— Да, Кроули, я готов. Поговорим где-нибудь в ресторане... «Каролина»? Ну, я не такой уж любитель южной кухни, а хлебный пудинг или, хуже того, слоеный торт с кремом и фруктовой начинкой мне просто противопоказан... Поедем в Бруклин к «Питеру Люгеру», там нас накормят настоящим бифштексом.

С семи утра, когда Тарбелл выходил из дома, направляясь в контору, и до четырех, когда заканчивался

рабочий день, к его услугам был автомобиль с шофером. Вечером он мог взять любую из стоявших в служебном гараже машин, но вести ее должен был сам. Это было, разумеется, предпочтительнее, чем вызывать такси или ждать автобус на остановке: после невыносимо долгого перерыва автобусы вдруг появляются целым роем — словно руководители городского общественного транспорта заставили освоить маршрут только водителя первой машины, а остальным приходилось двигаться следом, чтобы не сбиться с дороги.

Тарбелл поехал в Бруклин кратчайшим путем и добрался туда раньше Кроули. Ресторан «Питер Люгер» находился на том же самом месте, где он был построен в 1887 году предприимчивым хозяином, который считал, что основа американской кухни — это хорошо прожаренный на решетке кусок мяса.

«Питер Люгер» — одно из немногих мест в городе, где долгие годы почти ничего не менялось, Тарбеллу было приятно сознавать это. А в целом Нью-Йорк уже совсем не похож на себя, во всяком случае он не был таким, каким его помнил выросший здесь Тарбелл.

Деловые интересы Тарбелла заставляли его надолго уезжать за границу, и, возвращаясь, он каждый раз с грустью обнаруживал, что целые кварталы либо снесены и освободили место для модернистских творений городских архитекторов, либо пришли в полный упадок и представляют собой чисто исторический интерес — что-то вроде культурного слоя, работа археологам на многие годы. Страсть к архитектурному самоуничтожению выводила Тарбелла из себя, как и многих его деловых партнеров, выросших в Нью-Йорке, но попытки сохранить город не удавались; дома сносились, и возводились новые в полном соответствии с главным законом общества — погоней за прибылью, начало которой было положено покупкой Манхэттена у индейцев за двадцать четыре доллара.

Появился Кроули, и они уселись за столик.

— Несмотря на нынешние неблагоприятные обстоятельства, — сказал Тарбелл, — совет директоров заинтересован в процветании наших многолетних партнеров.

Но вот технология нового процесса... По-прежнему не знаю, каким образом мы сумеем ее раздобыть для вас. Этот коммерческий секрет хранится за семью печатями.

— А между тем новая технология интересует нас больше всего, — угрюмо произнес Кроули.

— Я понимаю.

— Остается только один выход. — Кроули внимательно наблюдал за реакцией Тарбелла.

— Тот, о котором вы говорили? — В бесцветных глазах Тарбелла ничего нельзя было прочесть.

Кроули кивнул.

Тарбелл покачал головой:

— Я в этом не участвую. Вы вольны поступать как считаете нужным, но меня не втягивайте.

— Вам лично ни в чем не придется участвовать.

— Сохрани, боже! — усмехнулся Тарбелл. — Я ничего не хочу знать и, разумеется, не стану помогать вам.

— Не зарекайтесь.

Сделка, о которой шла речь, включала в себя поставки двух генетически измененных вирусов, выведенных лабораторией одного из дочерних предприятий компании «Уолкокс майнинг». Один предназначался для использования в животноводстве. Другой распылялся на поверхности почек фруктовых деревьев, чтобы предохранить их от вымерзания.

Но не это интересовало Кроули. Компания Тарбелла обещала под видом вакцины и средства от вымерзания предоставить ЮАР секретную технологию генных манипуляций. Но когда контракт был уже подписан, вмешалось министерство сельского хозяйства, вернее, подведомственный ему комитет по исследованиям в области рекомбинантной ДНК, выдававший разрешения на испытания генетически измененных микроорганизмов.

Сделка расстроилась, а другого способа легально продать Кроули сложнейшую технологию у Тарбелла не было. Нарушать закон он не хотел.

Лицензия, предоставлявшая компании Тарбелла право на продажу вирусов, была санкционирована инспекцией министерства здравоохранения и социальных служб. Но комитет министерства сельского хозяйства

обладал большей властью. Ветеринары и экологи из компании Тарбелла доказывали, что генетически измененная вакцина безопаснее обычных вакцин, поскольку вирус лишен основного фермента, который позволяет ему размножаться в здоровых тканях. Один-единственный ген, удаленный из наследственной структуры, делает вирус маловирулентным и превращает его в отличную вакцину. Многочисленные испытания на свиньях показали, что вирус остается в организме животного, которому ввели вакцину. Он не способен самостоятельно распространяться в окружающей среде и, таким образом, не выходит из-под контроля — главная опасность, которой боится комитет по исследованиям в области рекомбинантной ДНК. Но ученые, представлявшие комитет, сопротивлялись. Они говорили, что введение живых вирусов в организм животного равносильно введению их в окружающую среду. А генетически измененные микроорганизмы обладают способностью размножаться, мутировать и причинять ущерб. Поскольку речь идет о принципиально новых формах жизни, невозможно предугадать последствия их попадания в окружающую среду.

— История повторяется, — заявил руководитель комитета. — В свое время физики-ядерщики говорили: доверьтесь нам, ядерная энергия не представляет никакой опасности. Химики уверяли всех, что без пестицидов и ядохимикатов сама жизнь станет невозможной. Теперь биологи с их генной инженерией говорят то же самое. Но на сей раз мы должны успеть принять меры самозащиты. Живые вирусные вакцины могут заражать других животных, они способны влиять на иммунную систему, делая животных беззащитными перед другими болезнями, и, наконец, не исключено, что они попадут в организм человека и нанесут ему серьезный вред.

Между тем Кроули получил сообщение о том, что в ЮАР опыты с вирусом японского энцефалита продолжаются, выведен исключительно вирулентный штамм. Летальность достигает почти ста процентов, удалось сократить инкубационный период и ускорить течение болезни. Существующие медикаменты бессильны. Методом клонирования выведен вариант вируса, способный



выдерживать высокие температуры, что очень важно для использования в условиях жаркого климата. Это оказалось возможным лишь благодаря помощи специалистов из лаборатории экспериментальной генетики в Чарлстоне. Но вирус японского энцефалита — не единственный объект, с которым работает Центр биологических исследований ЮАР, а для продолжения опытов нужна вся технология и методика клонирования, сведения же о них можно получить или в компании Тарбелла, или в самой лаборатории. Но лаборатория секретами не торгует. Их можно только выкрасть из Чарлстона, что очень и очень непросто. «Для всех было бы лучше, если бы сделка с компанией Тарбелла состоялась», — подумал Кроули.

Финли, как и подавляющее большинство сотрудников лаборатории, был недоволен решением директора подписать контракт с вооруженными силами. Прежде всего это означало прекращение контактов с коллегами из других стран, да и в самих Соединенных Штатах не с каждым ученым удастся быть откровенным. Участие в симпозиумах, публикация научных работ — все это теперь весьма проблематично. Да и в самой лаборатории установится жесткий режим секретности, появятся малоприятные сотрудники отдела безопасности, которые станут во все совать нос, мешать нормальному общению. Но ни Финли, ни кто-либо другой не выразили желания покинуть лабораторию: не хотелось бросать успешно идущую работу. «Да и в конце концов, какая разница, кто оплачивает расходы?» — решил Финли.

Ему выпала честь первым из всего научного персонала познакомиться с новыми заказчиками. Ранним утром в лабораторию прибыло несколько высокопоставленных военных, их провели в кабинет к директору. А через два часа туда пригласили и Финли.

Директор сказал, что военные, представляющие управление перспективных научно-технических разработок, интересуются темой, которую в лаборатории ведет Финли, и просят — в доступной, разумеется, форме — сообщить им, на какой стадии находятся исследования.

— Несколько лет назад мы ввели чужие гены в костный мозг мыши, это была первая попытка. Затем вместе с гематологами мы поставили опыт на людях, естественно, с соблюдением всех предосторожностей. Гематологи привезли нам двух своих пациенток, страдавших наследственной болезнью крови, при которой костный мозг продуцирует красные кровяные тельца с дефектным гемоглобином. В обоих случаях болезнь была в тяжелой стадии. Больным требовались постоянные переливания крови. Мы взяли у них небольшое количество костного мозга и ввели в хромосомный аппарат его клеток гены, продуцирующие синтез нормального гемоглобина. Гены в свою очередь были созданы с помощью микроорганизмов с рекомбинантной ДНК. Клетки, получившие новые гены, были имплантированы назад в костный мозг пациенток. В этом смысле эксперимент прошел успешно. К сожалению, нам не удалось определить, смогли ли новые клетки синтезировать нормальный гемоглобин.

— Почему?

— Я говорил, что пациентки были в очень тяжелом состоянии. Видимо, поэтому гематологи и согласились привезти их к нам. В результате транспортировки и наших манипуляций у них началась пневмония, которая быстро закончилась летальным исходом. Мы учли этот опыт и пошли по линии выведения микроорганизмов с нужными нам качествами. В самом примитивном изложении наша схема выглядит так: мы вводим в организм человека некий вибрион с измененным наследственным аппаратом. Вибрион попадает в клетку, где находятся дефектные гены, и производит в этой клетке сложную операцию на хромосомах: «выстригает» негодный ген и заменяет его нормальным.

— Все это кажется малореальным. Мы знаем вирус как возбудитель опасных заболеваний, а у вас вирус почти что наделен разумом.

— Когда вы познакомитесь с нашими работами в этой области, то увидите, что значительная часть нашего плана уже обрела реальные черты. Мы действительно далеко продвинулись и в самом скором времени

сможем активно воздействовать на кроветворные клетки костного мозга. Есть полсотни патологий белковой части гемоглобина, которые можно будет исправлять с помощью разработанной нами методики. Главная трудность заключается в выведении вирусов, которые должны делать только то, чего мы от них хотим.

— И как же вы собираетесь решить эту задачу?

— Практически мы ее решили. Методом клонирования мы получаем в неограниченных количествах вибрионы — носители нужных нам качеств.

— Я думаю, будет лучше, если вы растолкуете всем присутствующим, что такое клонирование.

— Клоны — наследственно однородные организмы, происходящие от одного общего предка. Иначе говоря, клонирование — это метод получения генетически однородного материала.

— Пока не очень понятно.

— В клонировании нет ничего мистического. Скажем, садоводы выводят домашние растения из одной клетки. Клонировать растения легче, чем млекопитающих, поскольку клетки растений не нуждаются в сложной трансплантации клеточного ядра. Из одной клетки можно вывести целое растение.

Манипулируя генами, растению придают качества, которыми оно прежде не обладало, и это растение с новыми качествами — клонируют, то есть берут из него клетки и размножают.

Генетическая евгеника, кажется, перестает быть делом такого уж отдаленного будущего. Еще два года назад, взяв на себя миссию творца, мы создали три точные копии одной мыши. Наши хирурги взяли четырехдневный эмбрион серой мыши, извлекли из него несколько клеток, изъяли ядро из одной клетки и поместили это ядро в яйцеклетку черной мыши, только что оплодотворенную. Мы специально выбрали черную мышь: если родится мышь черного цвета, значит, клонирование не удалось. Яйцеклетка-гибрид культивировалась в питательном растворе. Когда она начала делиться, превращаясь в эмбрион, ее имплантировали в белую мышь, которая родила серую мышь.

Теоретически можно взять любую клетку животного и использовать ее для клонирования. Такая способность клетки заложена в ее основном биологическом качестве: хотя клетки постепенно — по мере развития эмбриона — превращаются соответственно в кожу, мускулы и органы, любая клетка (исключая половые клетки) имеет полный набор генов и потому способна создать из себя весь организм целиком. Но дело в том, что в большинстве клеток гены, не нужные для выполнения клеткой своей особой миссии, «отключаются». Клетки кожи, например, не способны производить инсулин, как это могут делать клетки поджелудочной железы, но гены, теоретически способные производить инсулин, у них есть. Эти «ненужные» гены «отключаются» на очень ранней стадии развития зародыша.

— Несколько лет назад вышла книга Дэвида Рорвика «По его образу: клонирование человека». Рорвик описал одного калифорнийского миллионера, который мечтал о вечности и нанял группу врачей и генетиков, чтобы те заменили ядро оплодотворенной яйцеклетки ядром, взятым из его клетки, и тем самым произвели на свет человека, генетически идентичного ему. Какая-то знойная восточная женщина согласилась выносить клонированный эмбрион. Через девять месяцев, пишет автор, она родила здорового голубоглазого мальчика. Рорвик утверждал, что он прекрасно знает эту семью. По его словам, ребенок развивается совершенно нормально. Что вы об этом скажете, доктор Финли?

— Книга Рорвика и не менее нашумевший фильм «Мальчики из Бразилии», в основе которых лежит та же идея, все же являются плодом фантазии. Вряд ли генетикам удастся когда-нибудь выращивать гениев из клеток выдающихся ученых. Эксперименты на человеке даже не стоят на повестке дня, поскольку при клонировании эмбрион гибнет.

— Ну что ж, нам остается только поблагодарить доктора Финли за то, что он сумел уделить нам столько времени...

Когда дверь за Финли закрылась, армейский полков-



ник, который проявил наибольший интерес к лекции, сказал директору лаборатории:

— На моих глазах произошли две революции в военном деле. Первая началась, когда расщепили атом. Вторая — когда расщепили ген. Я думаю, что в самом скором будущем начнется гонка вооружений в области генного оружия...

Сотрудничество с лабораторией военные начали с того, что подвергли испытанию на полиграфе, или, как его обычно именуют, детекторе лжи, весь ее персонал.

Финли не работал на иностранную державу и считал, что ему нечего скрывать. Но процесс проверки на полиграфе вывел его из равновесия. Работник ФБР, проводивший проверку, задал ему, помимо традиционных вопросов: «Не являетесь ли вы коммунистом? Не работаете ли на иностранную разведку? Не разглашали ли вы секреты, к которым допущены?» — вопросы о его родителях и вообще о той прошлой жизни, которую он стремился забыть, вычеркнуть из памяти.

Финли поехал домой, принял снотворное и лег спать. Но таблетка плохо помогла. Ночью, в начале третьего, он проснулся от кошмарного сна — да и сон ли это был? — и больше уже не уснул. Его била дрожь, знобило. Проверка на полиграфе дорого ему обошлась. Финли понял, что, хотя минуло уже двадцать с лишним лет, прошлое не умерло, не отпустило его.

Двадцать два года назад Финли уехал из ЮАР — страны, где он родился, в Соединенные Штаты. Заботу о нем взял на себя дядя, брат матери. Финли получил стипендию в Калифорнийском университете, американское гражданство, после защиты диплома работу — словом, все, что хотел.

Это была новая жизнь, и в ней не было места прошлому. Но, упорно изгоняемое из памяти, прошлое возвращалось к нему в ночных кошмарах, вызывавших длительные периоды бессонницы и депрессии. Финли следовало бы обратиться к врачу, но он не верил в умение медиков держать язык за зубами. Он был известным в научных кругах человеком, и не исключено,

что кто-нибудь из психиатров не удержался бы от соблазна рассказать о том, чем страдает видный биолог. Врачи, вероятно, помогли бы ему, но репутация Финли была бы испорчена. Это усилило бы депрессию и перечеркнуло все усилия медицины.

Один раз он записался на прием к психиатру, но, когда увидел в кабинете спортивного вида молодого румяного парня, повернулся и ушел. Разве этот юноша, который не знал ничего, кроме теннисного корта и просторных университетских аудиторий, мог понять Финли?

«Все дело в том, что меня тогда посадили в одиночку», — думал он. Его допрашивали по ночам, а под утро отводили в камеру. Несколько месяцев он видел только тюремных охранников и следователей. Больше никого, ни единого человека! Весь его мир замыкался четырьмя стенами одиночки, в камере царила абсолютная тишина, до него не доносились никакие звуки. Впору было сойти с ума. Он ненавидел охранников и следователей, которые били его, издевались над ним, но это были живые существа, и он хотел их видеть! Одиночество, полная изоляция от мира — это было хуже всего, хуже побоев, плевков, оскорблений.

Финли арестовали через три дня после того, как на шахте «Вааль Рифс», принадлежавшей крупнейшей горнорудной компании «Англо-Америкэн корпорейшн оф Саут Африка», вспыхнули волнения. В результате взрыва метана в шахте погибли восемь шахтеров, еще тридцать пришлось госпитализировать. В шахте не соблюдались правила техники безопасности — ведь там работали только африканцы. У шахтеров не оказалось самоспасателей, и они отравились газом.

Отец Финли, иоханнесбургский адвокат, по просьбе профсоюза горняков подал в суд иск против компании. В день, когда он приехал на шахту, там началась забастовка. Двенадцать тысяч шахтеров потребовали улучшения техники безопасности и повышения заработной платы — до уровня белых горняков. Представители компании ответили отказом и вызвали полицию. Чернокожие горняки жили в общежитии рядом с рудником

и далеко от своих семей. Они отказались выдать зачинщиков и прекратить забастовку.

Ни адвокат Финли, ни сами шахтеры и не подозревали, что во всех помещениях, даже на кухне и в туалете, установлена система закачки слезоточивого газа — «для контроля над беспорядками», как позднее объяснил представитель компании иностранным корреспондентам. Сначала пустили газ, а через полчаса в общежитие ворвались полицейские в противогазах.

Половину шахтеров уволили и привезли новых. Руководителей профсоюза и адвоката отправили за решетку; их обвинили в террористической деятельности и в принадлежности к запрещенному Африканскому национальному конгрессу. После тщательного обыска в доме Финли арестовали и жену адвоката: полицейские установили, что она тоже является членом Африканского национального конгресса. Еще через два дня полицейские вернулись за сыном. Ему было семнадцать лет, он только что закончил школу.

Тюремщики хотели, чтобы Финли назвал им всех, с кем встречался его отец. Обыск в квартире адвоката ничего не дал, а им нужны были имена: все, кто борется с апартеидом, входит в Африканский национальный конгресс и пытается свергнуть режим белого меньшинства, должны быть уничтожены. Особенно непримиримы органы безопасности были к белым противникам апартеида, их считали преступниками вдвойне: вступив в союз с черными, они предавали не только свое государство, но и свою расу...

Утро принесло Финли некоторое облегчение: нужно было вставать, делать гимнастику, принимать душ, варить кофе, ехать в лабораторию. Он включил телевизор, чтобы в комнате звучали чьи-то голоса. Принял таблетку транквилизатора. К половине седьмого он уже почти пришел в норму. Финли не мог позволить себе появиться в лаборатории несобраным, неработоспособным.

Можно было считать, что ночные кошмары рассеялись. Но теперь его тревожила мысль, которая не сразу пришла ему в голову: почему оператор полиграфа расспрашивал его о родителях и о жизни в Южно-

Африканской республике, из которой Финли уехал семнадцатилетним юношей, чтобы никогда туда не возвращаться? Какое отношение это имеет к его работе в лаборатории экспериментальной генетики?

Ровно в половине одиннадцатого утра Кроули поставил машину на стоянке, принадлежавшей моллу — огромному торговому центру. Слово «молл» когда-то означало аллею, посаженную деревьями, место для прогулок. Теперь молл — это огромный торговый центр и одновременно место встреч, отдыха. Архитектор Томпсон убеждал своих соотечественников в необходимости перестраивать города, поскольку современный город, бетонные джунгли, отрицательно действует на человека — на его психику, физиологию, духовную и нравственную сферы. Он считал, что вновь строящиеся здания, независимо от их функциональной роли, должны вызывать у людей приятные эмоции, быть разнообразными и красивыми.

Типичный молл вырос из торгового пассажа, составленного из нескольких магазинов. Моллы стали строить в пригородах, куда постепенно перемещалась вся жизнь города. Внутри молла сооружались фонтаны, пруды и бассейны, музеи и концертные залы, даже церкви. Город в городе.

Торговый центр, в который попал Кроули, располагался на площади в пятьдесят гектаров. Съезжавшиеся сюда со всего города покупатели не задумывались над тем, что под этот молл ушли лучшие земли, что у обитавших на этих землях людей перевернулась вся жизнь. Взамен покоя и свежего воздуха они получили какую-то бесконечную ярмарку, где постоянно случались пожары, преступления, автомобильные катастрофы. Зато здесь разместилось пять крупных универмагов и сто пятьдесят небольших магазинов, шесть кинотеатров, несколько десятков ресторанов, кафе, пивных баров и закусовых...

Торговый центр производил грандиозное впечатление: бесконечные галереи, по обе стороны от них



торговые залы. Кроули знал, что владельцы некоторых универмагов опасались такой концентрации торговли, им казалось — это повредит их бизнесу: покупатель запутается в лабиринтах и не сможет купить нужную вещь. Их опасения не подтвердились: магазины, разместившиеся в торговом центре, приносили больше прибыли, чем прежде.

Кроули немного потолкался в толпе сновавших по галереям покупателей. Нужна была элементарная наблюдательность, чтобы понять механизм, позволивший владельцам торгового центра выжимать из покупателей значительно больше денег, чем их конкурентам, торговавшим по старинке. На глазах Кроули молодая женщина с двумя детьми зашла в обувной отдел, чтобы купить малышам теплые ботинки. Примерили несколько пар — не понравилось. Тогда женщина направилась в другой обувной отдел, который находился в полукилометре от первого. Когда она проходила мимо магазина игрушек, дети побежали туда. Потом она сама заглянула в парфюмерный киоск и книжный магазин. К обувному отделу она подошла с объемистыми свертками в руках. В торговом центре было восемнадцать обувных отделов, принадлежащих разным магазинам, все они располагались на максимальном расстоянии друг от друга. Тот же принцип распространялся и на другие отделы. В поисках нужной вещи покупатель мог провести в торговом центре несколько часов, попутно покупая вещи, которые вовсе не собирался приобретать, — просто потому, что они попались на глаза.

Кроули почувствовал: еще минута — и он тоже купит себе что-нибудь ненужное. Повернулся и, не глядя на витрины, отправился в полуподвальное кафе, где была назначена встреча.

Человек, которого он ждал, появился точно в условленное время. Он положил на столик перед Кроули сверток, упакованный в фирменную бумагу одного из универмагов, представленных в торговом центре.

— Это мой подарок, — усмехнулся он.

— Скажите, — попросил Кроули. — Как профессионал вы считаете, что разработка Финли возможна?

Его собеседник закурил. Доставая сигареты и зажигалку из карманов плаща, он огляделся: хотел быть уверен в том, что его никто не слышит.

— Да, я думаю, это возможно, — наконец ответил он. — Но Финли не боец. Да и зачем вам возиться? Не выйдет с Тарбеллом — я сам займусь лабораторией.

— Беда в том, что у нас очень мало времени. Приходится спешить. Мне сказали, вы собираетесь отдыхать. Приятного путешествия. Багамы — чудное место.

Стюарта Дью, руководителя неонацистской группы «Порядок», разыскивало Федеральное бюро расследований, поэтому он больше недели в одной и той же квартире не ночевал. Ему сделали пластическую операцию и раздобыли новые документы: водительскую лицензию и кредитную карточку, но страх быть опознанным ищейками ФБР заставлял его все время быть начеку. Кроули пришлось поехать на другой конец города, чтобы поговорить с ним.

В Бронксе в машину подсел телохранитель Дью, и, руководствуясь его указаниями, Кроули нашел дом, где со вчерашнего дня обитал Стюарт Дью. Кроули въехал в полутемный подземный гараж и поставил машину в дальний отсек, рядом с длинным «олдсмобилем».

В «олдсмобиле» опустилось правое стекло, и рука в перчатке властно постучала по дверце машины Кроули. Он тоже поспешил опустить стекло. В кабине «олдсмобили» он увидел коротко стриженного молодого человека, в котором совершенно не угадывались черты Дью, а его Кроули знал лет десять.

— Привет. Какие у тебя проблемы?

Кроули отметил, что хирург, который создал Дью новое лицо, ничего не мог сделать с его голосом, да это, видимо, и невозможно. Если бы у этого Дью и голос изменился, Кроули немедленно бы уехал: боялся ловушки.

— Стюарт, нужно, чтобы ты поработал немного на нас.

— Говори конкретно.

— Тебе придется перехватить один транспорт с важным для нас оборудованием...

— Охраняемый?

— Да. Охрана большая и квалифицированная.

— Понадобятся хорошие деньги, Кроули. Не знаю, говорил тебе Мэррей или нет, но я очень нуждаюсь в деньгах. Я сделал все, как вы хотели. После того, как Стоктон помог компании «Чарлстон бионикс» избавиться от конкурента, а мы убрали его, я отделался от всех, кто знал эту историю. Но, между прочим, эти ребята умели добывать деньги. А что мне теперь делать? Самому грабить банки?

— Этим я бы тебе не советовал заниматься, — засмеялся Кроули. — Я привез тебе денег. Подбирай людей и возвращайся в Южную Каролину — действовать придется там.

Представители орегонской компании «Айденitifай инкорпорейтед» работали в лаборатории экспериментальной генетики уже полтора месяца. Компания заключила с Пентагоном контракт на полмиллиона долларов и установила в лаборатории компьютерную систему охраны. Прежние магнитные пропуска с цветными фотографиями, гарантировавшие доступ во все секретные зоны, потеряли силу. Компания ввела новые правила. Финли, как и другим работникам лаборатории, допущенным к работе с секретным оборудованием и информацией, пришлось заново пройти проверку в отделе безопасности. Потом его вызвали в комнату, отведенную сотрудникам «Айденitifай инкорпорейтед», где фотографировали сетчатку правого глаза. Финли предложили посмотреть прямо в объектив незнакомого ему прибора. На пленке осталось изображение сетчатки глаза, которая столь же индивидуальна, как и отпечатки пальцев.

Все фотографии передавались в картотеку компьютерного центра. Теперь, чтобы войти в секретную зону, работнику лаборатории не требовался пропуск: достаточ-

но было посмотреть в специальный окуляр, компьютер сравнивал расположение сосудов сетчатки с фотографией, заложенной в картотеку, и открывал бронированную дверь.

Финли не верил в возможность нападения террористов на лабораторию: здесь не было ничего, чем они могли бы поживиться. В одном из подразделений лаборатории хранились образцы высоковирулентных бактерий и вирусов, но для их охраны достаточно двух полицейских. А секретное оборудование и материалы могли представлять интерес только для специалиста.

В последние несколько месяцев министерство обороны, заключившее с лабораторией контракт, было настолько занято проблемами безопасности, что, по мнению Финли, это мешало основной работе. В лаборатории устраивались пробные тревоги и проверки. Вдвое увеличилось число вооруженных охранников, которые с подозрением смотрели на ученых, видя в каждом иностранного агента или засланного террористами преступника.

Финли надеялся, что эта «кампания по обеспечению безопасности» скоро кончится и жизнь в лаборатории вернется в обычную колею. Он очень ценил особый мир научного коллектива, атмосферу дискуссий и неформального общения, в этом мире не было места бронированным дверям с компьютерным управлением, которые лишали Финли привычной возможности запросто заглянуть к коллегам из другого сектора.

Пока что он старался поменьше засиживаться в лаборатории и побольше работать дома. Сюда ему и позвонил Кроули, которого Финли не видел несколько месяцев.

Тарбелл встретился с сенатором в хорошо известном американскому истеблишменту доме в восточной части Нью-Йорка на пересечении 68-й улицы с Парк-авеню. Здесь находится Совет по международным отношениям, созданный после первой мировой войны, когда Соединенные Штаты решили, что им пора играть более значительную роль в мировых делах. Традиционно



в Совет входили видные ученые, крупные правительственные чиновники и джентльмены с Уолл-стрит.

Совет по международным отношениям устраивал званые обеды, на которых приглашали выступить кого-нибудь из ведущих политических деятелей — американских или иностранных, после чего следовал обмен мнениями. Время от времени для узкого состава Совета организовывались вечерние дискуссии, где тот же гость выступал без боязни, что его слова станут достоянием гласности. Для изучения конкретных проблем создавались рабочие группы. Свое мнение о глобальных и региональных проблемах, а также о тех изменениях, которые необходимо внести в американскую политику, Совет по международным отношениям доводил до сведения широкой американской общественности. Кроме того, Совет выпускал книги и брошюры, устраивал семинары и конференции, организовывал курсы для молодых ученых и молодых администраторов.

Уже при администрации Франклина Рузвельта сложилась практика постоянных консультаций с Советом. Президент Рузвельт разделял взгляды Совета на положение в мире, ему импонировало общение с видными представителями истеблишмента. К тому же здание Совета соседствовало с резиденцией Рузвельта, которую он занимал в бытность губернатором Нью-Йорка. Министры по прямому указанию президента участвовали в работе Совета, а по просьбе государственного департамента Совет взял на себя планирование внешней политики Соединенных Штатов на длительную историческую перспективу. С этого времени в Вашингтоне стали внимательно прислушиваться к мнению Совета по международным отношениям. Обычно после появления в Белом доме нового хозяина несколько видных членов Совета перебирались в Вашингтон, чтобы занять ключевые посты в правительстве, а Совет пополнялся за счет вышедших в отставку сотрудников предыдущей администрации.

После того, как на заседании акционеров в прошлом году Тарбелл был избран президентом компании «Уолл-стрит майнинг», он получил доступ и в здание на

68-й улице. Здесь после традиционного обеда, на котором выступал сенатор Уолси, недавно возглавивший подкомиссию по Африке, Тарбелл сумел переговорить с несколькими важными для него людьми, а потом даже «поймал» в библиотеке самого сенатора.

— Мне кажется, сенатор, что вы весьма пессимистически смотрите на будущее Америки, — заметил Тарбелл. — Это странно для политика.

— Да, я чувствую себя белой вороной среди своих многоопытных коллег. Все, кроме профессиональных политиков, понимают, сколь неблагоприятно положение дел в нашей стране. Американцы убеждены, что каждое поколение имеет право быть богаче предыдущего. Но почему? Америка и так берет в долг двадцать центов на каждый расходуемый доллар. Откуда же взять деньги на богатую жизнь? Да и то, что мы имеем, расходует не на себя, а на других. Мы кормим страны третьего мира, которые голосуют в ООН против американской политики, вместо того чтобы требовать от этих стран проведения политических, экономических и других реформ. Мы кормим незаконных иммигрантов, тем самым закладывая под будущее Америки бомбу замедленного действия. Десятая часть населения Лос-Анджелеса — города, который входит в мой избирательный округ, — незаконно проникшие в страну латиноамериканцы, в основном мексиканцы. Заметьте, что двое из трех новорожденных в Лос-Анджелесе — дети иммигрантов. Мало нам негритянской проблемы, скоро появится еще и латиноамериканская.

Сенатор Уолси располагал к себе собеседников вежливой и простой манерой общения, спокойным юмором, старомодной привычкой поправлять при разговоре очки. Но когда сенатор сердился, он откидывал голову назад, голос его становился резким, что могло изумить малознакомого с ним собеседника, который полагал, что имеет дело с джентльменом с Юга, волей случая занесенным в политику.

Тарбелл знал сенатора достаточно хорошо, чтобы не удивляться происшедшей с ним мгновенной перемене. Более того, он счел гневную филиппику сенатора

удобным поводом, чтобы перевести разговор на интересующую его тему.

— Сенатор, — мягко сказал он. — Раз уж вы так любезно уделите мне несколько минут... Меня беспокоит компания, начатая либералами вокруг Южно-Африканской республики. Что бы вы мне посоветовали? Неужели нам придется прервать столь выгодные для всей Америки деловые отношения?

«Подарок», полученный Кроули от его старого знакомого в одном из кафе торгового центра, представлял собой микрофильмированное досье Финли, который должен был сыграть ключевую роль в осуществлении операции, порученной Стюарту Дью.

Кроули загодя распорядился, чтобы ему в кабинет поставили аппаратуру для просмотра микрофильмов. Он предупредил секретаря, что будет занят в течение часа, и вставил в аппарат катушку.

Ему понадобился ровно час, чтобы внимательно изучить досье. Закончив, Кроули сжег катушку в большой пепельнице, сделанной в форме испанской каравеллы. «Разработка» этого человека не должна занять слишком много времени, решил он. Нужно только навести некоторые справки в Иоханнесбурге.

Для членов комиссии по иностранным делам конгресса брифинг был проведен в унылом на вид помещении в Пентагоне, где сенаторов встретил заместитель министра обороны по исследовательской работе и новейшей технологии. Брифинг был организован по инициативе Пентагона.

Заместитель министра обороны, держа в руках указку, обратился к присутствующим:

— Я прошу прощения за несколько общий характер моих объяснений, но они будут недолгими. В качестве предварительного замечания хочу обратить ваше внимание на принципиальное различие между характером применения традиционных, знакомых вам, и современ-

ных систем оружия. Прежде главной целью считалась армия противника, теперь же, чтобы победить врага, необходимо нанести удар и по армии, и по всей территории противника: разрушить его промышленность, инфраструктуру, тыловую базу. Удар по противнику на всю глубину его территории — такова концепция наших вооруженных сил, требующая дополнительных усилий.

СОИ, создание противоракетного оружия космического или наземного базирования не исключает наращивания, модернизации, совершенствования обычного, если можно так выразиться, ядерного оружия. И должен отметить, что впервые за два десятилетия мы вынуждены возобновить производство расщепляющихся материалов. За первые послевоенные двадцать лет мы накопили достаточно ядерной «начинки» для бомб и боеголовок и в 1964 году прекратили производство высокообогащенного урана. Даже новые типы ядерных зарядов создавались с использованием все тех же запасов. Теперь мы расконсервируем старые и построим новые обогатительные заводы. Нам потребуется много урана. И не только урана, но и значительного числа редкоземельных элементов, необходимых в военном производстве. Трудность состоит в том, что не все эти элементы присутствуют среди полезных ископаемых, найденных в Соединенных Штатах. Разумеется, мы создали достаточные запасы стратегически важных полезных веществ на случай военного конфликта, но не хотелось бы пускать их в ход. С нашей точки зрения, в настоящее время нужно предпринять энергичные усилия для импорта таких веществ. Ими в избытке располагает Южно-Африканская республика, торговые отношения с которой в последнее время весьма осложнились из-за критики режима апартеида.

Через сто с лишним лет после того, как генерал Робет Ли сдался командующему войсками северян Улиссу Гранту, украшенные одиннадцатью звездами флаги конфедератов по-прежнему развевались над фасадами нескольких домов в богом забытом городишке



в Южной Каролине. Водитель и пассажир взятого напрокат «крайслера» с местным номером не без удивления рассматривали несколько выцветшие «старс энд барс», которые без усталы трепал северный ветер.

— Юг есть юг, — пробормотал сидевший за рулем «крайслера» человек лет сорока пяти в теплом меховом пальто, но без головного убора. — Ностальгия их гложет, не могут забыть о временах своей славы.

— Какая уж там слава, — откликнулся пассажир «крайслера». Он крепче обмотал шею шарфом и взялся за ручку дверцы. Погода испортилась еще вчера: повалил мокрый снег, а сегодня с утра основательно похолодало и поднялся сильный ветер. Лицо пассажира болезненно сморщилось, словно он уже оказался во власти разбушевавшейся стихии. — Янки и черномазые сильнее хвастливых плантаторов, вашингтонцы добились своего. Вот южанам только и осталось, что вспоминать старые времена и любоваться своими мокрыми тряпками. Увидят преуспевающего негра на новеньком автомобиле и шушукаются: хорошо бы, дескать, вздуть черномазого, чтоб не задавался. А сами-то ни на что не способны. Хранят в дедовских комодах белые колпаки и воображают, будто могут сжечь кого-нибудь на кресте.

— Я думаю, здесь и сейчас каждый второй состоит в ку-клукс-клане, — возразил водитель. — Юг есть юг. Здесь все живут традициями и прошлым. Современная жизнь обходит их стороной.

— Ну, в этом им повезло. — Поежившись и спрятав лицо в шарф, его собеседник открыл дверцу и выскочил на улицу. В машину ворвался холодный ветер и сбросил с сидения растрепанные номера газет. Водитель поспешно захлопнул дверцу, но две-три пригоршни снега все же попали в кабину и начали медленно таять. Водитель брезгливо посмотрел на расплзающуюся по полу лужицу, тряпки у него не оказалось.

Они взяли эту машину — лучшую из тех, что были в бюро проката, — сегодня утром. Выяснилось, что по случаю непогоды отменен единственный автобус, курсирующий между железнодорожной станцией и этим

городком (деревней? поселком? Не знаешь, как и назвать это никому не известное местечко).

В городке проживает пять тысяч человек, сообщил им владелец бюро проката, подкачивая шины, — похоже, что на «крайслере» не ездили года два. Из достопримечательностей — медицинский центр для детей с врожденными пороками. В этом центре работают человек триста, остальные жители городка их обслуживают.

До ближайшего крупного города почти сто миль, прикинул водитель по карте, неудивительно, что местные жители чувствуют себя изолированными от всего мира. Приезжие здесь редкость. Посетители медицинского центра не в счет, у них свои дела, городом они не интересуются, по большей части это несчастные родители, вынужденные поместить ребенка в центр.

«Крайслер» стоял на главной улице, больше ни одной машины здесь не было. Водитель, сколько ни вглядывался, не заметил, чтобы по улице прошел хотя бы один человек. Пусто. Никто не рисковал высунуть нос за дверь в такой холод. Аптека, бар и ресторан в центре города открыты, но водитель готов был биться об заклад, что сегодня они не могут похвастаться обилием посетителей. Когда «крайслер» проезжал мимо единственной в городе двухэтажной гостиницы, швейцар выскочил из-за стеклянных дверей с зонтиком в руках и что-то им призывно прокричал. Если погода не переменится к лучшему, долго ему придется ждать чаевых от новых постояльцев.

Водитель успел выкурить две сигареты, прежде чем дверца распахнулась и в кабину проскользнул обсыпанный снегом пассажир. Он стащил перчатки и несколько мгновений растирал руки. Потом кивнул водителю:

— Поехали. Мечтаю поскорее усесться в вагон, где тепло, светло, есть виски и нет нудных жадных стариков вроде этого Мэррея.

Водитель включил заднюю передачу и осторожно тронул машину с места.

— Я думал, ты привык к нему. Столько лет сюда ездишь.

— Какое там! Каждый раз с души воротит, когда он

начинает доллары пересчитывать. Тоже завел моду. Чеки его не устраивают, желает получать только наличными и в мелких купюрах.

Водитель пожал плечами:

— А тебе-то что? Отвезти — привезти, работа не трудная, а платит за нее Дью не хуже, чем за более опасные дела.

— Так-то оно так...

Оба замолчали. Они проехали в обратном порядке мимо гостиницы, ресторана, бара и аптеки. В такую погоду водитель охотно заглянул бы по очереди в каждое из этих заведений, но это было строжайше запрещено. Печка в машине работала на полную мощность, и человек, только что выполнивший неприятную миссию, быстро согрелся. Он расстегнул куртку, стащил с шеи шарф и довольно произнес:

— Я так полагаю, что съездил сюда в последний раз. Все, побаловали дедушку — и хватит. Завершим наше предприятие, и тогда уже дедушка нам будет ни к чему, Дью больше не хочет иметь с ним дело. Ну, да он не пропадет. Поди, накопил уже немало.

— Да хватит тебе чужие деньги считать, — оборвал его водитель. — Скажи лучше, сколько мы получим? Я обещал жене поехать с ней во Флориду. Как ты думаешь, хватит?

Пассажир хлопнул его по плечу.

— Хватит на десять поездок! Такого дельца я еще не припомню. Скупиться Дью не станет — не тот случай.

Больше они ни о чем не говорили. На вокзале им пришлось минут двадцать ждать поезда: из-за снежных заносов железнодорожная компания с трудом соблюдала график.

Специальный агент Федерального бюро расследований Роберт Генри Скотт еще в воскресенье вечером тщательно обдумал, что ему предстоит сделать в понедельник, распланировал весь день по минутам. Необходимость такого жесткого графика он осознал почти сразу же после перевода в штаб-квартиру ФБР. Пятнадцать лет работы в Калифорнии тоже не оставили у него

ощущения привольного житья, но там, особенно в последние годы, он был сам себе хозяин.

Центральный аппарат ФБР ничем не отличался от любого другого бюрократического ведомства, где из-за обилия начальства, условностей и бумаг работать скорее скучно, чем трудно. Скотт сравнительно быстро пообтерся в Вашингтоне, пустил корни. Разумное воспитание (заслуга родителей) и хорошее образование, полученное в Беркли, избавили его от бросающегося в глаза налета провинциализма, свойственного выходцам с Западного побережья.

Роберту Скотту было всего сорок два года, и незапятнанный послужной список позволял ему надеяться на продолжение успешной карьеры в ФБР. Но следовало прежде всего избегать каких бы то ни было ошибок. Бюрократический аппарат не прощал даже малейших промахов. Все недочеты тщательно фиксировались, а потом недоброжелатели за чашкой утреннего или вечернего кофе всласть перемывали косточки коллеге, которому не везло. Два-три таких «кофепития» могли безнадежно испортить репутацию.

Однако, несмотря на жесткую дисциплину и на контроль за приходом и уходом служащих, в аппарате было полно бездельников, которые целыми днями с сигаретой в руке бродили по кабинетам, разнося по этажам свежие слухи. Скотт инстинктивно избегал этих компанийских ребят. Осваиваясь с новым для себя положением, он почти превратился в кабинетного затворника. Зато начальство не могло не оценить новичка по достоинству: Скотт всегда оказывался на месте, когда его вызывали, — качество, которое нравится всем без исключения руководителям.

На его долю досталось малоперспективное занятие — поиск фашистских преступников, скрывающихся в США от правосудия. Скотт любил более живую работу. В провинциальных бюро оперативной работы хватало на всех, ее даже норовили переложить друг на друга. Здесь же все охотились за перспективными делами, которые помогают выдвинуться. На долю Скотта пока ничего подобного не выпадало. А такие же специальные



агенты, как он сам, и даже с меньшим стажем работы в ФБР, распутывали громкие дела и получали поощрения.

В соседнем кабинете сидел специальный агент Говард Хиббет, всего год назад переведенный в Вашингтон из Южной Каролины. Ему с ходу поручили заниматься ультраправыми террористическими группами, и Хиббет действовал исключительно успешно. Он был на хорошем счету у руководства, его имя мелькало в газетах. Динамичный, остроумный, с быстрой реакцией, он считался кандидатом на должность заместителя начальника отдела и, следовательно, в скором времени мог стать начальником Скотта. С учетом того, что отношения между ними оставляли желать лучшего, для Скотта это была малоприятная перспектива.

За весь день в кабинет к Скотту, по милости начальства занятому исключительно бумажной работой, заходили два-три человека. В комнату Хиббета дверь просто не закрывалась. Скотту это было неприятно. Он вспомнил, как в пятницу вечером Говард Хиббет стоял в коридоре и прощался с коллегами. Он отличился при ликвидации группы боевиков из фашистской террористической организации «Порядок», а теперь получил отпуск и собирался провести две недели на Багамских островах. В гнилой мартовский день, а нынешний март в Вашингтоне был особенно отвратителен, две недели под солнцем казались райским подарком. Хиббет тогда хлопнул Скотта по плечу и громко захохотал: «Не завидуй, Скотт, не завидуй». И все вокруг обидно засмеялись. Потом, в субботу и воскресенье, Скотта мучило, что он не сумел в тот момент достойно ответить наглцу.

В понедельник с самого утра Скотта вызвал к себе помощник директора ФБР Блейкер.

Скотт — ради сохранения физической формы — никогда не пользовался лифтом и поднялся на директорский этаж пешком. Здесь он за все годы службы был всего два раза: когда его принимали на работу в ФБР и когда утверждали на нынешнюю должность. На директорском этаже его никто не знал, и секретарши смотрели на Скотта с некоторым сомнением. Против

ожидания Блейкер не заставил его сидеть в приемной ни минуты.

Помощник директора стоял возле большого стола для заседаний. На столе в полном беспорядке лежали какие-то бумаги, вещи и даже деньги.

Скотт поздоровался и продолжал стоять возле двери.

Блейкер вытащил из кучи бумаг, лежащих на столе, потрепанную записную книжку и стал лениво перелистывать. Потом зазвонил телефон, и Блейкер схватил трубку с быстротой, удивительной для его массивной фигуры. Несколько минут он молча слушал, крепко сжимая трубку в своем пудовом кулаке. Лицо его, на котором странно смотрелись маленькие очки в тонкой металлической оправе — как у многих бывших боксеров, у него стремительно портилось зрение, — ничего не выражало. Повесив трубку, он наконец взглянул на Скотта.

— В субботу утром в автомобильной катастрофе погиб Говард Хиббет, — сказал он. — На мокрой дороге столкнулись два трейлера, он не успел затормозить. Автомобиль — в лепешку.

Скотт вопросительно посмотрел на помощника директора.

— Начальник отдела безопасности был на месте столкновения, — ответил Блейкер на безмолвный вопрос. — Он доложил мне, что нет никаких оснований считать гибель Хиббета чем-то иным, нежели несчастный случай.

— И то хорошо, — сказал Скотт просто для того, чтобы не молчать. Агенты ФБР на его памяти гибли достаточно часто, но мало кто из них становился жертвой несчастного случая. Здесь действовала другая теория вероятностей: у блюстителя порядка значительно больше шансов получить пулю в спину, чем попасть в автомобильную катастрофу.

— А что тут хорошего? — покосился на Скотта помощник директора. — Потеряли ценного работника.

— Я не это имел в виду, — смутился Скотт.

— После обеда вас вызовет начальник отдела

и передаст дела, которые вел Хиббет. Это уже решено. Кроме того, я своей властью поручаю вам провести одно неофициальное расследование. Неофициальное в том смысле, что вы никому не имеете права о нем говорить. Запомните — никому. Даже непосредственному начальству и представителям отдела безопасности. Только мне или директору, если он заинтересуется этим делом, что, впрочем, маловероятно.

Он подвел Скотта к столу для заседаний.

— Сегодня утром мы вскрыли служебный сейф Говарда Хиббета, — объяснил помощник директора. — Нас с начальником отдела безопасности ждало несколько сюрпризов. Скажите, Скотт, сколько денег вы храните в сейфе?

Удивленный неожиданным вопросом, Скотт пожал плечами:

— Обычно две-три сотни. На непредвиденные расходы...

— У меня в сейфе лежат четыреста долларов, — сказал Блейкер. — На тот случай, если захочу развлечься, не ставя в известность жену. Когда я еду в отпуск, беру все наличные деньги с собой. Думаю, что и вы поступаете так же. Хиббет, отправляясь на Багамы, преспокойно оставил в сейфе пять тысяч.

— У парня водились денежки, — заметил Скотт. — Наследство? Богатые родственники?

— Вы у меня спрашиваете? — Блейкер по-бычьи нагнул голову. — Стал бы я вас вызывать, если бы знал ответы на все вопросы. Кроме толстой пачки долларов, в сейфе лежал чек на семь с половиной тысяч, выданный Хиббету неизвестной мне фирмой «Уолкокс майнинг». Поскольку Хиббет, увы, мертв, никаких объяснений от него мы получить не можем. Однако найденные в сейфе ценности предполагают проведение служебного расследования.

— Насколько я знаю, это функция отдела безопасности, — осторожно заметил Скотт.

Блейкер хлопнул ладонью по столу.

— Говард Хиббет считался одним из лучших агентов. Зачем делать из героя преступника? Если он в чем-

то и виноват, наказать его все равно уже невозможно. А репутация нашего ведомства пострадает. Надо же немного об этом думать. Словом, у директора я отстаивал свою точку зрения: формального служебного расследования не проводить, фактов, свидетельствующих против Хиббета, нет. Но, поскольку деньги и чек вызывают законные сомнения, попытаться выяснить их происхождение. А дело это поручить человеку, которому мы доверяем. Я назвал вашу кандидатуру, Скотт. Надеюсь, вы меня не подведете.

Блейкер вручил Скотту объемистый пакет.

— Здесь фотокопия чека, выданного компанией «Уолкоккс майнинг», ксерокопии бумаг и записной книжки Хиббета.

Спускаясь на свой этаж, Скотт вспомнил, как в пятницу вечером довольный жизнью Говард Хиббет прощался с коллегами перед отъездом на Багамы, как каждый из сотрудников отдела, видя в Хиббете будущего начальника, старался сказать ему что-то приятное и как все они с готовностью смеялись его шуточкам.

Взглянув на термометр, пожилой человек в теплой бархатной куртке с раздражением убедился, что за ночь ртутный столбик упал еще ниже. Несмотря на обещания радиодикторов, погода никак не желала меняться к лучшему. «Зачем, спрашивается, я поселился в Южной Каролине, если здесь не теплее, чем на Аляске?» — эта мысль преследовала его целый день. Опасаясь простуды, он даже спал в свитере и в шерстяных носках, хотя в доме было жарко натоплено. Он всю жизнь очень заботился о своем здоровье, выписывал несколько медицинских журналов. Аптекарь присылал ему все новые препараты.

Он проглотил несколько снадобий, потом сидел на диване с газетой в руке — прислушивался к тому, что происходит в его организме под действием лекарств. Больше он не чихал, поэтому успокоился и после обеда даже рискнул прогуляться до книжного магазина.

Он отобрал несколько новинок и попросил записать



на его счет — в маленьком городке наличными расплачивались только приезжие и те, кто не пользовался доверием у торговцев. Пожилой человек, хотя он и не был уроженцем этого города, а приехал сюда в зрелом возрасте, принадлежал к числу вполне уважаемых граждан: скромным поведением он пришелся по душе местному обществу. Из книжного магазина он вышел с двумя томами военных мемуаров и фотоальбомом, посвященным пасторальным картинам простой жизни не затронутых цивилизацией африканских племен. Владелец книжного магазина охотно записал тридцать пять долларов на счет своего постоянного клиента, увлекавшегося документальной литературой о второй мировой войне. А вот зачем ему понадобился непомерно дорогой фотоальбом, владелец магазина так и не понял.

Автором фотоальбома была немка Лени Рифеншталь, которая в восемьдесят с лишним лет продолжала продуктивно работать. В альбоме было много крупноплановых портретов: странные, иногда уродливые лица африканцев, пустые, не одухотворенные мыслью глаза, грубые, неотесанные тела. Рифеншталь пользовалась светом и цветофильтрами так, что люди казались безжизненными статуями. Человек на ее фотографиях служил лишь средством, фоном для показа богатства красок, экзотических пейзажей, фантазмагорических сюжетов.

Негромко запищал дверной звонок. Пожилой человек нехотя поднялся из кресла и вышел в прихожую. Прежде чем открыть дверь, он приложился к глазку. Убедившись, что на крыльце нет никого, кроме его экономки, которая приходила через день и наводила в доме порядок, он впустил ее.

Экономка принесла пакеты с молоком и почту. Пожилой человек отложил в сторону газеты и просмотрел только письма, адресованные доктору Теодору Мэррею. Письма оставили его равнодушным, и он вернулся к альбому Лени Рифеншталь.

Когда он был еще юношей, в их квартире появился первый фотоальбом Лени Рифеншталь. Он назывался «Борьба в снегу и во льдах». На снимках молодые

белокурые германцы, любители неиспорченной цивилизацией природы, дерзко штурмовали неприступные горные вершины. Уже тогда Рифеншталь нравилось передавать яркие краски живой природы. Но Лени Рифеншталь прославили не ее фотоальбомы, а кинематограф. Она сняла завоевавший успех фильм «Голубой свет» об одаренной необычными качествами женщине, которая смогла подняться на непокоренную горную вершину. После этой ленты Гитлер предложил ей сделать фильм о приходе национал-социалистской партии к власти. «Триумф воли» — так называлась эта лента Лени Рифеншталь, обошедшая в тридцатые годы все кинотеатры Германии. Марширующие колонны, факельные шествия, крики «хайль»... Ее следующий фильм — четырехчасовая лента под названием «Олимпия» — был посвящен Олимпийским играм 1936 года в Берлине. Фильм отметили на Каннском кинофестивале.

После войны ей пришлось сменить профессию: победители не простили ей пропаганду нацизма. В свою очередь Рифеншталь с насмешкой и презрением отозвалась о послевоенном кинематографе: «Нынешнее поколение немцев не способно к творчеству, к созданию подлинного искусства, потому что немцы боятся. Это своего рода болезнь. Они боятся своего прошлого. Они не способны гордиться своей родиной и не умеют восхищаться красотой, которой я посвящала свои фильмы».

Пожилой человек, известный в городке под именем Теодора Меррея, был доволен утренней покупкой. Почему? Имя автора фотоальбома для него было тесно связано с прошлым. Мысли о прошлом не всегда приятны, но ведь прошлое не выбирают. Когда остаются только воспоминания, надо уметь дорожить ими.

Роберту Скотту принесли из архива картотеку дел, которые в свое время вел Говард Хиббет.

Удачей Хиббета считалась ликвидация группы «Порядок», возглавлявшейся прежде неким Гордоном, в штате Южная Каролина. Боевики Гордона убили журналиста Уэйна Кинга из Чарлстона, который высмеивал

неофашистов и обещал радиослушателям выяснить, на чьи деньги те вооружаются. Кинга подстерегли поздно вечером возле его дома и в упор расстреляли из самодельных автоматов, переделанных из полуавтоматических винтовок AP-15.

Существование хорошо вооруженной и обученной группировки, связанной с различными организациями ку-клукс-клана, американскими нацистами, расистскими религиозными сектами, фиксировалось информационной службой ФБР, но группой занималась полиция штата — ввиду «незначительности» совершаемых ею преступлений. После убийства Кинга директору ФБР пришлось отдать распоряжение о расследовании деятельности Гордона.

Местное отделение ФБР информировало штаб-квартиру: группа «Порядок» действует тайно, ее члены периодически участвуют в полувоенных учениях. Руководит группой Стюарт Дью — неудачливый претендент на место в законодательном собрании штата. Тем временем был выдан ордер на арест Гордона. Два судебных исполнителя отправились к нему домой. Их встретили метким огнем из автоматического оружия. Перестрелка окончилась не в пользу представителей власти. Судебные исполнители были убиты, сын Гордона и один из членов группы ранены. Сам Гордон бесследно исчез.

Теперь уже поимка Гордона была для Федерального бюро расследований делом чести. Его поиски продолжались три с половиной месяца. По приказу из Вашингтона использовали самолет с инфракрасными приборами обнаружения. Гордон скрывался где-то в горах. В розыске участвовали сотни агентов ФБР, полиция нескольких штатов, оперативники, имеющие опыт вьетнамской войны и борьбы с национально-освободительным движением в Латинской Америке. Но все безуспешно. Гордон был неуловим. Как выяснилось позднее, беглеца скрывали члены многочисленных ультраправых группировок, живущие в небольших городках на Среднем и Дальнем Западе.

Неудачи ФБР и полиции насторожили общественность. Газеты много писали о правых экстремистах,

которые в избытке обзавелись автоматическим оружием и готовы к ведению партизанской войны. Комиссии конгресса пришлось провести ряд слушаний. Один из специалистов по фашистскому движению в Соединенных Штатах предупредил конгрессменов, что, по некоторым данным, ультраправые вооружены ракетными гранатомерами, минометами, располагают взрывчаткой и тяжелыми бронемашинами. В Сьерра-Неваде, штат Калифорния, они имеют постоянные учебные лагеря. Директора ФБР тоже пригласили в конгресс для дачи показаний — предлагались различные меры законодательного характера для того, чтобы покончить с противозаконной деятельностью ультраправых.

Тут как раз и отличился Говард Хиббет. Он нашел убежище преступника.

Гордон укрылся на ферме, среди поросших густым кустарником холмов на северо-востоке Арканзаса. Здесь под руководством Хиббета и еще одного специального агента ФБР, прилетевшего из Вашингтона, разыгралось целое сражение. Сорок человек, вооруженных винтовками с автоматическим прицелом, окружили дом. Снайперы стреляли по окнам гранатами со слезоточивым газом. Выждав несколько минут после взрыва гранат, специальный агент из Вашингтона выбрался из укрытия, где засели нападавшие. Он хотел сам захватить преступника. Он выбил оказавшуюся непрочной дверь и первым ворвался в дом, приказав остальным ждать. Это были его последние слова. Гордон в армейском противогазе встретил его выстрелами.

В этот момент Хиббет, решив, что Гордон может по одному перестрелять весь отряд, приказал открыть огонь по дому. Кто-то из полицейских стрелял зажигательными пулями. Смертельно раненный агент пытался выползти из дома. Когда его голова показалась в дверном проеме, раздался оглушительный взрыв — детонировали взрывчатка и боеприпасы, которыми была набита ферма. Дом буквально взлетел на воздух. От специального агента из Вашингтона ничего не осталось — хоронили горстку пепла. Останки Гордона опознали по зубным протезам.



Такой исход, в сущности, можно было считать весьма относительной удачей, но все же перестрелка в Арканзасе, во-первых, в значительной степени погасила интерес прессы и общественности к ультраправым боевым группам, во-вторых, спасла престиж ФБР, за что Говарду Хиббету и была выражена благодарность.

Второй — и последней — его успешной акцией была ликвидация всей боевой группы Гордона спустя полтора года после гибели самого Гордона. Хиббет выследил боевиков в момент, когда у них проходило совещание на острове Уидби в заливе Адмиралти к северу от Сизтла. В заливе еще с утра было остановлено движение судов, прекращены полеты самолетов над опасной зоной. К вечеру несколько десятков сотрудников ФБР (полицию решили не привлекать) в маскировочной одежде осторожно подобрался к трем небольшим домам на острове, где совещались бандиты. Вступить в переговоры боевики отказались, стали отстреливаться. В небе повисли осветительные ракеты, снайперы из ФБР начали стрелять по окнам. Боевики палили из автоматов направо, патронов у них было вдоволь: на острове они хранили оружие, взрывчатку и боеприпасы.

Повторилась та же история, что и с Гордоном. Перестрелка продолжалась всю ночь, пока кто-то из снайперов не попал зажигательной пулей в ящик со взрывчаткой. Почти все боевики погибли. Ознакомившись с подробностями операции, Роберт Скотт крайне скептически отнесся к высокой оценке действий Хиббета. Тот допустил непростительную небрежность, разрешив стрелять зажигательными пулями, с учетом печального опыта охоты на Гордона. Конечно, Хиббет уничтожил террористическую группу, но лишил ФБР возможности допросить боевиков, выяснить, кто им помогал, кто ссужал деньгами.

Впрочем, Скотт имел все основания полагать, что в аппарате ФБР не сокрушались по этому поводу. Ультраправыми бюро занималось от случая к случаю, крайне неохотно, и то лишь когда они совершали что-то из ряда вон выходящее и общественность поднимала шум. На директорском этаже полагали, что опасность

исходит слева, а не справа. Среди ультраправых было немало почитаемых граждан, которые не только не представляли опасности для государства, но, напротив, были его опорой. На остальных этажах в общем и целом придерживались того же мнения. Но уж если ультраправые начинали грабить банки, их следовало ставить на место. Такими принципами должен был руководствоваться и Роберт Скотт, коль скоро он унаследовал от Хиббета этот участок.

К Скотту перешли все информационные подборки по ультраправым, фашистским группам в Соединенных Штатах и агентурные данные по тем группам, члены которых были замешаны в насильственных действиях. Кроме того, Скотт получил доступ к главным и наиболее тщательно охраняемым секретам бюро: он узнал подлинные имена осведомителей, внедренных в праворадикальные группировки. Теперь он имел право пользоваться их услугами. Активнее всех работал Макнайт, осведомитель, выдавший Федеральному бюро расследований боевиков Гордона из группы «Порядок».

Говард Хиббет встречался с осведомителем на окраине Вашингтона, сажал в свою машину и подвозил до какого-нибудь загородного ресторана. Разговор велся только в машине. Каждый раз служба обеспечения ФБР предоставляла Хиббету новую машину с номером, не имеющим ничего общего со служебными номерами бюро. Дважды Хиббет изображал из себя таксиста.

Скотт написал заявку с просьбой организовать ему встречу с Макнайтом. В тех случаях, когда агент ФБР встречался с осведомителем впервые, служба обеспечения не только брала на себя все хлопоты, но и гарантировала безопасность агента и осведомителя. Это была дорогостоящая операция, требовавшая усилий полтора десятков человек, но считалось, что дело того стоит: ценность хорошо внедрившегося и дающего важную информацию осведомителя значительно выше любых расходов службы обеспечения.

Розыск фашистских военных преступников, скрывающихся от правосудия, по-прежнему оставался за Скоттом. Но особенно искать никого не приходилось:

бежавшие после войны из Германии в США военные преступники спокойно доживали свой век, даже не сменив фамилий. Найти их не было проблемой. Проблема состояла в другом — точно узнать: а хотят ли в министерстве юстиции, чтобы эти люди были найдены? Если военный преступник, ордер на арест которого был выдан еще сорок лет назад, все эти десятилетия преспокойно жил в Соединенных Штатах и никто не покушался на его свободу, то оставалось только предположить, что какие-то влиятельные силы в этом заинтересованы. Правда, через полгода после того, как он начал заниматься делами бывших военных преступников, Скотт понял, что, кажется, ничем не рискует: отдел специальных расследований министерства юстиции вел поиск лишь тех, кто уже не мог представлять никакого практического интереса для ведомств, прежде заботившихся об их безопасности. А былые заслуги в расчет не принимались.

Скотт помог отделу специальных расследований возбудить дело против одного нацистского преступника, в свое время участвовавшего в создании ракет ФАУ-1 и ФАУ-2; он обвинялся в бесчеловечном обращении с узниками концентрационных лагерей, которых заставляли работать на заводе, где изготавливались эти ракеты. В 1945 году он был взят в плен и отправлен в Соединенные Штаты, где стал одним из создателей американских баллистических ракет. В то время его нацистское прошлое, подумал Скотт, никого не интересовало. А теперь в его защиту высказались лишь несколько отставных американских военных — «ветераны ракетной и космической программ США», которые обвинили министерство юстиции в безнравственности. Генерал-майор в отставке Джон Медарис, возглавлявший с 1955 по 1960 год Центр исследований армии США в области баллистических ракет в Хантсвилле, штат Алабама, обратился к президенту с просьбой прекратить преследование «честного ученого, много сделавшего для армии Соединенных Штатов». Но вмешиваться в это дело никто не захотел. А «честный ученый», дабы избежать судебного процесса, отказался

от американского гражданства, которое ему было предоставлено после войны, и уехал в ФРГ, где, как позднее узнал Скотт, получил пенсию.

До беседы с Блейкером Скотт выполнял поручение отдела специальных расследований по розыску нацистского военного преступника Йозефа Райнике. Он служил врачом в концентрационном лагере. Райнике, по рассказам уцелевших узников лагеря, проводил опыты над заключенными и был непосредственно виновен в смерти нескольких сотен человек.

Скотт сделал необходимые запросы в государственный департамент, управление иммиграции и натурализации, в архив ФБР, Пентагон и ЦРУ. Ответы поступили в течение недели: Йозеф Райнике никогда не пересекал границу Соединенных Штатов, и никакими сведениями о нем вышеуказанные ведомства не располагали.

В стареющем Нью-Йорке закупоривались последние транспортные артерии, а центр города уже давно был поражен тромбозом. Кроули, раза два опоздав на деловые встречи, положил себе за правило выходить из гостиницы заранее. По центру он старался ходить пешком, при этом испытывал определенное удовольствие, обгоняя застывшие надолго автомобильные очереди.

Кроули жил в Соединенных Штатах несколько лет, и автомобильные пробки его не удивляли. Удивляло другое: нью-йоркцы стали откровенно выражать привязанность к городу, который прежде больше ненавидели, чем любили. В отличие от провинциалов, которые всегда найдут, за что похвалить родные места, нью-йоркцы не обсуждали достоинства своего города. Напротив, они только удивлялись, когда приезжие провинциалы с гордостью распространялись насчет своей новой водонапорной башни или местного музея, который легко уместился бы в гардеробе музея Метрополитен. Но год-другой назад Кроули обнаружил, что и нью-йоркцы с энтузиазмом говорят о своем городе. Когда он поделился наблюдениями со своими американскими знакомыми, ему сказали, что местный патриотизм зародился в то



время, когда Нью-Йорк поразил финансовый кризис, ему угрожало полное банкротство и он мог быть продан японцам или другим богатым иностранцам. В городе, где все подчинено идее прибыли, финансовый кризис сочли величайшим грехом. Нью-йоркцы бросились на защиту репутации города и стали осуждать тех, кто позволяет себе подшучивать над всеми видами непорядка. Немалую роль сыграло и празднование двухсотлетия США. Городские достопримечательности одна за другой отмечали столетние юбилеи: «Метрополитен-опера», Бруклинский мост, статуя Свободы... Кое-кто из нью-йоркцев, знакомых со школьным курсом истории, помнил, что их город был первой столицей Штатов. Среди туристов, осматривающих городские достопримечательности, обнаружились коренные нью-йоркцы. Раньше это казалось немыслимым, местные жители думали примерно так: музеи и статуи, мол, всегда будут там, где они поставлены, чего же торопиться?

Три года назад Кроули нашел отель, который пришелся ему по душе. Собственно говоря, это был вовсе и не отель, а что-то вроде семейного пансионата. Помещалось это заведение на пересечении 73-й улицы и Лексингтон-авеню. Всего несколько номеров, похожих на обычные квартиры. Покой, комфорт, никакой гостиничной суеты.

Отель открылся в 1983 году и предназначался для тех, кто желает жить в квартире, а не в гостиничном номере. Квартиры, отделанные в античном стиле (бледные цвета, стены обиты ситцем), сдавались не меньше чем на месяц и располагали к спокойной, удобной жизни. Кроули загодя написал владельцу этого нетрадиционного отеля и, прилетев в Нью-Йорк, был рад убедиться, что его ждут.

С Тарбеллом Кроули встретился в клубе «Сенчури» на 43-й улице.

— Что сейчас делается в Южно-Африканской республике? — спросил Тарбелл.

— Весна, сезон дождей, жары и ожесточенных споров о будущем. Те, у кого есть деньги — я имею в виду заграничные вклады, — подумывают о том, чтобы

переселиться в Австралию, Канаду или Соединенные Штаты. Так называемые либералы сидят по вечерам у телевизоров и со страхом следят за тем, как разворачиваются события. В большинстве своем это недавние иммигранты или во всяком случае потомки тех, кто переселился к нам в нынешнем веке, — какие-нибудь португальцы или греки. Настоящие африканеры, слава богу, понимают, что мы должны сохранить свою власть над страной, чтобы выжить. Я знаю черных. В детстве даже играл с одним черномазым мальчишкой, говорил на его языке. Если дать африканцу какие-нибудь права, он воспользуется ими, чтобы потребовать еще больше прав. А если ты решишь поделиться с ним властью, он со временем уничтожит тебя. Поэтому нам надо бороться до последнего. Но африканерам к этому не привыкать. Когда нас прижимают к стене, мы начинаем драться еще ожесточеннее.

— Насколько я понимаю, — заметил Тарбелл, — отсутствие единства в белой общине ЮАР может оказаться роковым. Определенные круги у вас дома критикуют апартеид, требуют реформ.

— Совершенно верно. Разброд и шатания. Скажу вам одно: если черные начнут революцию, чтобы уничтожить нашу собственность и отнять нашу землю, африканерское движение сопротивления будет безжалостно расправляться и с черными, и с их белыми покровителями.

— Я разговаривал недавно с одним человеком, уехавшим из ЮАР. Он бросил прекрасный дом с плавательным бассейном в северном пригороде Йоханнесбурга. Он рассказал мне анекдот, популярный среди людей его круга: «Кто такой патриот? Человек, которому не удастся продать свой дом, чтобы набрать денег на дорогу».

— Дурацкая шутка, — буркнул Кроули. — Вполне в духе этих трусов.

— Ну-ну, дорогой Кроули, — засмеялся Тарбелл. — На шутки не обижайтесь. Поверьте, меня ситуация в Южно-Африканской республике беспокоит всерьез. Все мы, ваши друзья, готовы предпринять определенные шаги, чтобы помочь вам.

— Соединенные Штаты очень бы помогли нам, если бы заткнули глотку всем критикам системы апартеида. Демонстрации у нашего посольства в Вашингтоне, издевательские статьи в некоторых ваших газетах. Неужели вы не понимаете, что, подрывая позиции союзника, вредите самим себе? Ведь любые перемены в ЮАР повредят интересам Соединенных Штатов.

— Хотите, я расскажу одну историю, которая поможет вам разобраться в некоторых сторонах жизни нашей страны? — предложил Тарбелл. — В этом самом клубе, где мы с вами сидим, в начале шестидесятых годов встретились Джон Рокфеллер-третий и Джон Оукс, который вел редакционные материалы «Нью-Йорк таймс». Рокфеллер показал Оуксу телеграмму американского посла в Сайгоне Нолтинга. Посол просил Рокфеллера убедить газету прекратить нападки на тогдашнего правителя Южного Вьетнама Нго Динь Дьема и его младшего брата Нью, увязших в коррупции. Посол считал, что «Нью-Йорк таймс» наносит ущерб попыткам остановить наступление коммунизма в Юго-Восточной Азии. Рокфеллер добавил от себя, что газета объективно вредит американской политике во Вьетнаме и тем самым действует на руку коммунистам.

— И что же?

— «Нью-Йорк таймс» и не подумала менять отношение к Дьему. А вот вместо Нолтинга в Сайгон был назначен новый американский посол, и через два месяца Дьема и его младшего брата свергли. Место президента Южного Вьетнама занял другой американский ставленник. Нолтинг и тем более Рокфеллер говорили не от своего имени, а представляли определенные круги американского истеблишмента. И тем не менее потерпели неудачу. Почему? Потому что другая часть истеблишмента желала перемен в Сайгоне, и она оказалась могущественнее. Вы живете здесь много лет, дорогой Кроули, но так и не поняли, что Соединенные Штаты — огромная страна и что мы оперируем иными категориями, нежели небольшая ЮАР. Есть люди на Восточном побережье и в Вашингтоне, которые не хотят слишком уж помогать Претории. Они экономически связаны

с черной Африкой и считают, что США выиграют, если станут отрешиваться от государства, проводящего политику апартеида.

— Я понимаю, что вы хотите сказать. Но есть же какие-то общие интересы, например борьба с коммунизмом, которая должна объединить всех?

— Верно. Но методы в этой борьбе могут быть разными.

— Так что же, нам не следует рассчитывать в дальнейшем на американскую поддержку? Вы будете хладнокровно наблюдать, как гибнет последний оплот белой власти в Африке, последний бастион антикоммунизма? Все природные ресурсы Юга Африки попадут в руки Советов, и они займут стратегически важную позицию, контролирующую морские пути из Атлантического океана в Индийский.

— Не забывайте о другой части американского истеблишмента, которая связана с вами прежде всего экономическими узами, — возразил Тарбелл. — Найдите возможность дополнительно заинтересовать их, не ссорьтесь с ними, выполняйте их требования.

— Такая позиция поставит нас в заведомо неблагоприятные условия, — сказал Кроули.

— В неблагоприятные условия вас поставило неумение решить ваши внутренние проблемы, — жестко сказал Тарбелл. — Я знаю, что Пентагон озабочен созданием запасов стратегически важных ископаемых. Давайте вместе подумаем, как нам увеличить поставки из ЮАР — через какую-нибудь третью страну — марганца, хрома, никеля, титана, ванадия, тория и кобальта. Мы не станем предавать гласности цифры, но найдем возможность информировать нужных людей и в Белом доме, и на Капитолийском холме о проявленной вами готовности помочь Штатам. Можете быть уверены, это не пройдет незамеченным и поможет вам получить технологию генноинженерных операций.

— Что ж, мы, разумеется, сделаем так, как вы говорите. Вы-то в любом случае будете в выигрыше: если нас вышвырнут из Африки, у вас по крайней мере



останутся запасы всего этого бесценного сырья, без которого военные заводы пришлось бы закрыть.

Тарбелл повернулся, подзывая официанта. Кроули напрасно ждал отклика на свои последние слова. Деловая часть разговора была закончена.

В пятьдесят лет сотрудник ФБР может выйти на пенсию с половинным жалованием, если он выслужил положенные двадцать лет. Но Скотт заметил, что очень немногие торопятся расстаться со службой. Конечно, некоторые отставники устроились неплохо, среди них есть конгрессмены, федеральные судьи, окружные прокуроры, шерифы и руководители отделов безопасности в частных фирмах. Общество бывших специальных агентов ФБР утверждало, что его члены процветают, но, по мнению Скотта, это было явным преувеличением. Большинство отставников хорошей работы не находили. А те, кого раньше срока выставили за пристрастие к выпивке или за супружескую неверность (если это становилось известно), и вовсе оказывались в бедственном положении: агенты ФБР не попадали под действие закона о государственных служащих, и любого из них директор мог выгнать без выходного пособия и права на пенсию.

Скотт надеялся сделать карьеру на Пенсильвания-авеню. Все годы, что он работал в ФБР, начиная с четырехмесячных подготовительных курсов, где новички изучали федеральные законы, учились стрелять и обезоруживать преступника, Скотт был уверен: он сумеет добраться до директорского этажа и займет там не худший кабинет. Поручение помощника директора ФБР Блейкера он воспринял как шаг к заветной цели.

Встречу с осведомителем Макнайтом ему устроили в секретной квартире вашингтонского бюро ФБР, которую различные службы бюро использовали для оперативных целей. Два сотрудника бюро привезли сюда Макнайта и остались в машине внизу, чтобы отвезти осведомителя назад в аэропорт.

Квартира была забита разностильной мягкой ме-

белью, которую никогда не чистили. Оперативники пользовались в основном кухней, которую Скотт нашел в относительном порядке, хотя столы и мойка были обшарпаны: здесь пили кофе и перекусывали многие поколения агентов ФБР. Макнайт тоже попросил кофе, поэтому и они обосновались на кухне.

Макнайт, рослый светловолосый потомок шотландских иммигрантов, чувствовал себя вполне уверенно и, не стесняясь, рассматривал Скотта — примеривался к своему новому хозяину. От агента зависит вся жизнь осведомителя. Неумелый агент, ставя невыполнимые задачи, не только лишит осведомителя хороших доходов, но может и вовсе провалить его.

Макнайт родился в маленьком городке в Южной Каролине. Его старший брат в семнадцать лет вступил в неонацистскую группу «Арийские воины». Старшему Макнайту поручили участвовать в ограблении небольшого страхового общества. Группе нужны были деньги для покупки взрывчатки. Свою террористическую деятельность она намеревалась начать с серии взрывов в квартирах президентов крупнейших телекомпаний: во-первых, руководители телевидения обвинялись в «моральном разложении народа и предательстве интересов нации», во-вторых, такие акции сразу же подняли бы престиж группы.

Полиция арестовала всех участников ограбления страхового общества. Старший Макнайт решил вступить в сделку со следствием. Он признал себя виновным в ограблении и согласился дать показания против остальных членов группы. Взамен прокуратура не стала выдвигать против него обвинение в участии в суде Линча, когда были убиты и сожжены два негра. Благодаря его показаниям суд прошел успешно, обвиняемые были приговорены к пожизненному заключению. Макнайт получил десять лет, к настоящему моменту отсидел половину срока и надеялся на досрочное освобождение. Когда шел суд, помощник прокурора дважды тайно встречался с младшим Макнайтом, которого пыталась привлечь к себе другая неонацистская группа — «Порядок». История со старшим братом по-

действовала на младшего отрезвляюще. Он выразил «готовность сотрудничать с правоохранительными органами», как говорилось в отчете помощника прокурора, отправленном в местное отделение ФБР.

Макнайт стал платным осведомителем бюро. Он работал успешно, и его секретный счет в банке быстро пополнялся.

— Сколько времени ты еще намереваешься работать на нас? — неожиданно задал вопрос Скотт.

— Почему вы спрашиваете?

— Хочу знать, на сколько тебя хватит. Готов ли ты дальше ходить по краю пропасти. После последних арестов у тебя не было неприятностей?

— Нет, меня никто не подозревает, — покачал головой Макнайт. — Стюарт Дью сам говорил: в группе нет дисциплины, и неудивительно, что половину ротозеев перехватили.

— Везунец ты. — Скотт смотрел на Макнайта холодно и даже слегка презрительно. Макнайт это заметил. Он знал, как агенты ФБР относятся к осведомителям, но те, с кем он работал раньше, тщательно скрывали это, вели себя с Макнайтом подчеркнуто дружелюбно, похлопывали его по плечу, интересовались успехами у девочек и хвалили за ловкость.

— Тебя привезли сюда не только для того, чтобы я мог с тобой познакомиться. Мне нужен Стюарт Дью, — сказал Скотт.

Макнайт покачал головой.

— Это невозможно. Если Дью попадется, все поймут, что его предали. Его телохранители убьют всех, кто хоть в малой степени будет вызывать подозрение. Я-то уж наверняка окажусь в их числе. Мои частые отлучки...

Скотт пожал плечами.

— О чем ты говоришь? В день, когда мы возьмем Дью, придется арестовать и тебя. Кто же, кроме тебя, может быть главным свидетелем обвинения? О своей безопасности не беспокойся — есть федеральная программа защиты свидетелей. Наши люди будут охранять тебя как президента Соединенных Штатов.

Макнайт был удивлен.

— Так, значит, вы решили ликвидировать всю группу «Порядок» и посадить Дью на скамью подсудимых? А Говард Хиббет говорил, что лучше держать на свободе группу, которую контролируешь. Иначе ее место займет другая, в которой у вас нет своего человека.

— Сделка со следствием тебе зачтется. Уверен, за решеткой ты не проведешь и дня.

— Меня убьют люди Дью, — обреченно сказал Макнайт. — Они доберутся до меня, где бы я ни был.

— С твоим братом, как видишь, ничего не случилось. Хочешь, мы похлопочем за тебя? Получишь полный пансион в одной федеральной тюрьме с братом, а?

Увидев, что шутка не пришлась Макнайту по вкусу, Скотт переменял тон.

— За Дью предложена награда, — сказал он. — Никто из агентов ФБР на нее не претендует. Деньги выдадут тебе. После суда получишь новые документы и с ними уедешь куда-нибудь на запад, где тебя не знают. Купишь домик.

— Вы действительно дадите мне новые документы? — заинтересовался Макнайт.

Скотт кивнул.

— Документы понадобятся мне уже сейчас, — заявил Макнайт. — Если удастся заманить Дью в ловушку, мне придется туго. Ваши люди могут и не успеть прикрыть меня. С новыми документами я сумею как-нибудь укрыться от телохранителей Дью.

Скотт не возражал.

— Хорошо, мне понадобится дня два, чтобы подготовить тебе водительскую лицензию и, скажем, страховой полис. Теперь давай подумаем, как сделать главное — взять Дью. Желательно живым и без потерь с нашей стороны. Скажи, на что Дью может клюнуть?

— Сейчас — на деньги. Он на мели.

Скотт откинулся в кресле. Если бы он арестовал Стюарта Дью, то Блейкеру пришлось бы сделать Скотта заместителем начальника отдела и никто не посмел бы возразить.



— Он рискнет ограбить банк, если убедится, что это несложно? — спросил он Макнайта.

— Банк? Нет. Все наши боятся трогать банки, это всегда плохо кончается.

— А квартиру?

— Сколько в квартире может быть наличных денег? Из-за мелочи Дью не станет возиться.

— Казино?

— Этого ему мафия не простит. С мафией «Арийские воины» и «Порядок» воюют только на словах.

— Тогда остается банковская машина для перевозки денег. Мы организуем это дело так, что Дью не сможет преодолеть соблазн.

Они беседовали еще часа полтора. Говорил в основном Скотт, объясняя Макнайту план ареста Стюарта Дью. Потом Скотт дважды включил и выключил свет на кухне, и сразу же дежурившие в машине сотрудники ФБР поднялись в квартиру, чтобы проводить Макнайта. Они отвезли осведомителя в аэропорт и вернулись назад, убедившись, что за Макнайтом никто не следит. Когда сотрудники ФБР исчезли, Макнайт нашел свободный телефон и набрал вашингтонский номер.

— Говорит Макнайт, — сказал он, прикрывая трубку рукой.

— Я узнал твой голос. Ну, как прошла первая беседа?..

Летом Джорджу Финли исполнилось столько же лет, сколько было его отцу в год последнего ареста. Финли часто думал о судьбе отца, который отказался от всех привилегий, пожалованных Южно-Африканской республикой своим белым гражданам. За участие в борьбе против системы апартеида он заплатил страшную цену. Из чего состояла его жизнь? Аресты, пытки, три пятилетних срока тюремного заключения и, наконец, казнь. Перед казнью ему сообщили, что его жену тоже ждет смертный приговор. Ни он, ни она не обратились с просьбой о помиловании.

Судьба родителей рождала в Джордже смесь восхи-

щения и ужаса. Он был другой, не такой, как они. В юности он иногда обижался на родителей. Его сверстники жили весело: катались на автомобилях, занимались парусным спортом, ходили в лучшие рестораны Иоханнесбурга. А ему красивая жизнь казалась недостижимой, проходила мимо него стороной, как знаменитый «голубой экспресс», курсирующий между Преторией и Кейптауном, — несколько раз на вокзале в Претории Джордж видел его роскошные вагоны, заполненные туристами.

А ведь и его родители могли жить так же. Отец, правда, был из семьи бедного иммигранта, приехавшего в ЮАР, когда мальчику было пять лет. Он провел за школьной партией всего несколько лет и бросил учение, чтобы зарабатывать на жизнь. Получить высшее образование ему удалось только потому, что участникам второй мировой войны предоставлялись определенные льготы. Но мать происходила из весьма богатой семьи. Финли помнил, какие чудесные подарки привозил дедушка — пока не проклял дочь и не порвал с ней всякие отношения. Уже через год после замужества ее фамилия фигурировала в списке людей, которым было запрещено участие в политической деятельности. Мать Джорджа работала в нескольких левых изданиях, поочередно закрывавшихся правительством за критику апартеида.

Когда его посадили в тюрьму и били, добиваясь признаний, хотя он ровным счетом ничего не знал, он возненавидел тюремщиков и почувствовал себя в одном строю с родителями. Но когда он вернулся в разгромленную квартиру, все изменилось. Знакомые сторонились его, соседи не здоровались. Денег не было. Конечно, он мог пойти работать, но ему хотелось учиться, он собирался поступать в университет.

Через неделю после выхода из тюрьмы, поздно ночью, к нему в дверь постучали. Пришел человек, которого Джордж смутно помнил. Он принадлежал к друзьям отца, боровшимся против расизма, и, кажется, тоже был членом Африканского национального конгресса. Этот человек принес немного денег и обещал помочь устроиться на работу.

Утром Джордж встретил на улице приятеля. Его отец, крупный промышленник, придерживавшийся либеральных взглядов, не запретил сыну общаться с Финли.

— Тебе надо уезжать отсюда, — сказал приятель.

Джордж только рассмеялся.

— Я попрошу отца, — пообещал приятель, — чтобы он связался с твоим дядей, который живет в Америке. Пусть поможет единственному племяннику.

— Я даже не знаю его адреса.

— Ничего, мой отец найдет.

Финли тогда не поверил приятелю. Он подумал, что эта семья не станет рисковать своей репутацией, хлопоча за парня, чьи родители связаны с Африканским национальным конгрессом. Но дядя действительно нашелся, он тут же добился для Финли разрешения выехать в США и оплатил дорогу. Однако в последний момент все рухнуло: Финли не дали заграничного паспорта.

Ночью Джорджа вновь навестил товарищ его отца, сочувственно выслушал парня и сказал, чтобы он не огорчался. «Тебе будет трудно, но здесь ты нужнее. Неизвестно, удастся ли твоим выйти из тюрьмы. Они были бы рады, если бы ты занял их место в нашей борьбе».

На следующий день Финли неожиданно вызвали в полицию. На столе перед мрачным чиновником лежала пухлая папка, на которой крупными буквами было написано «Джордж Финли».

Джордж смотрел на эту папку и еле слышно отвечал на вопросы чиновника.

— Вы хотели поехать в Соединенные Штаты учиться?

— Да, я...

— И вам отказали в заграничном паспорте?

— Да, но...

— Я понимаю, почему это было сделано. Власти не намерены санкционировать выезд за границу человека, который будет там распространять слухи, порочащие наш образ жизни.

— Нет, вовсе нет! Я совершенно не собирался...

— У правительства есть все основания полагать, что

вы являетесь врагом общества. Вы не пожелали пойти навстречу властям и помочь следствию, которое пытается обезопасить нашу жизнь от преступников. Почему же мы должны вам помогать?

— Поверьте, я искренне...

— Разумеется, мы были бы готовы закрыть глаза на некоторые ваши прегрешения — в конце концов, вы еще очень молоды, — если бы увидели, что вы раскаиваетесь и готовы доказать свою лояльность...

— Но как?..

— Решается ваша судьба, вы это понимаете? Я жду от вас ясного и недвусмысленного ответа: готовы ли вы заслужить прощение? Да или нет?

— Да, — упавшим голосом произнес Финли.

— К вам кто-нибудь приходил? Я имею в виду друзей ваших родителей.

— Приходил.

Финли повели в другую комнату, где стоял диаскоп. В течение часа ему показывали фотографии активистов запрещенной коммунистической партии и Африканского национального конгресса. Наконец он увидел знакомое лицо.

Три ночи в его комнате сидела полицейская засада. На четвертую ночь появился товарищ отца. Финли открыл ему дверь и отпрыгнул в сторону, боясь, что полицейские начнут стрелять.

Через два дня ему выдали заграничный паспорт. Он уехал в Кейптаун, оттуда кораблем в Штаты.

Розыск военного преступника Йозефа Райнике неожиданно стал важным вопросом для ФБР и министерства юстиции. В газетах появились статьи, где приводились свидетельства бывших узников концлагеря о преступлениях Райнике. Высказывались предположения о том, что Райнике скрывается в Соединенных Штатах.

Скотта вызвал к себе сотрудник отдела специальных расследований министерства юстиции. Разговор шел в повышенных тонах. Скотту пришлось вновь просмотреть бумаги, относящиеся к розыску Йозефа Райнике.



Согласно закону, принятому в 1948 году, президенту США предоставлялось право ежегодно давать разрешение на въезд ста иностранцев в обход управления иммиграции и натурализации. Списки этих иностранцев были засекречены, но Скотт, занимавшийся розыском военных преступников, имел к ним доступ. В списках Йозеф Райнике не значился. Этот факт, впрочем, не означал, что он и в самом деле не мог попасть в Соединенные Штаты. Если он, исчезнув после войны из Германии, обзавелся новыми документами, то под новой фамилией имел полную возможность проникнуть в Соединенные Штаты.

Был и другой путь поисков. В министерстве юстиции и ФБР знали, что разведслужба армии тайно переправила в страну несколько сотен военных преступников и снабдила их новыми документами, — это были люди, которые располагали ценной для разведки информацией или согласились работать на американцев. Несколько лет назад председатель юридической комиссии палаты представителей попросил главное счетное управление конгресса США установить, не скрывают ли американские разведывательные службы сведения о военных преступниках, предположительно проживающих в Америке. Главное счетное управление составило список из ста одиннадцати фамилий и рьяно принялось за работу, но через год закрыло свое расследование, поскольку не смогло добраться до нужных документов, которые были либо уничтожены, либо очень надежно упрятаны.

Скотта раздражало это безнадёжное дело, из-за которого его постоянно теребили, поскольку история Райнике попала в газеты. Но Скотт не позволял себе расслабляться, он понимал, что не имеет права опускать руки: работник, обнаруживающий свою слабость, не может рассчитывать на карьеру. Поэтому он делал все, чтобы демонстрировать свою активность. Он обратился к архивам самого министерства юстиции. Там среди бумаг, относящихся к Нюрнбергскому процессу, он нашел письмо одной из узниц концлагеря, где служил Райнике. Врач по профессии, она вынуждена была помогать Райнике в его опытах и «научных» экспери-

ментах. После освобождения она жила в Вене. Узнав о предстоящем тогда суде над врачами-нацистами, предложила дать показания против Райнике. В октябре 1947 года она написала письмо в отдел по гражданским делам министерства обороны США: «Я готова отправиться в Нюрнберг в качестве свидетеля. Меня заставили работать при докторе Райнике, и я могу рассказать много важного, чтобы пробудить совесть мира и помочь суду». На ее письмо, как установил Скотт, даже не потрудились ответить. Правда, из Вашингтона главному обвинителю США на Нюрнбергском процессе послали запрос относительно доктора Йозефа Райнике, обвинявшегося в бесчеловечных опытах над заключенными концлагерей. В январе 1948 года министерство обороны получило памятную записку из аппарата главного обвинителя, в которой говорилось: «По имеющимся у нас данным, доктор Райнике умер в октябре 1946 года».

Через государственный департамент Скотт отправил в американское посольство в ФРГ запрос. Один из мелких чиновников американского консульства в Мюнхене съездил в маленький городок, где когда-то родился Йозеф Райнике.

Фамилия Райнике была хорошо известна в городе, поскольку его семье принадлежал завод по производству запасных частей к автомобилям концерна «Мерседес-Бенц». Половина города работала на этом заводе, директором которого был брат Йозефа Райнике.

Консульского чиновника проводили на кладбище. На фамильном склепе значился и Йозеф Райнике: 1918 — 1946. В городской ратуше в книге записей актов гражданского состояния была зарегистрирована смерть Йозефа Райнике, последовавшая в результате долгой болезни после тяжелого ранения, полученного на восточном фронте в самом конце войны.

Подробный отчет из посольства был переслан в ФБР. Ознакомившись с ним, Скотт ни на секунду не поверил в то, что Йозеф Райнике действительно умер. Врач из концлагеря не мог быть ранен, ведь союзники никогда не бомбили районы концлагерей. Несомненно, кто-то сумел укрыть его от правосудия таким сложным

способом. Семья Райнике была достаточно богатой, чтобы заплатить за это. Городских чиновников подкупили, и те задним числом выдали свидетельство о смерти. И вполне вероятно, какой-нибудь сержант из американской оккупационной администрации тоже получил немалую взятку в обмен на согласие признать фальшивое свидетельство о смерти подлинным.

Но посольский отчет был официальным документом, позволяющим прекратить дело Райнике. Скотт с величайшим облегчением составил соответствующую бумагу, адресованную в отдел специальных расследований министерства юстиции.

Еще до первой мировой войны, когда Юго-Западная Африка была германской колонией, в пустыне Намиб обнаружили сильную радиоактивность. Впоследствии журналисты утверждали, что на радиоактивность обратили внимание потому, что побывавшие там африканки становились бесплодными.

В 1928 году англичанин Петер Лев, бросивший военную службу ради того, чтобы стать геологом, вытащил счастливый билет: он нашел в пустыне Намиб куски минерала давидита, что неопровержимо свидетельствовало о присутствии там урановой руды. Разумеется, в те годы никто и не помышлял о промышленной разработке: спрос на уран был сравнительно невелик, а процесс добычи дорог. Однако в 1966 году наследники Петера Лева получили кругленькую сумму, уступив право на добычу урана в Намибии.

Одно из крупнейших в мире месторождений урана находится в Россинге — безлюдном районе в пустыне Намиб, в шестидесяти с небольшим километрах от города Свакопмунд.

До открытия рудника «Россинг» уран был всего лишь побочным продуктом добычи золота в ЮАР. Содержание урана в южноафриканских рудах невелико, но основные затраты приходились на добычу золота, а уран извлекался из уже отработанной руды. В 1944 году, в разгар работы над «Манхэттенским проектом» (так

называлась программа создания атомной бомбы) Южную Африку посетил консультант Комиссии по атомной энергии США профессор Бейн. Американские специалисты нашли уран во всех золотоносных конгломератах горной гряды Витватерсранд в Трансваале, а затем и в Оранжевой провинции.

В 1948 году правительство Южно-Африканского союза приняло закон об атомной энергии, поставивший добычу урана и тория под специальный контроль. В 1952 году на руднике «Вест ранд» начала действовать первая урановая обогатительная фабрика. Добычу урана финансировал Экспортно-импортный банк США. Американцы выразили готовность закупать любое количество урана.

За всю историю Южной Африки ни одна отрасль промышленности не развивалась так стремительно, как урановая. Соединенные Штаты финансировали строительство новой электростанции, заводов по производству серной кислоты, необходимой для извлечения урана. Они же взяли на себя подготовку специалистов, многие из которых в дальнейшем создали собственную южноафриканскую ядерную программу.

В начале 60-х годов США стали сокращать закупки окиси урана в ЮАР, поскольку приобрела массовый характер разработка урановых месторождений в Северной Америке. Добыча в ЮАР вначале упала, а потом неожиданно вновь начала расти. Претория организовала интенсивную разведку новых урановых месторождений совместными усилиями Геологического управления США и Управления по атомной энергии ЮАР. В геологической разведке использовались американские искусственные спутники, предназначенные для изучения ресурсов земного шара. В Оранжевой провинции начали строить крупный урановый комплекс. Обсуждались планы извлечения урана из завалов золотоносной руды, отработанной еще в девяностых годах прошлого века — в разгар «золотой лихорадки».

Но стремительнее всего развивалось урановое производство в Намибии, усиливая стремление Претории продолжать ее оккупацию (помимо урана в Намибии



были найдены огромные россыпи алмазов, ценные залежи меди, свинца, лития, серебра, олова, ванадия и цинка). Здесь построили рудник и мощную обогащательную фабрику.

Все, что имело отношение к руднику, было окружено глубокой тайной. Отсутствовала информация о качестве и количестве добываемой руды, о коммерческой деятельности. Журналистов туда и на пушечный выстрел не подпускали. Даже высшим чиновникам ЮАР, чтобы попасть на рудник, требовалось получить специальное разрешение Управления по атомной энергии.

Строительство рудника, шоссе и железных дорог, соединявших его с Уолфиш-бэй — главным портом Намибии, и взлетно-посадочной полосы рядом с рудником было завершено точно в срок, а вот начало добычи задержалось по не совсем понятным причинам. За месяц до выхода рудника на проектную мощность в промышленных кругах распространилось сообщение о неполадках на нем. Стоимость акций на лондонской бирже резко упала. Южноафриканские газеты писали, что эксплуатационникам пришлось столкнуться с «трудностями, вызванными главным образом механическими и конструктивными изъянами». Правление рудника объявило о переносе начала поставок руды на более поздний срок. На ежегодном собрании акционерам преподнесли еще один сюрприз: вместо ожидаемых прибылей их ждали дополнительные капиталовложения.

Затем в лондонском горном журнале появилось короткое объявление о найме: правление приглашало на работу инженеров — специалистов в области подземной добычи. Многим это показалось странным: еще долгое время руду можно было добывать открытым способом, что значительно дешевле (обычно шахту роют через несколько лет после начала открытой добычи, когда карьер становится настолько глубоким, что подземная добыча оказывается рентабельней). Тем более что, судя по официальным отчетам для акционеров, рудник так и не вышел на проектную мощность. В то же время обогащательная фабрика почему-то работала на полную мощность и постоянно модернизировалась. Каким обра-

зом — при низкой добыче руды — ее удавалось полностью загрузить?

Все оборудование для рудника и обогатительной фабрики поставляла компания «Уолкокс майнинг». Ей же принадлежало двенадцать процентов акций рудника.

Сделки с ЮАР стали для компании главным источником доходов. Каждая сделка утверждалась министерством торговли США, закона компания не нарушала.

По просьбе Скотта в штаб-квартире компании побывали ревизоры, изучали финансовые документы. К удивлению Скотта, в платежных ведомостях они не нашли упоминания о деньгах, выплаченных компанией погибшему в автомобильной катастрофе специальному агенту ФБР Хиббету. Это было странно. Получив рапорт ревизоров, Скотт набрал номер личного телефона помощника директора ФБР Блейкера. Трубку никто не снял. Секретарь сказала Скотту, что Блейкера нет в Вашингтоне.

Теодор Мэррей был еще полон сил и энергии, когда впервые приехал в Южную Африку. Две недели он прожил в Кейптауне, присматриваясь к жизни этой страны. Он остановился в отеле «Белый дом» на Странд-стрит. На третий день его пребывания здесь, когда он обедал в ресторане «Хильдебрандс», к нему за столик подсел светловолосый молодой человек, которому поручили сопровождать Мэррея. Фамилия его была Кроули. Он только что закончил кейптаунский университет. Его предки с отцовской стороны прибыли из Голландии, а с материнской — из Британии, и защитника английских интересов в Африке Сесилия Родса он почитал не меньше, чем голландца Яна ван Рибека, который основал Кейптаун 6 апреля 1652 года по поручению Вест-Индской компании (поселение предполагалось использовать в качестве промежуточной стоянки для судов, следовавших в Индию).

Город вытянулся вдоль залива. Центром служила Эдерли-стрит, названная в честь британского парламентария, отстаивавшего когда-то интересы города

в Вестминстере. На Эдерли-стрит находились железно-дорожный вокзал, штаб-квартира банка «Барклей» и «Стандард бэнк оф Саут Африка», множество магазинов и контор. На параллельной ей Сент-Джордж-стрит расположились страховые компании, редакции газет и офисы строительных фирм. Южноафриканский парламент поместился на Гавернмент-авеню, а министерство обороны — в замке — главной архитектурной достопримечательности города. Это была настоящая крепость из кирпича, привезенного еще из Голландии. Ворота, сделанные из серо-голубого камня, вели внутрь замка, к губернаторскому саду и дому с красивым балконом, с которого британский наместник некогда обращался к поселенцам.

В городе еще сохранилось много домов, построенных в голландском колониальном стиле. Над крышами, защищая их от солнца, плотно смыкались кроны деревьев. По архитектурному разнообразию, по количеству исторических памятников Кейптаун можно было сравнить с Неаполем, Рио-де-Жанейро или Сан-Франциско, сказал тогда Мэррей своему юному спутнику.

Кроули был патриотом своей страны. Он говорил Мэррею о ее прекрасных горах, лесах и реках, о морских и горных курортах. Он возил Мэррея по подвесной дороге на Столовую гору и на мыс Кэйп, где встречаются Атлантический и Индийский океаны. Они побывали на виноградниках в старинных городках, съездили в Порт-Элизабет, заглянули в слоновий заповедник, где слоны с удовольствием глотали апельсины, если туристы были достаточно щедры и смелы, чтобы угостить этих внушительных животных.

Мэррей старательно вживался в быт южноафриканцев. В первый же день он перевел часы («Мы встаем на два часа раньше, чем в Лондоне», — сказал ему администратор в гостинице), переделался в летний костюм (в декабре здесь очень жарко), купил учебник языка африкаанс, на котором говорили потомки голландских переселенцев, и побывал на соревнованиях по регби. «Мы очень много занимаемся спортом, мы здоровая нация», — с гордостью повторял ему Кроули.

Они ходили в кинотеатр на Рибек-стрит, и, когда оркестр играл «Голос Южной Африки» — национальный гимн, Мэррей не только поспешно вскакивал, но и старательно подпевал.

Мэррей побывал и в магазинах, убедился, что жизнь в Южной Африке дорогая. «Но белый человек с головой и хорошей специальностью имеет все шансы продвигаться в жизни, — уверял его Кроули. — Ни одна страна в мире не предоставляет белому человеку столько возможностей. Особенно нам нужны горные инженеры и строители».

На улицах Мэррей видел много чернокожих африканцев, которые всегда торопились и старались не привлекать к себе внимания. Ни в магазины, ни в кафе они не заходили. «У нас в стране расовая сегрегация, — объяснил Кроули. — Каждая раса существует отдельно. Есть школы для белых, для чернокожих, для индийцев. В Трансваале есть даже несколько китайских школ. Дома мы говорим по-английски, в школе я учил африкаанс и немецкий. В университете закончил два факультета».

Вечерами Мэррей слушал радио (телевидения в ЮАР еще не было), внимательно, от корки до корки прочитывал иоханнесбургскую газету «Ранд дейли мэйл». Потом садился писать письма.

— У вас столько друзей? — поинтересовался однажды Кроули, увидев у него множество надписанных конвертов.

— Да, и я советую им побывать здесь, а может быть, даже и переселиться в Южную Африку.

— Прекрасная мысль! — воодушевился Кроули. — Белому человеку здесь всегда рады. Мы охотно принимаем иммигрантов.

— А что требуется от того, кто захочет сюда переселиться?

— Умение читать и писать по-английски в объеме, который может удовлетворить иммиграционного чиновника. Уверяю вас, он не станет придираться, если речь идет о молодом мужчине без физических недостатков. Кроме того, у иммигранта должна быть какая-то сумма



денег — это убедит чиновника в том, что приезжего не придется сразу же кормить за счет средств социального обеспечения. Размер суммы не оговорен. Если у иммигранта ходовая профессия и он сразу же получит работу, сумма может быть совсем небольшой. В основном чиновника интересуют возраст иммигранта (чем меньше, тем лучше), физические данные (калеки нам не нужны), профессия и квалификация. Ну, и у иммигранта должны быть настоящие документы.

Мэррей очень внимательно выслушал Кроули.

— Я думаю, мои друзья удовлетворяют всем этим требованиям, — сказал он.

— Тогда пусть приезжают. У нас все просто, решение пустить или не пустить иммигранта в страну принимает чиновник прямо в порту.

— Я уже отправил несколько приглашений, теперь жду ответа. Сколько дней идет почта из Лондона?

— Никогда не получал писем из-за границы, — смутился Кроули. — Наверно, дня три. Если авиапочтой. А помните, в музее Южной Африки я показал вам так называемые «почтовые камни»? В семнадцатом веке капитаны судов, уходивших дальше на восток, в Индию, оставляли свои письма под этими камнями в надежде, что какое-нибудь судно, идущее обратным курсом, захватит почту и доставит по назначению. В 1815 году британское правительство наняло скоростные суда специально для доставки почты. Раз в месяц они выходили из Темзы. Первая почта пришла в Кейптаун через сто четырнадцать дней, поскольку судно заходило на остров Мадейру и в Рио-де-Жанейро. А когда сюда в залив вошел первый пароход, в Кейптауне закрылись школы, приостановилась работа — все собрались посмотреть на судно, которое пришло к нам на пятьдесят восьмой день пути из Лондона.

— Скажите, Кроули, а к кому смогут обратиться мои друзья за практической помощью, когда окажутся здесь? Ведь в чужой стране поначалу все очень трудно.

— Есть южноафриканская ассоциация, созданная в память поселенцев, прибывших сюда в 1820 году. Она находится здесь, в Кейптауне, на Странд-стрит. Ассоци-

ация помогает найти жилье, работу, пишет рекомендательные письма. Все совершенно бесплатно.

Мэррей записал адрес ассоциации в толстый блокнот, куда заносил все полезные сведения.

— А как в вашей стране смотрят на критику Южно-Африканской республики в ООН? — задал он новый вопрос.

Кроули пожал плечами:

— С презрением. Еще шесть лет назад на съезде националистической партии премьер-министр Малан называл ООН «раковой опухолью, разрушающей мир и спокойствие во всем мире». Генеральная Ассамблея не имеет права вмешиваться в наши дела. В 1955 году мы вышли из ЮНЕСКО, и нам не стало от этого хуже. Жизненный уровень белых граждан у нас один из самых высоких в мире, а что касается черных, метисов и азиатов, то сама история определила им их место. Они не могут претендовать на большее.

— А вас не беспокоит перспектива экономического бойкота?

— Нынешний год был трудным. Мятеж черных в предместье Йоханнесбурга Шарпенвилле, когда полиции пришлось с оружием в руках успокаивать бунтовщиков, внезапное и совершенно необоснованное осуждение наших законных действий Советом безопасности ООН, затем покушение на премьер-министра Хенрика Фервуда и в довершение ко всему падение курса акций на бирже в Йоханнесбурге. Газеты сообщали, что в мире ожидается крушение системы апартеида. Но наш министр финансов, выступивший от имени премьер-министра, еще не оправившегося после ранения, заявил в парламенте, что правительство не видит оснований для отказа от своей политики раздельного расового развития. И мы все поддержали правительство.

— А выступление британского премьера Гарольда Макмиллана на юбилейной сессии парламента? Мне говорили, Южная Африка была настолько потрясена этой речью, что в стране должны неминуемо начаться перемены.

— Конечно, наши давние связи с Великобританией,

несомненно, претерпят изменения. Мы не ожидали критики от представителя этой страны в тот период, когда судьба белой цивилизации была поставлена на карту.

— Ну, Макмиллан говорил очень мягко. Он сказал, что Соединенное королевство будет всячески поддерживать и поощрять Южную Африку, но сегрегация мешает делать это в полном объеме.

— Лондон пока не столкнулся с этой проблемой, потому Макмиллан так смело и отрицает идею врожденного превосходства одной расы над другой. Он попался на крючок, на который ловятся все иностранцы, не имеющие дела с черными у себя дома. Если бы он жил здесь... Но его выступление принесло больше пользы, чем вреда. Конечно, его речь пришлась по душе черным подстрекателям. Но зато все настоящие африканеры и выходцы из Великобритании осознали грозящую опасность, эта история усилила нашу решимость пойти на любые жертвы ради сохранения апартеида.

— А если Лондон когда-нибудь прервет экономические связи с Южной Африкой? Ведь ваша страна живет только за счет внешней торговли.

— Никогда! — возбужденно сказал Кроули. — Лондон никогда не пойдет на это. Он нуждается в нашем сырье, британские фирмы слишком глубоко вросли в нашу экономическую почву. Они не дадут правительству пойти на крайние меры. Ну, а если это произойдет, наши политики переориентируются с Лондона на Вашингтон. С американцами можно иметь дело. У них самих полно чернокожих. Американцы скорее поймут нас.

— И белые в Южной Африке уверены в своем будущем? Их не пугает рост черного населения?

— Пугает, — серьезно ответил Кроули. — Южная Африка прекрасная страна. Африканеры добросердечные и радушные люди, но страх быть поглощенными превосходящим нас вчетверо черным большинством заставляет нас быть жестокими. Священник голландской реформатской церкви Бишоф из Йоханнесбурга, говоря в проповеди о сегодняшнем положении нашей страны, провел параллель с легендой об Ироде и Иоанне Крестителе. Белый человек, принесший евангелие в Аф-

рику, — это Иоанн Креститель; черный человек — это невинная дочь Иродиады, которую злые силы подговорили потребовать у царя Ирода голову Иоанна Крестителя. А бесхарактерный Ирод — это мировое общественное мнение. Мы, сказал Бишоф, остаемся все более одиночками, ибо наша вера, непогрешимая и святая, заставляет нас все дальше отходить от наших зарубежных друзей. Но позиции белых достаточно сильны. Кроме полиции у нас есть армейские формирования, отряды гражданской обороны и специальные подразделения, сформированные из фермеров-африканеров, которые, можно сказать, рождаются с винтовкой в руках. Пролитая кровь сплывает. Сейчас очень усилилось движение «фольксенхейд», то есть за сплывание всех белых в одну нацию.

Мэррей уже слышал о «фольксенхейд» от отца Кроули — видного деятеля тайного общества «Брудербонд». Старший Кроули говорил о том, что белые южноафриканцы должны хранить верность своему обществу и это качество нужно воспитывать с детства в школе, в университете и в церкви. Он и порекомендовал Мэррею своего сына, сказав, что воспитал его в лучших африканерских традициях. Мэррей имел возможность убедиться в правильности рекомендации.

Скотт подумал, что ему повезло. Если бы он не приехал сегодня на работу на сорок минут раньше обычного и если бы не пошел сам в секретариат за корреспонденцией, он не успел бы перехватить свою справку для отдела специальных расследований министерства юстиции, из которой следовало, что Райнике давно умер и розыск можно прекратить, и в результате получил бы от начальства еще один выговор.

Из Женевы в ФБР пришло сообщение о том, что в архиве Международного Красного Креста найден отпечаток пальца Йозефа Райнике. Отпечаток обнаружен на формуляре анкеты, заполненной неким Шредером для того, чтобы получить паспорт, который Международный Красный Крест выдавал жертвам фашизма,



лишившимся документов. Анкета была заполнена в 1949 году, через три года после мнимой смерти Йозефа Райнике.

Это сообщение заставило Скотта заняться делом Райнике всерьез. Начались ежедневные звонки из отдела специальных расследований министерства юстиции, куда потоком шли письма от бывших узников концентрационных лагерей с требованием найти и наказать Райнике. Даже Блейкер во время одного из разговоров со Скоттом поинтересовался ходом поисков и недовольно заметил:

— Не дай бог, окажется, что этот Райнике хоть какое-то время находился в Соединенных Штатах. Газеты смешают нас с грязью. Анкету Международного Красного Креста Йозеф Райнике заполнил в Генуе. Итальянская полиция проверила свои архивы и обнаружила, что Шредер, то есть Райнике, был арестован в 1949 году в Генуе, поскольку у него не оказалось документов. А через три недели, когда Красный Крест выдал ему паспорт, итальянская полиция освободила его.

Полиция ФРГ пыталась установить, где Райнике скрывался до 1949 года, когда он решил покинуть Европу. Интерпол занялся его маршрутом из Генуи. Выяснить и то и другое оказалось не так уж сложно. Скотт подумал, что, когда газеты опишут, как легко Райнике избежал скамьи подсудимых, Соединенным Штатам ничем не удастся оправдать бездействие тогдашних оккупационных властей. Первые послевоенные годы, самые опасные для него, Райнике провел в американской зоне в Германии. Он никуда не уезжал, потому что дома чувствовал себя уютно, а вот на перекрестках Европы рисковал встретиться с кем-нибудь, кто знал его и мог выдать властям. Райнике жил там, где никому из узников концлагеря, надеявшихся найти и наказать мучителя, не приходило в голову его искать. Он устроился в деревушке возле родного города и работал конюхом у одного зажиточного крестьянина, которому понравился трудолюбием и познаниями в медицине. Этот крестьянин лишь удивлялся тому, как часто конюх моет руки.

Один из братьев Райнике приезжал к нему раз в месяц, привозил деньги, книги и пластинки. Йозеф Райнике хорошо владел латынью и греческим, любил классическую оперу и, оказавшись в унижительной для него роли, не собирался лишать себя привычной интеллектуальной пищи. В 1949 году он решил, что теперь можно уезжать. Ему было тридцать с небольшим, и он не собирался остаток жизни провести в конюшне. Брат дал ему денег. Завод Райнике уже с осени 1945 года выпускал продукцию, санкционированную американцами.

Из архива армейской разведки Скотту доставили документы, неопровержимо свидетельствующие о том, что Йозеф Райнике, назвавшийся другим именем, был в августе 1945 года задержан под Веной американским патрулем. Райнике отправили в лагерь для солдат вермахта, поскольку на нем была обычная армейская форма без знаков различия. Он уже тогда пользовался чужими документами, а человек, чьи документы он присвоил, не совершил ничего плохого и в списках разыскиваемых военных преступников не числился. Райнике тщательно осмотрели: под мышкой у него не была вытатуирована группа крови, как это требовалось от эсэсовцев, и всякие сомнения отпали. Его выпустили, и он вернулся в родные места. Он, правда, надеялся просто отсидеться в родительском доме, но братья решили, что не следует рисковать. Когда он находился в лагере, к ним домой явились два американских офицера — допросить жену Йозефа Райнике. Она сказала, что ничего не знает о его местонахождении. Молчали и соседи, большинство которых работало на заводе, принадлежавшем этой семье. Через полгода местный полицейский поинтересовался, нет ли у семьи сведений о Йозефе. К тому времени было уже готово фальшивое свидетельство о его смерти, копия которого вполне удовлетворила полицейского.

Теперь Скотту направляли все вырезки из газет, писавших о Райнике, и письма уцелевших узников концлагеря, в котором Райнике был главным врачом. Газетные вырезки Скотт просматривал: ему было важно знать, какой именно информацией располагают газеты.

Письма он практически не читал — не хотел портить себе настроение, так как описания ужасов на него плохо действовали. Но одно письмо он запомнил, поскольку его автор как бы защищал Райнике. Пожилой торговец мебелью из Нью-Сити, штат Нью-Йорк, рассказывал, что он и его сестра-близнец стали объектами экспериментов доктора Райнике после того, как их отца и старшего брата фашисты казнили, а они с матерью были отправлены из Чехословакии в концлагерь. Он писал, что до сих пор страдает от последствий инъекций в спинной мозг и хирургических операций, которые ему в экспериментальных целях делал Райнике. Но Райнике «приказал оставить нас с сестрой в бараке, когда пришла наша очередь отправляться в газовую камеру». Райнике, по словам узника, питал какую-то привязанность к своим «подопытным кроликам». «Однажды, — вспоминал торговец мебелью, — когда я был в лагерном огороде и собирал брюссельскую капусту к обеду доктора Райнике, в процессии женщин, идущих в газовую камеру, я увидел свою мать. Доктор Райнике заметил это и дал мне записку, благодаря которой я смог проводить мать до газовой камеры».

Стюарт Дью получил очень плохое образование. Захолустную провинциальную школу в Южной Каролине он закончил последним по результатам экзаменационных испытаний. Дью писал с ошибками и говорил с ошибками. Отец порекомендовал ему поступить на вечерние курсы, где готовили бухгалтеров: в семье Дью это считалось неплохой профессией. Стюарт проучился несколько месяцев и бросил курсы: преподаватели, говорил он, придираются к нему, постоянно указывают на ошибки. Но потом, с годами, Дью пришел к выводу, что неправильности речи и письма идут ему на пользу, а не во вред. Когда он решил заняться политической деятельностью, то обнаружил, что люди на улице, обитатели баров и бильярдных не видят ничего плохого в нелитературных оборотах его речи. Напротив, им нравится, как он говорит. Гладкие речи профессиональ-

ных политиков, получавших высшие оценки в университетах, им надоели, люди с университетскими дипломами были здесь чужими. Стюарт Дью — своим. Его признавали и понимали на самом «дне» американского общества, где в воспаленных дрянным алкоголем и озлобленных неудачами умах слова Стюарта находили отклик.

Маленький рост он старался компенсировать подвижностью, стремительностью в движениях, громким голосом, умением спорить. Дью был способен убеждать людей, которые не доверяли интеллектуалам: профессиональным политикам, владельцам телевизионных компаний. Дью всегда говорил грубо и резко, эта манера импонировала его слушателям.

— Под наше общество подложена бомба с часовым механизмом. Черномазые и латиноамериканцы рожают чертову кучу детей — значительно больше, чем белые американцы, которым принадлежит эта земля. Бесконтрольное увеличение чуждых нам по крови и духу людей ставит под угрозу наши ценности, а в конечном счете и само наше существование. Вы думаете, негры и мексиканцы хотят работы и равных прав? Они хотят съесть нас живьем. Черномазые — это собаки и шакалы. Крадеными деньгами они заманивают к себе американских женщин. Посмотрите, сколько белых девушек выходит замуж за негров и мексиканцев! Они рожают гибридов, они помогают изнутри подрывать великое американское общество, портят нравственное здоровье и генетическое наследие англосаксов. Этот чуждый элемент — черномазые и латиноамериканцы — должен быть безжалостно изъят из нашего общества. Ответ на растущую угрозу один: отделение, или, как раньше говорили, сегрегация. Ничего плохого в этом слове я не вижу. Расы должны жить и развиваться отдельно друг от друга. Мексиканцы — в Мексике, черные — в Африке, пусть едут к себе в Африку, раз им здесь не нравится.

Выступления Стюарта Дью имели успех. Он выставил свою кандидатуру в законодательное собрание штата. У него появились влиятельные и богатые сторонники, которые охотно устраивали ему выступления, снимали для него залы, оплачивали гостиницы, билеты.



Но на выборах в Чарлстоне Дью не прошел в кандидаты. Друзья не пылали желанием поддерживать его публично. Газеты бранили его, телевидение не замечало — для телевидения он был мелковат. И Стюарт Дью озлился. Он не хотел быть цепной собакой, которую хозяева натравливают на неугодных им людей. Он не хотел делать грязную работу за правых политиков, которые произносили свои речи в Капитолии или на званных обедах, куда Дью никогда не приглашали.

К Дью прибилось несколько умных людей. Они объяснили неудавшемуся политику, что он никогда не станет определять судьбу страны, на эту роль истэблишмент найдет более подходящие кандидатуры, но, подсказывали они, он может влиять на американскую политическую культуру. Его крайний национализм и расизм найдут ему немало поклонников по всей Америке, только он должен сделать так, чтобы его услышали. Умные люди растолковали Стюарту Дью, что почва для него уже подготовлена. В американской политической культуре происходят перемены: наметился поворот к экстремизму и иррационализму, усилились стремление к конфронтации с идеологическими противниками, готовность помериться с ними силами («Америка, проснись!»), расцвел культ национальной славы, во имя которой переписывается история — восхваляется «грязная война» во Вьетнаме и вновь слышны призывы к использованию военной силы, с помощью которой можно «образумить» неразумных и «наказать» непослушных.

Стюарт Дью на несколько месяцев утих, обдумывая услышанное. Денег у него не было. Он отсиживался на ферме одного вьетнамского ветерана, считавшего, что Соединенные Штаты сделали во Вьетнаме не все, что могли. Сюда, на ферму, Стюарту Дью позвонил человек, который сказал, что хотел бы с ним познакомиться. Дью ответил что-то неопределенное, но, когда получил чек, с избытком покрывавший транспортные расходы, решил и поехал. Так он встретился с Теодором Мэрреем, который позже свел его с Кроули.

В доме Мэррея он провел немного времени. Вскоре Дью попросил в государственном департаменте паспорт

и неожиданно для своих знакомых отправился в заграничное путешествие.

Ровно через месяц поздним вечером два человека подошли к контрольно-пропускному пункту в Гималаях. По виду они ничем не отличались от обычных кашмирских крестьян, и пограничники пропустили их.

Стюарт Дью переоделся в крестьянскую одежду и выкрасил лицо краской, чтобы в сопровождении проводника попасть в закрытый для иностранцев район «малый Тибет», где проживает затерявшееся во времени племя, известное под названием минаро. Представители племени отличаются от кашмирских крестьян необычно светлой кожей и почти европейскими чертами лица. Некоторые ученые полагают, что минаро происходят от давно исчезнувшего племени дардов, упоминавшегося еще в древнегреческих исторических хрониках. Другие считают, что это потомки воинов Александра Македонского, пришедших с ним завоевывать Индию. Но Стюарту Дью, который потратил немало чужих денег, чтобы попасть сюда, была ближе иная историческая концепция, согласно которой эти жители гор, обитающие в глинобитных хижинах, — прямые предки арийцев, позже переселившихся в Европу.

Мэррей рассказал Стюарту Дью, что Гитлер в 1938 году отправил сюда одного из специалистов по расовому вопросу и даже обдумывал идею послать в «малый Тибет» несколько светловолосых немецких женщин, чтобы они зачали детей от этих «чистых» арийцев. И вот Дью поехал в Тибет, чтобы не только поклониться прародине арийцев, но и здесь, в священном для него месте, поразмыслить над тем, что ему предстояло сделать. Беседа с Теодором Мэрреем открывала перед ним новые перспективы.

Минаро разводили овец и коз, выращивали виноград, вооруженные стрелами, отравленными ядом аконита, охотились на дикого горного козла. Они воздвигали своим языческим богам огромные каменные монументы. Время от времени совершали обряд очищения дымом горящего можжевельника, но никогда не мылись. Про-

водник сказал Дью, что соседние племена называют минаро «самым грязным народом мира».

В Соединенные Штаты Стюарт Дью возвращался через Южно-Африканскую республику, где его встретили люди, известные ему со слов Теодора Мэррея. Там он познакомился с Кроули, который уже получил американскую визу и собирался уезжать в Соединенные Штаты.

Вернувшись домой, Стюарт Дью принял участие в создании трех ультраправых боевых групп — «Арийские воины», «Порядок», «Клятва, меч и рука господня». Он пришел к выводу, что время произнесения речей еще не настало. «Мы будем действовать», — объяснил он своим единомышленникам, — и пробуждать в американцах национальное самосознание». После террористического акта, когда был выдан ордер на арест Дью, он исчез из своего дома и жил теперь по фальшивым документам.

Так где же все-таки Йозеф Райнике? Роберту Скотту и самому было интересно получить ответ на этот вопрос, не говоря уж о том, что его профессиональная честь находилась под угрозой. «Вы обязаны найти Райнике, — сказал Скотту директор ФБР, — иначе мы будем опозорены».

В архиве канадской иммиграционной службы обнаружился бланк запроса на визу, заполненный, как показала графологическая экспертиза, Йозефом Райнике. Фотография на бланке также несомненно принадлежала нацистскому преступнику. Визу Райнике получил. А из Канады он совершенно свободно мог перебраться в Соединенные Штаты.

В Оттаве премьер-министр отдал распоряжение министру юстиции и генеральному прокурору в срочном порядке провести расследование. Отвечая на вопросы в парламенте, премьер-министр сказал. «Предположение, что Райнике обосновался в Канаде, является оскорбительным для нашей страны».

В Вашингтоне делом Райнике занялись уже в госу-

дарственном департаменте. Помощник госсекретаря по правам человека и по гуманитарным вопросам заявил, что администрация полна решимости наконец найти Райнике и что за его поимку будет установлена награда.

После заявления представителя государственного департамента голос подало Центральное разведывательное управление, которое сообщило, что располагает сведениями об участии Райнике в нелегальной торговле наркотиками. Информация, поступившая в ЦРУ, позволяла сделать вывод, что Райнике живет в Латинской Америке. Сведения о нем, как «заслуживающие доверия», были переданы в ФБР (и попали к Скотту), а также в министерство обороны, государственный департамент, таможенное управление и в министерство финансов. Осведомители ЦРУ в Латинской Америке утверждали, что Райнике сделал пластическую операцию и теперь выглядит значительно моложе своих лет.

Сотрудники ЦРУ, к удивлению Скотта, были настолько любезны, что предоставили Федеральному бюро расследований копии всех документов, из которых следовало, что Райнике впервые приезжал в Латинскую Америку в 1950 году и жил в Парагвае, Коста-Рике и Уругвае. В телеграмме резидентуры ЦРУ в Парагвае, датированной 12 июля 1972 года, сообщалось, что близ города Энкарнасьон, находящегося в 185 милях от столицы, есть ферма, принадлежащая Райнике, который именует себя доктором. В телеграмме также указывалось, что резидентура «имеет сведения, на основании которых можно предположить, что Райнике и связанные с ним лица активно участвуют в незаконной торговле наркотиками». Сотрудники резидентуры ЦРУ утверждали, что доктор Райнике «находится под защитой» президента Парагвая. Из штаб-квартиры ЦРУ последовало поручение выяснить, не тот ли это Райнике, который был главным врачом концлагеря. Ответ поступил быстро. Резидентура подтверждала, что Райнике, живущий на ферме около города Энкарнасьон, и есть тот самый беглый нацистский преступник. Помощник директора ЦРУ обратился в управление по борьбе с распространением наркотиков и в таможенную службу



с просьбой сообщить любые сведения, которыми они располагают, об участии Райнике в бизнесе на наркотиках. Оба ответа были отрицательными. Как только эти документы ЦРУ оказались в руках Скотта, он стал оформлять запрос, который сложными путями — через министерство юстиции и государственный департамент США, через американское посольство в Асунсьоне — был передан правительству Парагвая. Ровно через два дня после того, как запрос попал в канцелярию президента, руководители правящей партии, называющие себя «друзьями президента», опубликовали в нескольких столичных газетах открытое письмо. Они писали, что те силы за рубежом, которые утверждают, будто Парагвай укрывает нацистского преступника Райнике, действуют в угоду «международному коммунизму», стараются «запятнать безупречный облик президента», руководствуясь бесчестным и чудовищным намерением «подорвать престиж и моральный дух нации».

Сотрудник американского посольства побывал на ферме, о которой говорилось в донесении ЦРУ. Райнике он не нашел. Ферма была пуста.

Чем больше специальный агент ФБР Роберт Генри Скотт углублялся в дела, которые вел погибший в автомобильной катастрофе Говард Хиббет, тем больше у него появлялось сомнений в профессионализме и честности своего предшественника.

Макнайт был не единственным источником, поставившим Федеральному бюро расследований информацию о нацистских группах. ФБР в принципе не испытывало недостатка в осведомителях, поскольку люди сами изъявляли желание поработать на бюро — это казалось им более интересным занятием, чем просиживать штаны в конторе, стоять за прилавком в магазине или мыть автомобили на бензоколонке. Скотт установил, что осведомители своевременно информировали ФБР о нескольких террористических акциях, готовившихся фашистскими группами. Информация поступала к Хиббету, но меры не принимались. Хиббета предупреждали, что

группа «Порядок» собирается учинить расправу над радиожурналистом Уэйном Кингом, но специальный агент удовлетворился тем, что переадресовал сообщение местной полиции. Пока бумажка двигалась по бюрократической цепочке, Кинга убили. Хиббету также сообщили, что группа «Порядок» во главе со Стюартом Дью намерена сорвать предвыборный митинг в графстве Эдмфилд, на котором должен был выступить негр, баллотировавшийся в конгрессе штата. Хиббет, правда, связался с полицией штата, но не предупредил ее, что речь идет о разыскиваемых Федеральным бюро расследований опасных преступниках, а не о каких-то хулиганах. Полицейские задержали четверых членов группы «Порядок» и отняли у них оружие. Но на следующий день судья вернул им винтовки, поскольку у них были должным образом оформленные разрешения (как выяснилось впоследствии, фальшивые), присовокупив по-отечески, что «с оружием надо обращаться аккуратно и умело».

Такие промахи Скотт счел бы недопустимыми, спроси кто-то его мнение. Но Блейкер, занятый своими делами, не требовал пока что от него отчета, и Скотт, ожидая вестей от Макнайта, знакомился с сомнительной деятельностью компании «Уолкоккс майнинг».

Скотт не слишком внимательно следил за политикой, но знал, что торговля с Южно-Африканской республикой находится под специальным контролем. Не все, что юаровцы хотели купить, следовало им продавать. Но бюро министерства торговли США, ведающее выдачей лицензий на экспорт, удовлетворяло любые заявки «Уолкоккс майнинг».

Компания участвовала в поставках оборудования для построенного американцами в ЮАР реактора «Сафари-1». Правда, она выступала лишь посредником, а основным подрядчиком была компания «Эллис-Чалмерс мэньюфэкчуринг». На этом реакторе прошли обучение все южноафриканские ученые и инженеры-атомщики, которые затем взялись за создание национальной ядерной программы.

«Уолкоккс майнинг» организовала поставку в ЮАР

спроектированного фирмой «Вестингауз» реактора типа «водяной котел». Она же получила у Комиссии по ядерному регулированию США лицензию на экспорт запасных частей к реактору, контрольно-измерительных приборов, систем очистки и фильтрования. «Уолкокс майнинг» была посредником при продаже двух суперкомпьютеров корпорации «Фоксборо», предназначенных для установки на уранообогащительной фабрике. И наконец, «Уолкокс майнинг» по просьбе своих южноафриканских партнеров оплачивала поездки американских ядерщиков в Преторию. Принимали их там по-царски. Создатель системы управляемых ракет, вернувшись из ЮАР, сказал: «Я готов помочь этой стране в создании ракет, загоризонтных радиолокационных станций и спутников... Это божественная страна. Меня не волнуют расовые проблемы».

«Уолкокс майнинг», используя компанию «Чарлстон бионикс», продавала в ЮАР новинки биотехнологии. Партнером «Уолкокс майнинг» была южноафриканская компания, чей представитель Кроули жил в США почти безвыездно.

Скотт стал наводить справки: не настораживала ли кого-нибудь деятельность «Уолкокс майнинг», которая, похоже, действует во вред собственно американским интересам, торгуя технологией, имеющей отношение к национальной безопасности. Он получил ответ министерства торговли, из которого следовало, что лицензии на вывоз оборудования выдаются строго в соответствии с законодательством.

Скотт обратился к Блейкеру. Помощник директора ФБР вначале сказал, что страшно занят, но Скотт настаивал и удостоился десятиминутной аудиенции.

— После убийства Джона Кеннеди наши президенты, что ни говори, здорово опасаются за свою жизнь и не очень-то надеются на ребят из секретной службы, — начал Блейкер. — Джонсон первым настоял на том, чтобы агенты ФБР присоединились к секретной службе и охраняли президента, то есть занимались бы не своим делом. Если уж на то пошло, Джонсон вовсе не был уверен в том, что ЦРУ не причастно к убийству

Кеннеди, поэтому он и хотел окружить себя людьми из нашего ведомства. Нынешний президент тоже считает, что у ФБР меньше, чем у ЦРУ, политических амбиций и нам можно доверять. Последствия этого я ощущаю на себе. В субботу моя дочь слишком долго висела на телефоне, а в этот момент, как выяснилось, президент хотел со мной связаться. В результате он дал указание установить у меня дома аппарат прямой связи с Белым домом. Вчера утром, когда мы с женой собирались пойти в церковь послушать воскресную проповедь, прибыли два техника из управления связи Белого дома. Я повел их в кабинет. Один из них замахал руками: «Нет-нет, президент сказал, что аппарат нужно установить у вас в спальне». Вечером лег спать, а на столике возле кровати аппарат прямой связи с Белым домом. Такое ощущение, будто я все равно на службе.

— Но все же согласитесь, что многие вашингтонцы мечтали бы о таком внимании со стороны президента. Так что я вас поздравляю, — улыбнулся Скотт.

— Ладно, — отмахнулся Блейкер. — Так какие у вас проблемы?..

В половине седьмого Скотт запер бумаги в сейф, оделся и вышел из кабинета. Он вывел машину со стоянки, но поехал не домой. Он решил сделать то, что делает абсолютное большинство американцев в период между Днем благодарения, который отмечается 22 ноября, и Рождеством: поехал в магазин за подарками жене и детям.

Он выбрал дальний универмаг, полагая, что там будет меньше народу. Скотт проехал почти половину города, прежде чем обратил внимание на серый «пontiак», неотступно следовавший за ним. В зеркальце заднего обзора было хорошо видно двух молодых ребят на переднем сиденье. «Понтиак» сопровождал Скотта до универмага, а затем и до дома.

Сенатор Уолси не любил вспоминать об отце, и люди, собиравшиеся в доме сенатора по праздникам или в день его рождения, воздавали хвалу матери



«нашего видного политического деятеля», ни словом не упоминая старшего Уолси, хотя его знали многие из тех, с кем общался сенатор.

Отец сенатора был человеком странным и жестоким. Он страдал множеством реальных и надуманных заболеваний и постоянно лечился. Шарлатаны и беззастенчивые врачи сказочно наживались на нем. Они пичкали его барбитуратами и бромидами. Однажды он пожаловался врачам на то, что у него отнимаются ноги, и перестал выходить на улицу. Его возили по квартире в инвалидной коляске. По совету врачей окна плотно зашторивали, дабы беречь его глаза, но они стали еще более чувствительны к свету.

В высших кругах Вашингтона знали еще одну деталь, которая наложила на облик отца сенатора зловещую тень. Он довел до самоубийства свою жену. Забыть и простить раннюю смерть матери, собственное несчастливое детство младший Уолси не мог. Он сделал все, чтобы вычеркнуть отца из памяти. В доме не было ни одной его фотографии. Но, сам того не подозревая, сенатор многое унаследовал от отца, и не только генетически.

Старший Уолси не упускал возможности сказать что-нибудь язвительное о Линкольне, затеявшем гражданскую войну из-за черномазых, и об отмене рабства. «А ведь это было бы чудесно, — бормотал он, криво улыбаясь, — с двумя тысячами долларов в кармане раз в месяц прогуляться в центр города на невольничий рынок и выбрать себе подходящего раба». Когда он разглагольствовал таким образом, рядом на маленьком стульчике сидел будущий сенатор — гувернантка приводила мальчика на два-три часа в день к отцу. Америка виделась Уолси-старшему очищенной от черных, азиатов, мексиканцев, ирландцев, евреев и прочих нежелательных элементов.

Сенатор Уолси даже в своем кругу не рисковал повторять что-либо подобное, но по духу он был очень похож на отца.

С самого начала своей политической карьеры он пользовался репутацией крайнего консерватора и не-

уклонно отстаивал свои взгляды. У себя в Лос-Анджелесе он быстро стал популярным. Он выставил свою кандидатуру сначала в законодательное собрание штата и победил, а затем и в конгресс США. Но в этот раз на успех ему не приходилось рассчитывать. Ему противостоял ветеран конгресса, член комиссии по иностранным делам. К тому же Уолси испытывал недостаток финансов. Он был темной лошадкой, и те, кто мог дать деньги, не торопились с решением. В палату представителей американского конгресса, как убедился Уолси, проникали в абсолютном большинстве случаев очень богатые люди. Новички, избранные в конгресс на прошлых выборах, «стоили» не меньше двухсот пятидесяти тысяч долларов каждый, судя по финансовым документам, представленным ими в комиссию по этике. Эта сумма в шесть раз превышала доход конгрессменов, избранных в 1987 году, когда членам конгресса впервые пришлось раскрыть свое финансовое положение. Но на самом деле люди, добравшиеся до Капитолия, были еще богаче. Во-первых, конгрессмены не указывали стоимость имущества, принадлежащего жене (или мужу), во-вторых, имели возможность кое-что скрыть, например недвижимость.

За два месяца до праймериз\* опрос общественного мнения показал, что Уолси может рассчитывать на тринадцать процентов голосов, а его соперник на шестьдесят. В день, когда стали известны итоги опроса, Уолси получил одно важное предложение и после двенадцатичасовых размышлений принял его. Последствия оказались весьма выгодными прежде всего для местного телевидения. Избирательный комитет Уолси заплатил сто семнадцать тысяч за телевизионные ролики, рекламирующие его кандидата. На праймериз Уолси победил с преимуществом в четыре процента голосов. На следующий день в кабинет Уолси постучался сотрудник «Мерит фаундейшн» — центра

---

\* В США — первичные собрания избирателей для выдвижения кандидатов на выборные должности, а также сам процесс голосования на таких собраниях.

консервативной научной мысли. Он интересовался политической программой кандидата. Ответы будущего конгрессмена на поставленные перед ним вопросы удовлетворяли «Мерит фаундейшн». Три недели подряд в прессе Лос-Анджелеса появлялись статьи, восхваляющие Уолси. Они готовились аппаратом «Мерит фаундейшн», который был известен необыкновенным умением воздействовать на средства массовой информации. На ноябрьских выборах Уолси победил с преимуществом в шестнадцать голосов.

На следующих выборах он выдвинул свою кандидатуру в сенат. На сей раз у него не было проблем с финансированием избирательной кампании. Интерес к внешнеполитическим проблемам и поддержка, оказываемая сенатору истеблишментом, привели его в комиссию по иностранным делам. Вскоре его избрали председателем подкомиссии по Африке. Именно в этом качестве сенатор позвонил помощнику министра торговли, курирующему вопросы выдачи экспортных лицензий, и попросил его не мешать компании «Уолкокс майнинг» продолжать нормальные торговые отношения с Южно-Африканской республикой.

— Как и президент, — сказал сенатор, — я считаю американские корпорации, ведущие дела с ЮАР, прогрессивной силой в Южной Африке, способствующей определенной эволюции апартеида. Если мы начнем изымать наши инвестиции из экономики ЮАР или сокращать торговлю с ней, то пострадают прежде всего чернокожие рабочие, а мы лишимся какой бы то ни было возможности влиять на политику этой страны.

Помощник министра заверил, что обязательно учтет мнение сенатора и заявка «Уолкокс майнинг» будет рассмотрена совершенно беспристрастно.

Корреспондент информационного агентства сообщил из Коста-Рики, что нацистский военный преступник Йозеф Райнике, за поимку которого назначено вознаграждение в миллион долларов, два года назад умер

в костариканской провинции Алахуэла. Это была настоящая сенсация!

Подробности следовали одна за другой. Бывший врач концлагеря жил на отдаленной кофейной плантации, принадлежащей супружеской паре — эмигрантам из Европы. «Райнике умер два года назад, — рассказывал в вечернем выпуске новостей корреспондент телекомпании, спешно вылетевший вместе с оператором в провинцию Алахуэла. — Похоронен здесь поблизости. Как мне сообщили в Сан-Хосе, столице Коста-Рики, власти уже отдали распоряжение об эксгумации трупа».

И последующие два дня газеты много писали о Райнике. Корреспондентам удалось поговорить с супругами, которые в течение долгих лет укрывали его. Они с горечью говорили, что этот человек на склоне жизни остался совершенно без средств. «Если и в самом деле существует некая международная организация, заботящаяся о бывших нацистах, как об этом пишут, то ей должно быть стыдно, — заявили они корреспондентам и продолжали: — Он был очень интеллигентным человеком. За эти годы мы хорошо узнали его и стали с ним друзьями. Он любил природу, детей, животных, интересовался философией, литературой, музыкой... Совершенно невозможно представить, что он был преступником. Конечно, считается, что каждый гражданин обязан донести на человека, которого называют преступником, но это трудно сделать, когда знаешь человека и уважаешь его. Мы не можем сказать о нем ничего плохого. Зачем через полвека делать драму из того, что было когда-то? Может быть, он и совершил что-то непозволительное, но такое было время».

Начальник управления полиции сообщил журналистам, что хозяева кофейной плантации, укрывавшие Райнике, будут привлечены к ответственности. Супруги не могут быть привлечены за укрывательство Райнике, так как законодательство страны не предусматривает за это наказания. Но, поскольку они получили разрешение на погребение Райнике под чужим именем, они могут быть привлечены к судебной ответственности за дачу ложных показаний и представление фальшивых доку-



ментов, то есть за действия, квалифицируемые законом как «введение в заблуждение». Начальник полиции также сообщил, что расследование начато, будет произведена эксгумация; он надеется на то, что наконец-то удастся закрыть вопрос о Йозефе Райнике, которого ищут уже столько лет.

Супруги утверждали, что Райнике умер два года назад от сердечного приступа. Роберт Скотт получил телеграмму и из ФРГ: сын Йозефа Райнике, сорокапятилетний адвокат из Баварии, заявил полиции, что человек, два года назад умерший от сердечного приступа в провинции Алахуэла, действительно его отец. «У меня нет никаких сомнений, — говорилось в телеграмме. — Когда мне сообщили о его смерти, я ездил в Коста-Рику и сам хоронил его. Я хорошо знаю людей, которые укрывали моего отца. Я молчал два года, потому что не хотел навлекать на них неприятности. В самое ближайшее время я представлю полиции доказательства, неопровержимо свидетельствующие о том, что мой отец мертв».

Скотт поехал в министерство юстиции. Сотрудник, занимавшийся розыском Йозефа Райнике, был в прекрасном настроении.

— После эксгумации будет проведено полное исследование останков нашего героя, — сказал он. — Мы тоже посылаем двух судебных медиков для участия в этой процедуре. Надо полагать, что нас не водят за нос и Райнике действительно отдал богу душу, с чем мы можем себя только поздравить. Получим результаты экспертизы и закроем дело. Мне кажется, это всех устроит. Если бы Райнике нашли живым и стали выяснять, почему его до сих пор не арестовали, кое-кто мог бы оказаться в неудобном положении.

Скотт не сказал Блейкеру, что побывал в доме Хиббета. Само по себе это посещение было противозаконным, и Скотт решил, что если визит окажется безрезультатным, то он поставит помощника директора

ФБР в известность, а если найдет нечто важное для расследования, то... подумает.

В письменном столе Хиббета Скотт обнаружил три десятка магнитофонных кассет с записями различных разговоров. Воспользоваться помощью лаборатории он не пожелал, слушал кассеты дома и, должно быть, долго разбирался бы, кому принадлежат звучащие с пленки голоса, если бы аккуратный Хиббет не пометил на каждой кассете, кто говорит и когда сделана запись.

Скотту понадобилась целая неделя, чтобы прослушать все кассеты, но когда он в последний раз выключил магнитофон, то уже прекрасно знал, кто и за что платил Хиббету. Одна из последних бесед Хиббета с Кроули (это имя Скотт, занимавшийся компанией «Уолкокс майнинг», уже знал) была абсолютно откровенной.

«... — В больших масштабах бактериологическое, биологическое оружие так и не было применено. Казалось бы, бактерии могут уничтожить все человечество, ведь производились они в огромных количествах. Но средства доставки, гарантирующие «попадание в цель», создать не удалось. Бактерии погибали или теряли свою вирулентность. Даже если и удавалось кого-то заразить, эпидемия не возникала. Больных клали в больницу, опасную зону подвергали санации, и все усилия шли насмарку.

— Так зачем вы взялись за это гиблое дело?

— Я вам скажу больше, Хиббет. Мы имели возможность проанализировать все случаи заболевания различными экзотическими недугами в Форт-Детрике. Всякий раз это был результат чьего-то недосмотра, во всяком случае так утверждали руководители центра по созданию биологического оружия. И мы знаем, с каким огорчением они наблюдали за тем, как быстро медики вылечивают заболевших солдат. Скажем, военнослужащий, заболевший легочной чумой, выписывался из госпиталя через три недели. Если с болезнями так быстро справляются, то стоит ли тратить деньги, чтобы выращивать их возбудители? Так надо ставить вопрос, верно?

— Военный институт медицинских исследований

инфекционных заболеваний — я узнавал это по вашей просьбе, Кроули, — имеет штат в пятьсот сотрудников и бюджет в семь с половиной миллионов долларов. Исследования, в которых по контрактам участвуют специалисты из нескольких университетов, включают в себя создание вакцин против таких заболеваний, как пятнистая лихорадка, распространенная в Скалистых горах, венесуэльский конский энцефаломиелит, желтая лихорадка... Я не помню все названия, но в моей записке они были перечислены. Сотрудник ФБР, курирующий институт в Форт-Детрике, сказал мне, что, по мнению наших ученых, создание полной защиты от биологического оружия затея безнадежная, поскольку противник может использовать бесконечно большое количество разных микроорганизмов. Тем не менее причинить сколько-нибудь серьезный ущерб стране невозможно. Эпидемиологи и врачи быстро подавят вспышку любого заболевания.

— Возможно, если речь идет о высокоразвитой стране, которая обладает налаженной эпидемиологической службой, большим числом врачей, больниц и медикаментов. Наш враг ничего этого не имеет, и широко-масштабная операция в густонаселенных районах, без сомнения, будет эффективной. И еще одна деталь: «обработка» одного квадратного километра с помощью обычного оружия, по подсчетам экспертов, обойдется в две тысячи долларов, с помощью ядерного оружия — в восемьсот, с помощью нервно-паралитического газа — в шестьсот. Использование биологического оружия для уничтожения врага на одном квадратном километре будет стоить нам всего один доллар. Есть смысл? Если бы все это было бесполезно, ваши военные и впрямь закрыли бы исследования в этой области, а Форт-Детрик превратили бы в центр по борьбе с раковыми заболеваниями, как Никсон и обещал еще в 1971 году. Ваш коллега — куратор Форт-Детрика либо сам не в курсе дела, либо неискренен с вами.

— Скорее второе.

— Американский центр создания биологического оружия переживает сейчас второе рождение, поскольку

почти полностью концентрируется на работах, связанных с генной инженерией. И знакомая нам с вами лаборатория экспериментальной генетики в Чарлстоне только что заключила контракт с Пентагоном.

— Ну, значит, вы осведомлены лучше меня.

— Я должен быть осведомлен лучше вас, дорогой Хиббет. Моя страна в опасности. Если мы не найдем средства справиться с полчищами черных, то погибнем. Мы обязаны найти. Это должно быть оружие избирательного действия, уничтожающее черных, но безвредное для белых. Я верю в то, что удастся создать такое оружие. Иначе окажется, что черные, кроме цвета кожи, ничем не отличаются от белых...»

Кроули, лаборатория экспериментальной генетики, Форт-Детрик, Пентагон... Все это придавало делу Хиббета новый поворот.

На Пенсильвания-авеню Скотт отправился в секретный информационный отдел.

— Мне хотелось бы ознакомиться с материалами, относящимися к нашей деятельности по защите от шпионажа в сфере исследований, касающихся биологического оружия, — сказал он. — У кого я должен попросить санкцию на допуск к этим материалам?

— Секунду, — клерк зашелестел бумагами. — Уже все готово. Помощник директора Блейкер дал соответствующее указание.

Блейкер? Роберт Скотт был в недоумении. Каким образом Блейкер мог догадаться, что ему понадобятся эти материалы?

Клерк усадил Скотта в мягкое кресло и включил дисплей. На экране появилась первая страница досье, относящегося еще к пятидесятым годам. Отделение Федерального бюро расследований во Флориде обеспечивало секретность проводившихся Пентагоном опытов — распыление в закрытых помещениях возбудителя коклюша. Возбудитель коклюша не стоек и быстро погибает, однако несколько человек удалось заразить.

В 60-х годах армия имитировала эпидемию, распыляя бактерии «бацилус субтилис» в нью-йоркском и чи-



кагском метро, и даже провела опыт, вызвавший недовольство администрации, — запустила бактерии в систему кондиционирования воздуха в Белом доме. «Бацилус субтилис» содержатся в воздухе и в принципе не наносят вреда здоровым людям. Но у больных или у тех, кто страдает ослаблением иммунной системы, они могут вызвать осложнения. Сейчас считается, что эти бактерии вызывают пищевые отравления и послеоперационные осложнения. Все это было аккуратно занесено в досье кем-то из сотрудников ФБР. В армейских документах, составленных после окончания опытов, не было отмечено, что кто-то заболел в результате испытаний, но, как справедливо указывал составитель досье, никто и не пытался выяснить, что именно происходило с людьми, которые стали невольными участниками эксперимента.

Роль ФБР была весьма незначительной — не допустить огласки, препятствовать проникновению каких бы то ни было сведений в печать, работать с людьми, которые узнают, что помимо своей воли участвовали в эксперименте, и захотят поднять скандал.

Та же задача ставилась перед ФБР, когда армия, запросив дополнительные средства на расширение своего Центра защиты от биологического оружия на полигоне Дагуэй (штат Юта), взялась доказать, что противнику ничего не стоит заразить полстраны оспой. Используя пять спрятанных в чемоданах аэрозольных генераторов и столько же приборов для взятия проб воздуха, военные эпидемиологи распылили бактерии в городском аэропорту Вашингтона, а затем на глазах у всех пассажиров проверяли различные участки аэропорта, чтобы контролировать распространение бактерий. Процедура взятия проб воздуха не вызвала ни удивления, ни вопросов. Пассажиры и служащие аэропорта отнеслись совершенно безразлично к людям, которые вели себя самым подозрительным образом. Никто не вызвал полицию, не потребовал объяснений.

Армия хотела доказать конгрессменам, что полная беспечность американцев может привести к молниеносному краху страны, если противник решит применить биологическое оружие. Зараженные в аэропорту пасса-

жиры могли разнести болезнь по всем Соединенным Штатам.

Такой же эксперимент был проведен в Вашингтоне на автовокзале компании «Грейхаунд».

В досье отсутствовала пометка о том, каким было решение комиссии палаты представителей по науке и технике относительно выделения дополнительных ассигнований, но, как следовало из других материалов досье, работы с биологическими аэрозолями на полигоне Дагуэй продолжались и после того, как Белый дом объявил об отказе от программы создания биологического оружия. Ведь в Соединенных Штатах нет закона, запрещающего армии изучать биологические средства в поисках защиты от применения их противником. Что касается ассигнований, то Скотт знал, как это делается. Армия тратила на биологическое оружие деньги, пользуясь правилом, которое дает возможность «перевести на другие цели без обсуждения конгрессом средства, выделенные в предыдущих финансовых годах и оставшиеся неиспользованными».

Нажав кнопку управления дисплеем, Скотт «пролистал» сразу несколько страниц — в конце концов, история его не интересовала. Он набрал кодовое понятие «лаборатория экспериментальной генетики в Чарлстоне» и «порылся» в памяти компьютера. Через мгновение на экране появилось короткое заявление министерства обороны в связи с заключением контракта, обязывающего лабораторию проводить исследования в интересах армии:

«В настоящее время министерство обороны начинает разработку программы использования средств генной инженерии для создания вакцин против дизентерии, малярии, ботулизма, геморрагических лихорадок, против риккетсиоза и трипаносомоза, что имеет важное значение для медицинской защиты американских вооруженных сил. Ведутся работы по выведению человеческого гена, способного противостоять воздействию ацетилхолина, чтобы использовать его при разработке методов лечения личного состава, подвергнувшегося воздействию боевых химических веществ, а также гена, обеспечиваю-

щего органофосфорную детоксикацию. Дальнейшие исследования будут связаны с молекулярными основами биозаражения морей».

Понять что-либо из заявления Пентагона было невозможно, но его авторы, надо полагать, именно на это и рассчитывали.

Скотту важно было найти ответы на два вопроса. Во-первых, что собираются делать Кроули и его люди теперь, когда Хиббета нет? Во-вторых, что означает необъяснимая прозорливость и предусмотрительность Блейкера? И был третий вопрос, который специальный агент ФБР Роберт Генри Скотт пока что не решался себе задать: что ему следует предпринять после того, как он получит ответы? Еще неделю назад такой вопрос у Скотта попросту не мог возникнуть. Завершив расследование, он должен обо всем составить письменный рапорт и сдать его Блейкеру. Но кассеты Хиббета сбили его с толку. Чертов Хиббет получал от Кроули не меньше семи тысяч долларов в месяц...

С холма открывалась прекрасная панорама Питермарицбурга — небольшого города, расположенного в сорока милях от порта Дурбан. Невидимыми границами город был рассечен на три неравные части. Центр и лучшие участки земли были отведены белым, только они имели право владеть там землей. Тарбелл убедился, что состоятельная часть белого населения устроилась замечательно. В левой части города значительно меньшие участки земли получили индейцы. И справа в отдаленном районе ютились черные. Каждое утро светло-голубые автобусы привозили черных на работу, а вечером отвозили домой — просто так, без дела черный не имел права находиться в городе. Африканцы, обслуживающие белых или занятые в городском хозяйстве, жили в тесных общежитиях, далеко от своих семей. Их жены и дети в город не допускались. Раз или два в год рабочим разрешали навещать родных. Черные обязаны были

всегда иметь при себе документы, их отсутствие влекло за собой арест. Недавно принятый закон наделил полицейских офицеров полномочиями держать любого подозрительного чернокожего девяносто дней в тюрьме без ордера и без передачи дела в суд.

Обилие дешевой рабочей силы открывало большие перспективы. Совет директоров поручил Тарбеллу выяснить вопрос возможности закупок обогащенного и необогащенного урана в ЮАР для продажи его на так называемом «сером рынке», не контролируемом правительствами.

Руководители корпорации оказались правы: покупателей не учитываемого статистикой урана (того самого, что добывался на руднике в Россинге и не фигурировал ни в каких отчетах) оказалось более чем достаточно. Сделки оформлялись через основанную в Атланте (штат Джорджия) компанию, именовавшуюся «Международный рынок ядерного топлива». Компания не подлежала правительственному контролю и даже не была зарегистрирована в федеральной комиссии по ценным бумагам и валютным операциям. В первый же год корпорация Тарбелла заключила сделки на миллиард долларов. Вслед за этим началось стремительное восхождение Тарбелла по ступенькам административной лестницы. Он считал, что возвышение было заслуженным: то, что он сделал в ЮАР, не сделал бы никто другой.

В Питермарицбурге в доме одного видного представителя белой общины он встретился с тремя политиками, чьи имена не сходили со страниц южноафриканской печати. Тарбелл, который, казалось, был чужим в этой тесной компании, вел себя с ними как равный. Его собеседники выросли в тесном, замкнутом мире южноафриканской политической элиты. Тарбелл, родившийся в Нью-Йорке, постигал науку жизни в задних комнатах бруклинских ресторанов, которые облюбовали себе мелкие — на муниципальном уровне — политики,



и в штаб-квартире демократической партии в Таммани-холл, где в те времена властвовали продажные хозяева города. Но Тарбелл легко нашел общий язык со своими собеседниками, озабоченными важной для них проблемой: они хотели избавиться от одного опасного и влиятельного врага — американского конгрессмена, выступавшего против апартеида. Конгрессмен занимал заметное положение в комиссии по иностранным делам и мог рассчитывать на солидную поддержку в своем избирательном округе. Наличие такой фигуры на Капитолийском холме создавало большие трудности для двусторонних отношений, говорили собеседники Тарбелла. Они собирались еще неограниченно долго разглагольствовать на тему о важности стратегического сотрудничества США и ЮАР, но Тарбелл просто сказал, что ради создания добрых партнерских отношений готов помочь им. «Если вы ассигнуете на это дело двести тысяч американских долларов, — объяснил Тарбелл, — и передадите эти деньги мне, то я уж как-нибудь постараюсь перевести их в фонд избирательной компании некоего Уолси, который выставил свою кандидатуру в том же округе». Тарбелл был абсолютно уверен в успехе. «Если Уолси не выберут, я верну вам двести тысяч из собственного кармана», — гордо заявил он.

Он получил двести тысяч. Уолси победил на выборах. Выступавший против апартеида конгрессмен лишился трибуны на Капитолийском холме и отошел от активной политической деятельности.

После выборов Тарбелл приехал в ЮАР, и сделка, на которой настаивала его корпорация, была незамедлительно заключена.

Через четыре года люди из Претории вновь попросили его помочь им. Южно-Африканской республике очень досаждал один сенатор — противник апартеида. Тарбелл сказал Кроули, который пришел к нему с этим делом, что цены за последние годы несколько выросли и пона-

добиться не менее трехсот тысяч. Деньги были получены. Сенатор проиграл, а уже создавший себе определенную репутацию Уолси занял его место.

Кроули, который в ту пору работал в министерстве информации ЮАР, поинтересовался у Тарбелла, каким образом он умудряется вносить такие большие суммы в избирательные фонды своего кандидата. «Это ведь очень сложно, — с сомнением глядя на Тарбелла, сказал Кроули. — Мои шефы в Претории ко всему подходят с собственными мерками, но я-то знаю Соединенные Штаты». Тарбелл пожал плечами: «Мы же договорились, что, если дело не выгорит, деньги будут возвращены. Но я выполнил то, что обещал. Так что мне надо доверять».

Кроули поделился сомнениями с министром информации ЮАР.

— А я доверяю Тарбеллу, — сказал тот. — На ниве родной американской политики он не слишком преуспел, но, будучи мелким приспешником одного из лидеров демократической партии, обзавелся прочными связями. Вам кажется, что вы знаете мир американской политики, но вы ошибаетесь, а вот Тарбелл его действительно изучил. Прежде чем мы вступили с ним в контакт, я попросил через министерство иностранных дел навести о нем справки. Семь лет назад Тарбеллом заинтересовалась нью-йоркская прокуратура, которая вела дело о взятках в связи с муниципальными контрактами. В прокуратуру обратилась одна чикагская фирма, добивавшаяся разрешения на подряд от нью-йоркского муниципалитета. Фирме предложили взять Тарбелла на номинальную должность консультанта с высоким окладом. Чикагцы отказались, а другая фирма согласилась и получила разрешение на подряд. Дело было прекращено за недостатком улик. Так что Тарбелл знает, кому и как надо предлагать деньги в Соединенных Штатах. И потом, неужели вы могли подумать, что мы с премьер-

министром дадим кому-то полмиллиона долларов, не будучи уверенными в их использовании по назначению? Я понимаю, что вы не слишком высокого мнения о своем министре, но вы же знаете подозрительность и осторожность премьер-министра. Он абсолютный циник и не доверяет никому. И раз уж он одобрил выделение этих денег, значит, знал, на что пойдет каждый доллар.

Беседа Кроули с министром имела неожиданное продолжение: Кроули отправили на работу в Соединенные Штаты. Вместе с другими агентами ЮАР за океаном он через подставных лиц (их находил Тарбелл) «покупал» местные газеты, и те поддерживали угодных Южно-Африканской республике кандидатов в конгресс.

Закон, принятый в 1974 году, запретил американским законодателям принимать деньги и подарки от иностранных правительств, а также совершать путешествия за их счет. Но в Претории создали компанию, которая была прекрасной ширмой, прикрывавшей вручение денег и подарков и организацию путешествий. На средства из бюджета министерства иностранных дел или министерства пропаганды компания устраивала конгрессменам и сенаторам веселые путешествия по курортам ЮАР или платила им бешеные гонорары за выступления на семинарах промышленников в пользу расширения торговли с Южной Африкой. Иногда ей приходилось действовать стремительно — например, в считанные дни организовать тур поездок в ЮАР для членов комиссии палаты представителей по сельскому хозяйству, чтобы они, возвратившись, проголосовали за увеличение закупок южноафриканского сахара.

Агенты Претории помимо провинциальных газет «купили» три небольших информационных агентства, обслуживающих деловой мир Соединенных Штатов, две киностудии, три книжных издательства и пять научно-исследовательских институтов. Ни одна из этих организаций и не подозревала, что принадлежит правительству

Южно-Африканской республики. Но издательства неизменно получали заказы на выпуск книг, благожелательно рассказывающих о жизни в ЮАР, институтам предоставлялись средства на подготовку исследований и составление докладов, свидетельствующих в пользу расширения отношений с ЮАР. На эти цели расходовались десятки миллионов долларов.

Во время одного из совещаний в посольстве ЮАР в Соединенных Штатах приехавший из Претории чиновник сказал Кроули, что правительство, всерьез встревоженное дипломатической изоляцией и неважной репутацией ЮАР как расистского государства, решило предпринять массированное контрнаступление для создания «правильного представления о стране и отражения враждебных выпадов». Это было вполне в духе потомков буров. Министр обороны и командующий армией решили, что, раз страну атакуют по всем направлениям, ответить надо тем же — психологической и пропагандистской войной против врагов режима апартеида. В Соединенных Штатах у Кроули было много друзей. Но особенно он ценил советы Теодора Мэррея, который через людей Дью аккуратно получал свою долю за каждую удачную акцию, проведенную по его совету. Кроули еще и потому охотно прислушивался к мнению Мэррея, что тот был искренен в желании помочь ЮАР. Природу этой искренности Кроули объяснили его коллеги-разведчики. Настоящая фамилия Мэррея была Райнике... Скрывавшийся от наказания военный преступник Йозеф Райнике не мог не симпатизировать белым лидерам Южно-Африканской республики.

Утро в лаборатории экспериментальной генетики началось с общего инструктажа — его провел директор. Он зачитал сообщение из Парижа, в котором говорилось, что в Институте Пастера от онкологических заболеваний



скончались два сотрудника, занимавшихся генной инженерией. Пятеро их коллег отправлены в больницу. Аналогичные заболевания диагностированы у сотрудников лаборатории генетики, расположенной в парижском пригороде Орсе. Создана специальная комиссия.

Французские ученые занимались сходной тематикой, поэтому сообщение из Парижа многим испортило настроение. Директор призвал всех научных сотрудников быть максимально осторожными при проведении опытов.

Пожалуй, один Финли безразлично отнесся к словам директора.

Жизнь Финли словно переломилась пополам, от прежнего спокойствия, почти счастья не осталось и следа. Научная работа, дом, друзья — все внезапно потеряло смысл. Преуспевающий ученый, Джордж Финли вновь почувствовал себя бесправным и бессильным человеком, который не может претендовать даже на то, чтобы с ним вежливо разговаривали. Совсем как тогда, в дни его юности. Люди, олицетворявшие ненавистное прошлое, были где-то рядом и угрожали вконец разрушить его жизнь, опозорить, смешать его имя с грязью...

Когда Кроули позвонил ему, Финли и не подозревал, какой удар его ждет.

Они встретились в лесу, подальше от чужих глаз. Кроули пригласил Финли в свою машину.

— Двадцать лет назад, Финли, вас допрашивали в иоханнесбургской тюрьме, — начал он. — Следовательно думал: отпустить вас в Штаты или засадить за решетку?

Финли, ошеломленный, молчал.

— Тогда вы приятно удивили следователя — оказались разумнее, чем он предполагал. Но он, поверьте, был рад, что ошибся. Вы получили паспорт и отправились к дяде в Соединенные Штаты. Вы отдали нам преступника, и вся ваша последующая жизнь, надеюсь, подтвердила правоту этого шага. Если бы вы тогда сглупили, то сгнили бы в тюрьме. Пропал бы прекрасный ученый,

который так много сделал. Будьте мужественным человеком. Всем нам время от времени приходится принимать решения, которые определяют всю нашу дальнейшую жизнь. Услуга, о которой я прошу, ничего не будет вам стоить.

Кроули выключил в кабине свет и уже куда более скучным голосом продолжал:

— Вы проходили проверку на полиграфе и утверждали, что не имеете связей с иностранными правительствами. Между тем не один год вы весьма успешно работаете на правительство Южно-Африканской республики. Вас удивляют мои слова? Я поясню: все исследования, которые вы вели для меня, немедленно отправлялись в наши лаборатории, занимающиеся проблемами ведения биологической войны. Мы особенно благодарны вам за изучение последствий генетических изменений у жителей Черного ручья. Я, к сожалению, так и не овладел ученой терминологией, но ваши южноафриканские коллеги просили выразить вам по сему поводу особую благодарность. Так что вы в меру ваших сил помогаете Южно-Африканской республике, за достойное вознаграждение. Я-то в этом ничего дурного не вижу, вы родились там и, хотя вы и не африканер, какие-то чувства к родине должны испытывать. Но коллеги, боюсь, оценят ваши действия иначе. И я совсем не в состоянии представить их реакцию, когда они узнают, что тогда в Йоханнесбурге вы стали полицейским доносчиком и выдали властям человека, которого пришлось расстрелять.

«Что делать?» Этот вопрос вертелся у Финли в голове. Он мог обратиться за помощью в полицию, обвинить Кроули в попытке шантажа. Для Кроули эта история кончилась бы плохо. Но Финли не мог заставить себя позвонить в полицию. Если в городке и в лаборатории узнают о его позорном прошлом, о предательстве, никто не подаст ему руки. Его научная карьера кончится.

— Что вам нужно от меня? — спросил Финли.

— Материалы, связанные с методикой клонирования вирусов, способных вызывать целенаправленные генные мутации.

— Это невозможно. — Финли покачал головой. — Мы сконструировали специальное оборудование — установки для распыления вирусов. Каждая из них — единственная, но, если бы даже у нас были дубликаты, я все равно был бы не в состоянии вам помочь. За ворота лаборатории теперь нельзя вынести даже маленького листка бумаги.

— Послушайте, Финли, все, что от вас требуется, это предложить полевые испытания. Военные захотят лететь в Юту, на полигон Дагуэй. Прекрасно, соглашайтесь. — Кроули открыл дверцу, выпуская Финли из автомобиля. — Я позвоню вам.

Слежка за Скоттом продолжалась. На второй день утром он понял, что его ведут профессионалы. Вечером он пришел к выводу, что обращаться за помощью в отдел безопасности Федерального бюро расследований бессмысленно. Наружное наблюдение скорее всего вели люди из самого отдела безопасности.

Подобные случаи были известны в ФБР. Специальные агенты, случалось, не могли побороть искушения и вступали в сделку с преступниками. Разумеется, такие агенты были достаточно осторожны. Они руководствовались существовавшим в ФБР неписаным правилом, позволяющим осведомителям продолжать в определенных рамках свою преступную деятельность. Ценным осведомителям разрешали заниматься своим бизнесом, если они не были убийцами или грабителями. Мелкий вор или уличный торговец наркотиками получал индульгенцию за сотрудничество с ФБР. «Официально освобожденного от ответственности» осведомителя агент,

решивший подзаработать, наводил на крупную добычу и получал за это долю. Иногда такие трюки удавались. Умные агенты не рисковали их повторять, более алчные не могли остановиться. Агенты попадали в зависимость от осведомителя, и преступник начинал их шантажировать.

За работой осведомителей незаметно присматривала специальная служба. Если у кого-то из агентов осведомитель начинал слишком активно заниматься своим преступным ремеслом, работник попадал под подозрение. Бывали случаи, когда преступники специально компрометировали опасного для них агента.

Зная обо всем этом, Роберт Генри Скотт предположил, что Макнайт, воспользовавшись новыми документами, совершил какое-то преступление. Поскольку в деле Макнайта есть рапорт Скотта с просьбой подготовить Макнайту эти документы, отдел безопасности принял обычные меры предосторожности.

Финли поставил свою подпись и вернул бумаги директору лаборатории. Необходимые формальности были соблюдены. Экспериментальную установку и материалы, которые могли понадобиться для испытаний, отправляли на полигон. Он выполнил обещание, данное Кроули. Трейлер, который повезет установку на полигон, уже стоял во внутреннем дворе лаборатории.

Финли зашел к начальнику отдела безопасности. Присланный Пентагоном майор сидел за идеально чистым столом.

— Я надеюсь, нашу установку и секретные документы отправляют под надежной охраной? — осведомился ученый.

— Разумеется. Секретное оборудование мы охраняем в соответствии с установленными правилами.

Финли покачал головой:

— Поэтому-то я и пришел к вам. Должны быть



приняты экстраординарные меры безопасности. Эта уникальная установка представляет несомненный интерес для террористов, которые могут попытаться завладеть ею в пути.

Начальник отдела безопасности усмехнулся.

— В выполнении своих обязанностей наш отдел старается не отставать от других подразделений. Могу вас заверить: трейлеру обеспечена абсолютно надежная охрана. Мы посылаем втрое больше людей, чем надо. Кроме того, наш трейлер будет конвоировать полиция.

Начальник отдела безопасности из профессиональных соображений не стал говорить Финли, что трейлер снабжен рацией и в случае нападения на машину помощь придет прежде, чем террористы одолеют охрану и вскроют бронированный кузов.

На поезде из Кейптауна в Виндхук — столицу Намибии, которую в ЮАР по-прежнему именовали Юго-Западной Африкой, в те времена нужно было ехать шестьдесят три часа, два с половиной дня. Путешествие считалось весьма утомительным, но Теодор Мэррей оказался приятнейшим компаньоном, и Кроули остался доволен поездкой.

Климат в Намибии неплохой, хотя в ту давнюю поездку Кроули все же умудрился заболеть малярией, которая распространена в основном к северу от Виндхука. И в пустыне они оба очень страдали от пыли, целый день приходилось ходить в очках.

Три дня подряд Мэррей и Кроули, который буквально не расставался со своим спутником, совещались с сотрудниками Совета по атомной энергии. В Совет, возглавляемый министром шахт, входили статс-секретари министерств шахт, иностранных дел, финансов, правительственный уполномоченный по горнорудной промышленности, представитель Совета по научным

технологическим исследованиям и два представителя золотодобывающих компаний. (По соглашению с правительством золотодобывающие компании взяли на себя разработку урановых месторождений с 8 октября 1952 года — того самого времени, когда премьер-министр ЮАР Малан открыл первую урановую обогатительную фабрику на шахте «Крюгерсдорп», неподалеку от Иоханнесбурга, принадлежащую компании «Уэстрэнд».) Тогда Совет по атомной энергии решил создать крупный уранодобывающий комплекс в пустыне Намиб. Добываемый в Намибии уран использовался для собственных нужд ЮАР и шел на экспорт — через корпорацию Тарбелла.

Мэррей-Райнике приехал в ЮАР по решению могущественной неонацистской организации «Коричневый фронт». Многим бежавшим из разгромленной фашистской Германии нацистов он помог обосноваться в государстве апартеида. По заданию «Коричневого фронта» он участвовал в создании атомной промышленности ЮАР. У неонацистов были далеко идущие планы, связанные с южноафриканским ураном.

Вернувшись из ЮАР в Соединенные Штаты, Мэррей-Райнике занялся финансированием американских фашистов. Он-то и познакомил Кроули со Стюартом Дью.

Телефонный звонок Макнайта был для Скотта неожиданностью. Специальный агент ФБР полагал, что уже больше никогда не увидит своего осведомителя. Однако Макнайт разговаривал со Скоттом как ни в чем не бывало. Он объяснил, что звонит из гостиницы, поэтому может говорить относительно спокойно.

— Стюарт Дью в Южной Каролине, — сказал Макнайт. — Но он не один, а со всей бандой.

— Где именно он скрывается, вы знаете?

— Да. В Чарлстоне. Записывайте адрес...

Получив машинописную копию записи разговора с Макнайтом, Скотт отправился к начальнику отдела, которому предстояло принять решение — организовать засаду на Стюарта Дью или нет. Через сорок минут он получил ответ: засада на Дью санкционирована, местное отделение ФБР уже поставлено в известность. Роберту Скотту надлежало немедленно отправляться в Чарлстон.

Решение начальника отдела поставило Скотта в тупик. Если отдел безопасности не возражает, значит, Макнайт не совершал никакого преступления и Скотт не находится под подозрением. Это прекрасно. Но кто же в таком случае все эти дни следит за ним?

В течение двух недель в Коста-Рике эксперты исследовали останки костей, фотографии и образцы почерка человека, который большую часть жизни прожил под чужим именем и умер в результате сердечного приступа.

Останки извлекли из заброшенной могилы, резко контрастировавшей с заботливо ухоженными фамильными склепами, пышными памятниками, которых было много на этом кладбище, разместившемся в идиллическом уголке — в долине, образуемой разветвлением небольшой реки. Здесь хоронили в основном людей состоятельных, владельцев обширных поместий.

Американский эксперт, представлявший Мэрилендский университет, уверенно заявил на пресс-конференции: «Это был Йозеф Райнике. Другого мнения не может быть. Ни по одному пункту нет никаких сомнений».

Костариканские власти, официально завершив исследование, констатировали: «С максимально возможной степенью вероятности следует сделать вывод о том, что скелет, эксгумированный на кладбище в провинции Алахуэлла, это останки Йозефа Райнике».

Начальник местной полиции вылетел в ФРГ, чтобы передать прокуратуре, когда-то выдавшей ордер на арест Райнике, доклад о результатах исследования.

— Таким образом, — сказал Скотту сотрудник отдела специальных расследований министерства юстиции США, — историю с Райнике можно считать оконченной. Одним клиентом меньше.

Встретившись с Тарбеллом, Кроули вновь заговорил о своих огорчениях.

— Не могу понять, — сказал он, — зачем институт Брукингса \* занимает антиюаровскую позицию? Меня не покидает ужасное ощущение одиночества. Белых из ЮАР не хотят слушать, мы как прокаженные. Слушают только черных.

— У института Брукингса свои ориентиры в мировой политике. И поймите, что люди, которые требуют перемен в ЮАР, не так уж неправы. Рано или поздно вам придется отказаться от апартеида, по крайней мере в том виде, в котором он существует сейчас. Во имя ваших собственных интересов. В критической ситуации нужно уметь вовремя выпустить пар, иначе может произойти взрыв. Вот институт Брукингса и разрабатывает программу будущих перемен.

— Но зачем они предают гласности наши секретные документы? Это может нам повредить.

— В первую очередь они думают все-таки о нашем благе, а нам нужно знать все, что происходит у вас дома, — спокойно ответил Тарбелл. — Миллиарды, вложенные в вашу экономику, требуют серьезного подхода к вашим проблемам. Впрочем, если вас беспокоят

---

\* Институт Брукингса — один из самых влиятельных исследовательских центров США, занимающихся разработкой американского внешнеполитического курса.



источники информации института Брукингса, наймите пару взломщиков и изучите ночью их информационные досье.

— Вы шутите, — махнул рукой Кроули. — А в Претории весьма озабочены.

— Я надеюсь, приятные известия, которые вы доставите, успокоят их немного. А что касается идеи покопаться в досье института Брукингса, то я не оригинален. Эта мысль при президенте Никсоне пришла в голову сотрудникам Белого дома. Институт вел кампанию против войны во Вьетнаме. В Белом доме считали, что институт располагает некоторыми секретными пентагоновскими документами. Помощники президента предложили устроить пожар в институте, вместе с пожарными проникнуть в здание и взять все интересующие администрацию документы.

— И что же?

— В конце концов от этой идеи отказались. Сотрудники института Брукингса уверяли потом корреспондентов, что никаких секретных документов из министерства обороны у них не было. Поймите, Кроули, дело не в документах. В нынешней ситуации вам пора свыкнуться с постоянной критикой вашего правительства. Ваши руководители должны не опровергать ее, а пытаться извлечь из этой критики рациональное зерно.

— Черномазых вы здесь слишком распустили. Я с ужасом думаю иногда: неужели придет такое время, когда и у нас дома черные будут вести себя как равные? Не хотел бы я дожить до этого времени.

Тарбелл пожал плечами.

— Я сам южанин и, следовательно, генетически должен не выносить черных, но, если говорить честно, мне все равно, с кем иметь дело — с белым или черным. Наша корпорация поддерживает ЮАР из чисто коммерческих, деловых соображений. Кстати говоря, в штаб-квартире нашей компании есть и черные служащие.

И они нам пригодятся, если белые южноафриканцы не сумеют удержать власть. Мы сразу же поменяем штат нашего представительства и предоставим черным возможность договариваться друг с другом.

— У вас все предусмотрено, — с раздражением сказал Кроули.

— Разумеется. Политики могут рисковать, деловые люди не имеют на это права. Но вы не огорчайтесь: пока вы у власти, мы с вами. Я разговаривал сегодня с сенатором: у него были контакты с министерством торговли на нужном уровне. Сделка вот-вот будет одобрена.

Кроули молча кивнул. Теперь это уже не имело значения. Он думал сейчас о трейлере, который именно в эти минуты должен был выехать за ворота лаборатории экспериментальной генетики в Чарлстоне.

Месяц был ужасным. Теодор Мэррей по-настоящему осознал это только теперь, когда все или почти все осталось позади. Несколько раз он был готов бежать из Штатов. Заграничный паспорт он заготовил еще несколько лет назад. В ЮАР бы его приняли — там есть люди, которые ему многим обязаны. Ведь это он, Мэррей, помогал им создавать атомную промышленность, а в самые последние годы ориентировал на развитие биотехнологии, генной инженерии.

Все же в последний момент он сумел взять себя в руки и остаться. И правильно поступил: в самый пик розыска его могли задержать где-нибудь в международном аэропорту — и прощай, свобода. Закончить жизнь в тюрьме — эта ужасающая перспектива была, как никогда, близкой. Мэррей мучился бессонницей, похудел. Он и так-то не часто выходил на улицу, а последний месяц и вовсе не рисковал покидать свой дом. Экономка говорила всем, что хозяин болен, у него грипп.

Мэррей сам прописал себе снотворное, витамины и — не без колебаний — транквилизаторы: нужно поддерживать свои силы. Ему было всего семьдесят три года, и он надеялся, что до финальной черты еще далеко. Теперь, убедившись в том, что его комбинация с Коста-Рикой разыграна безукоризненно и никто больше не станет искать Йозефа Райнике, он снова верил, что впереди еще долгая жизнь. Получив газеты, в которых подробно рассказывалось о результатах экспертизы, установившей смерть Райнике, Мэррей впервые за месяц вышел на улицу. А на следующий день отправился к соседям послушать музыку и поболтать. Соседи были ему рады: Мэррей считался в городке вполне приятным собеседником, хотя несколько замкнутым и сдержанным, как и полагалось англичанину (он говорил всем, что приехал в Штаты из Великобритании). Он был очень любезен с соседями, разделял их нелюбовь к неграм и прекрасно относился к животным, лечил больных собак и кошек. К его помощи прибегали охотнее, чем к услугам городского ветеринара, грубоватого молодого парня.

У соседей он против воли оказался вовлечен в разговор о Райнике. Ему показали журнал с фотографиями сына Райнике, который дал большое интервью об отце и рассказал, как два года назад ездил в Коста-Рику на его похороны.

Мэррей, сославшись на некоторую слабость после болезни, ушел домой, прихватив журнал с собой. Надев очки, он внимательно разглядывал фотографии молодого Райнике, который объяснял журналистам, что не хотел говорить о смерти отца, дабы не компрометировать людей, помогавших беглецу.

Мэррей решил было сохранить журнал, но выработавшаяся с годами привычка взяла верх, и журнал отправился в камин. Никаких улик, даже косвенных, не должно быть у него дома — это правило Мэррей соблю-

дал неукоснительно с того самого момента, как лишился возможности носить свое собственное имя и фамилию — Йозеф Райнике.

Сына он видел в последний раз три года назад, когда приезжал в Швейцарию. Он снял на две недели номер в гостинице в горах — якобы чтобы покататься на лыжах. Райнике пытался объяснить тогда сыну, как тяжело он пережил поражение Германии в войне. Победа союзников лишила его родины, свободы, профессии, семьи. Ему пришлось покинуть Германию, отказаться от возможности заниматься научными исследованиями, расстаться с женой и сыном, которого он оставил совсем маленьким. А почему? Потому что победители желали во что бы то ни стало уничтожить его. За что? Йозеф Райнике не признавал за собой никакой вины.

— Я не чувствую необходимости заниматься самооправданием или даже просить прощения за какие-то свои поступки, — внушал он сыну. — Я действовал так, как требовала моя совесть, я защищал духовные ценности нашего народа, нравственное и биологическое здоровье нации. С этой точки зрения я имел право решать судьбу тех, кого передавали нам в концлагерь. Я имел право уничтожать тех, кто представлял опасность для нации, то есть в конечном счете для моих близких. Поэтому я не признаю за победителями права судить меня. Для меня нет судей, а есть только мстители.

За все послевоенные годы Райнике видел сына раз пять, не больше. Он не был сентиментальным человеком и гордился этим. О прошлом он говорил неохотно, но тогда, в Швейцарии, ему почему-то захотелось доказать сыну, что он не должен стыдиться отца. Напротив, если бы не поражение в войне, сын Йозефа Райнике мог бы по праву гордиться своим отцом, который в тридцать лет имел высокий ранг в СС, выполнял важное задание родины и считался многообещающим ученым.



В юности Райнике увлекался музыкой и литературой, писал стихи и пьесы. Он был хрупким ребенком и в школе стал усиленно заниматься спортом. Учился в университетах Бонна, Вены и Мюнхена. Никаких послаблений себе, напряженные занятия, серьезный интерес к медицине. За несколько лет до войны он получил ученую степень доктора философии в Мюнхене, а еще через четыре года, во Франкфурте, степень доктора медицины за перспективные исследования в области наследственности. Его докторская диссертация называлась так: «О наследственном появлении заячьей губы и волчьей пасти».

Учеба и научная работа — больше он ничем не интересовался. Правда, когда началась война, он вступил в партию и стал добровольцем войск СС. Но так поступали многие: это помогало карьере, это было принято, считалось хорошим тоном, особенно среди врачей.

Свое будущее Райнике связывал с наукой. С 1937 года он работал во Франкфуртском институте наследственной биологии и расовой гигиены, был ассистентом профессора Отмара фон Фершуера.

Профессор Фершуер пользовался большим влиянием у руководства нацистской партии, поскольку он поставил науку на службу рейху. «Наши исследования, — говорил он, — должны определяться ответственностью за то, чтобы в области чистоты расы мы были ведущим научным учреждением в Германии. В наших силах с помощью наследственной биологии оказывать влияние на биологическую судьбу наших детей и внуков».

Райнике стал любимым учеником профессора, который, если не успевал сам, частенько просил его прочитывать лекцию или провести семинар.

В начале войны Райнике добровольцем ушел на фронт. Он сделал это с благословения своего научного руководителя, поскольку оба стремились к «окончатель-

ной победе над еврейско-большевистским врагом». Военного врача Райнике легко ранило на русском фронте, и он вернулся в рейх. Главное административно-хозяйственное управление СС, не желая расставаться с хорошо зарекомендовавшим себя работником, направило его в концлагерь главным врачом. Назначение позволило Райнике вернуться к научной работе.

К этому времени профессор Фершуер возглавил институт антропологии, генетики и евгеники имени кайзера Вильгельма в Берлине. Его любимый ученик Райнике открыл в концлагере чуть ли не филиал института. Он посылал в Берлин свежайший учебный материал: умело препарированные внутренние органы человека, трупы. Фершуер поручил ему провести «антропологические исследования различных расовых групп», и Райнике усердно принялся за дело.

Узники были для него лишь материалом, необходимым для проведения важных научных исследований. Когда он орудовал скальпелем, то не думал, что перед ним живой человек, это был всего лишь объект для анализа. И Райнике хладнокровно проводил опыты. Когда уже после войны он прочитал в газетах статьи, в которых его называли садистом, обвиняли в том, что он мучил узников, Райнике был искренне удивлен и оскорблен. Садист испытывает удовольствие, причиняя другому страдание, он же занимался обычной научной работой на том материале, который у него был. И его исследования имели значительную практическую ценность: они должны были помочь в улучшении биологического здоровья германской нации, избавлении ценных рас от вредоносного влияния недочеловеков, которые, если их не уничтожить, могут погубить генетический фонд арийцев.

Каждую неделю в концентрационном лагере готовилась посылка в адрес института имени кайзера Вильгельма. Краткое примечание на посылке гласило: «Военного

назначения. Срочно». Сопроводительная записка составлялась, например, следующим образом: «Голова трупа (12-летний ребенок) для проведения гистологических исследований». Служебная инстанция-отправитель: «Войсковой санитарный корпус лагеря для цыган». Под формуляром ставилась подпись: главный врач лагеря доктор Райнике, гаупштурмфюрер СС.

Даже вырванный из академической атмосферы, лагерный врач Райнике работал с прежним упорством. Одноэтажное строение, находившееся по соседству с газовыми камерами и печами крематория, было переоборудовано точно по образцу патологического института любого крупного города: анатомический стол, микроскопы, лабораторное оборудование, первоклассная специализированная библиотека. Здесь он занимался исследованием трупов, отобранных в качестве материала для научно-исследовательской работы. По завершении экспериментов трупы сжигались. Внутренние и другие органы, представлявшие научный интерес, заспиртовывались, укладывались в специальную упаковку, маркировались штампом «Военного назначения. Срочно» и пересылались по почте в институт антропологии, генетики и евгеники. Из Берлина Райнике получал точные научные результаты обследований или же новые инструкции. Директор института всякий раз выражал доктору Райнике искреннюю благодарность за редкий и весьма ценный материал.

Когда в лагерь прибывали эшелоны с узниками, доктор Райнике нес службу на разгрузочной платформе, где останавливались набитые обреченными людьми вагоны для перевозки скота. Каждого, кто им казался недостаточно крепким и непригодным для работы, врачи концлагеря незамедлительно отправляли в газовую камеру. Доктор Райнике выискивал себе свежий материал для исследований.

В одном из эшелонов его внимание привлек мужчина лет пятидесяти с сыном-подростком. У отца был горб,

сын страдал косолапостью. Райнике заинтересовался: генетическая проблема? И ему захотелось ее решить. Тотчас же он приказал отконвоировать обе свои жертвы к крематорию и подготовить два письменных приказа. Первый из них предназначался обер-шарфюреру, облеченному полномочиями убивать жертвы выстрелами в затылок. Второй приказ предписывал патологу провести тщательнейшее клиническое исследование трупов отца и сына, уделив особое внимание их физическим недостаткам.

После того как патолог произвел вскрытие обоих трупов и доложил своему шефу о результатах («банальный случай с точки зрения медицины»), Райнике решил включить скелеты своих жертв в список коллекции института имени кайзера Вильгельма. В двух огромных чугунных котлах, стоявших на площади перед крематорием, оба трупа варились до тех пор, пока без труда можно было отделить от костей мясо, сами же кости были помещены для очистки в ванну с бензином, а затем отправлены в Берлин. Едва ли прошло десять часов с того момента, как отец и сын, оцепенелые от страха, голода и холода, выбрались из вагона для скота.

Лагерь был лабораторией Райнике. Резервуар, из которого черпался материал, казался неистощимым: близнецы, карлики, горбуны, цыгане, евреи — антропологический микрокосм, населенный людьми, которые представляли собой великолепный материал, необходимый для научных выводов. Раньше ученые должны были кропотливо отыскивать объекты для своих исследований. Теперь же таких объектов было в избытке.

Нацистские ученые, занимавшиеся наукой о биологической наследственности, обосновали необходимость концентрационных лагерей, расчистили для них нравственную почву. Фабрики смерти были идеальным местом, где совершенствовалась биологическая концепция. Концлагерь стал испытательным стендом германс-



кой «наследственной биологии и расовой гигиены» — тогда это называли так.

Научный наставник Райнике доктор медицины граф Отмар фон Фершуер по-прежнему руководил изысканиями. Немецкое научно-исследовательское общество (главный эксперт — профессор Фердинанд Зауэрбрух) помогало деньгами и лабораторным оборудованием. День за днем Райнике проводил, склонившись над микроскопом или над анатомическим столом.

Жертвы видели в докторе Райнике «ангела смерти» — циничного, хладнокровного убийцу в сапогах, отполированных до идеального блеска.

Читая после войны статьи о себе, Райнике возмущался выдумками журналистов. Газеты писали, что Райнике без колебаний бросал в пышущую огнем печь барахтающегося новорожденного младенца или вырезал из живота женщины, ожидавшей ребенка, живой плод. Зачем понадобилось такое писать? Может быть, Райнике и не стал бы колебаться, но наука этого не требовала.

А в лагере он занимался только наукой — продолжал исследования, которыми начал заниматься во Франкфуртском университете. Тогда считалось возможным доказать на примере близнецов, насколько роковым является влияние на жизнь человека таких факторов, как раса и наследственность.

По его указанию взвешивали, измеряли, записывали пропорции. Он изучал таблицы, просил изготовить чертежи. Экспериментировал с цветными пигментами. Впрыскивал вирусы и сыворотку, брал на анализ кровь. Наконец, по его распоряжению производили вскрытие и изготавливали препараты. Он приказывал также убивать — выстрелами в затылок, инъекциями фенола, ядовитыми газами. На лабораторном жаргоне жертвы назывались «кроликами».

Коллеги Райнике подвергались меньшей опасности. Они не замарали свои руки. Они проводили исследова-

ния в тылу, ратуя за «наследственно-биологическое оздоровление народного организма», доктор Райнике же «воевал» на биологическом фронте.

В конце войны вся переписка между концлагерем и институтом имени кайзера Вильгельма была уничтожена. Уже в 1945 году коллеги Райнике заявили о своей невиновности — мол, к лагерям они не имеют никакого отношения.

Академическая система не понесла никакого ущерба в связи с крахом нацизма. Гигиенисты времен национал-социализма, занимавшиеся неполноценными расами, недостойными жизни, спасли свои идеи, сделав в послевоенное время карьеру в академических институтах генетики и антропологии. На них не обращали внимания. Победители стремились наказать организаторов массовых убийств, которые претворяли в жизнь то, что рождалось в головах других. Подмастерья быстро исчезли из поля зрения, мастера остались неизобличенными. После освобождения они в один голос утверждали, что вообще не имели ни о чем никакого понятия.

Эти мастера считали себя приверженцами евгеники, с помощью которой надеялись добиться социального прогресса. Однако именно идеи, имеющие отношение к евгенике, неизбежно привели к всеобъемлющему естественнонаучному эксперименту, который ставился в концлагерях.

Но еще задолго до концлагерей стали проводить сортировку пациентов психиатрических лечебных заведений. Крестик, поставленный на анкете лицом, производившим экспертизу душевнобольного, приговаривал того к смерти. Профессорам платили по пять пфеннигов за каждое освидетельствование, если они в месяц обрабатывали более 3500 анкет, и по 10 пфеннигов, если анкет было менее 500. Первые газовые камеры загружали в больницах, где требовалось «облегчить умирание обезболивающими средствами».

Еще в конце 19 века врачи и естествоиспытатели — и не только в Германии — начали закладывать тот теоретический фундамент, который впоследствии позволил их коллегам мимоходом, одним взмахом руки решать вопросы жизни и смерти. Они слили расовые теории французского графа Жозефа Артюра Гобино и вновь открытые законы о наследственности, сформулированные в свое время монахом-августинцем Грегором Менделем, в одно целое — политическую антропологию. Человечество, считали они, следует поделить на полноценные и неполноценные расы, основные отличительные признаки которых обязательно передаются по наследству от одного поколения к другому, а человек должен рассматриваться как «носитель биологической судьбы».

Именно это утверждал и профессор фон Фершуер, наставник Райнике. «Биологическая судьба предопределена наследственными факторами наших предков, — говорил он. — В наших силах оказать влияние на биологическую судьбу наших детей». Социальные проблемы, по его мнению, должны были решаться медицинскими средствами: меньше больных — больше здоровых, работоспособных, умных и, следовательно, счастливых людей. Именно таким образом Фершуер хотел «внести свою лепту в дело наследственно-биологического оздоровления народного организма». «Цель нашей работы — биологическим путем сделать возможной продолжительную жизнь германской народности». Тем самым проводилась разграничительная черта между жизнью, «представляющей ценность», и жизнью, «не представляющей ценности». В итоге пунктами сортировки стали концлагеря.

Уже в 1900 году промышленник Фридрих Крупп выделил 30 тысяч рейхсмарок на изучение наследственно-биологических теорий.

В германской Юго-Западной Африке изданный в 1908 году закон запретил смешанные браки между

белыми и черными и объявил уже заключенные браки недействительными. В том же году преподаватель анатомии Фрайбургского университета доктор Ойген Фишер совершил путешествие в германскую Юго-Западную Африку. Там он создал труд, который Райнике прочел еще в студенческие годы. Смысл труда был прост и ясен: тот факт, что негры, готтентоты и многие другие народности являются неполноценными, могут отрицать только фанатики.

Национал-социалисты учли предупреждение — стали хватать детей-гибридов, которых произвели на свет цветные солдаты французской оккупационной армии после 1918 года в Рейнской области. Берлинская рейхсканцелярия приняла решение: гибриды из Рейнской области должны быть подвергнуты стерилизации в принудительном порядке. В левобережных областях Рейна гестапо устроило настоящую охоту на цветных детей. Их таскали на всякого рода экспертные комиссии. У 385 детей обнаружили «элемент примеси негроидной расы». Проводились массовые операции по стерилизации.

14 июля 1933 года был обнародован «закон о предупреждении потомства, страдающего наследственной болезнью». Этот закон делал возможным принудительную стерилизацию, в частности «при врожденном слабоумии, при шизофрении, маниакально-депрессивном психозе, при наследственной эпилепсии, а также при тяжелых формах алкоголизма».

29 июля профессор Фишер, выступая с речью на заседании ректората Берлинского университета, расточал похвалы НСДАП: «Новое руководство, едва придя к власти, сразу же вмешивается, осознанно и энергично, в ход истории и жизненные процессы своего народа. Эта биологическая забота о приросте и благосостоянии населения — забота государства о генетике и расе».

Сочинения Фишера и других биологов сыграли большую роль в формировании программы НСДАП.



Профессор Тюбингенского университета Эрнст Леман с гордостью заявил: «Биология — это ядро национал-социалистского мировоззрения». Но ведь «новое руководство» получило свое духовное оружие из рук самого профессора! Еще в те времена, когда будущие руководители национал-социалистской Германии произносили речи в пивных, Фишер вместе с тогдашним директором института имени кайзера Вильгельма профессором Эрвином Бауэром и антропологом профессором Фрицем Ленцем написал эпохальное произведение в двух томах, посвященное наследственно-биологическим проблемам, — «Учение о наследственности человека и расовая гигиена». А в 1923 году мюнхенское издательство «Леманн ферлаг» с гордостью сообщило своим авторам, что один экземпляр книги направлен Адольфу Гитлеру, который тогда отбывал заключение в крепости в Ладсберге. Потерпевший неудачу путчист твердо усвоил основное положение учения: нордическая раса в смысле умственных способностей шагает впереди всего человечества. В то время Гитлер диктовал свою книгу «Майн кампф».

Закон 1933 года разрешил медикам умерщвлять людей, чтобы вылечить «больной, измученный, охваченный эпидемиями, отравленный и прогнивший народный организм». Профессор из Кенигсберга Конрад Лоренц утверждал: «Из далеко идущей аналогии между организмом и раковой опухолью, с одной стороны, обществом и ставшими вредными для общества его членами — с другой, вытекает параллелизм в необходимых мерах...» Врач, по выражению доктора Ханса Лера — директора клиники при Кильском университете, становился «биологическим солдатом».

В своем первом «Обращении к германскому врачебному сословию» шеф медицинского персонала рейха доктор Герхард Вагнер заявил, что медицина должна возвратиться на позиции «истинного биолого-медицин-

ского мышления», только в этом случае врач может быть «пастырем» своего народа. «Смысл жизни общества заключается в следующем: одна часть населения имеет, с биологической точки зрения, право властвовать над другой».

Ведущие исследователи потребовали «проведения наследственно-биологической инвентарной описи всего народного организма».

В институте наследственной биологии и расовой гигиены при Франкфуртском университете — там профессор Фершуер начинал свою деятельность — «боевитый, усердный, полный энтузиазма молодой коллектив» (членом которого был также и доктор Райнике) изучил «генеалогическую структуру коренного крестьянского населения» вплоть до Тридцатилетней войны. Промедление опасно, предостерегали учителя Райнике. Неограниченное размножение лишь меньшинства соотечественников является ценным для расы. Они утверждали, что люди, страдающие наследственными болезнями, размножаются вдвое быстрее и что через сто лет лишь одиннадцать процентов германцев будут наследственно здоровыми людьми. А чего может достичь любая попытка перестройки духовного состояния населения, если оно состоит преимущественно из неполноценных людей?

Биологи, занимавшиеся проблемами наследственности, и психиатры вновь и вновь перелистывали страницы книги «Разрешение на уничтожение жизни, не представляющей ценности для жизни», которую выпустили в свет юрист Карл Билдинг и психиатр Альфред Хохе в 1920 году. Она представляла собой своего рода руководство по «эвтаназии» (облегчение умирания обезболивающими средствами). После того как было получено задание фюрера, датированное задним числом — первым сентября 1939 года, массовое уничтожение душевнобольных людей стало уже делом решенным.

7 июля 1941 года Герман Геринг поручил шефу имперского ведомства безопасности Рейнхарду Гейдриху провести « всю необходимую подготовительную работу организационного, конструктивного и технического порядка для решения в целом еврейского вопроса ». Вскоре обученный в соответствующих заведениях использованию душегубок и газовых камер персонал был перебазирован в концлагеря. 2 июля 1942 года психиатр Ирмафрид Эберл был назначен первым комендантом лагеря смерти Треблинка. До этого он возглавлял учреждение в Бернбурге, где осуществлялась программа «эвтаназии», — там впервые демонстрировалось использование газовых камер. Райнике короткое время провел в Бернбурге на стажировке для молодых биологов.

Коллег Райнике интересовали также цыгане. Еще в 1936 году из Тюбингена в Берлин переехал невропатолог доктор Роберт Риттер в качестве руководителя экспериментального отделения расово-гигиенических проблем при имперском ведомстве здравоохранения. Здесь он посвятил себя «исследованиям асоциальных элементов». С помощью четырех сотрудников он приступил к делу — отправился в поездку по стране, в ходе которой занимался составлением каталога. В каталог вносились «асоциальные элементы»: лица без определенных занятий (бродяги), цыгане и граждане-гибриды. В итоге каталог насчитывал ровно 23 822 человека. Немецкое исследовательское общество выдало Риттеру 15 тысяч рейхсмарок.

По мнению Риттера, большинство цыган — продукт «скрещивания рас», причем они «преимущественно и главным образом смешивались с ворами, асоциальными элементами, уголовными преступниками, что привело к созданию цыганско-воровского люмпен-пролетариата». Риттер писал: «Только если будет окончательно пресечено размножение цыган, будущие поколения германского народа избавятся от этого бремени». Предлагалось

погрузить цыган на суда, вывезти их в открытое море и там затопить. Или же сбрасывать их раздетыми с поездов «где-нибудь на Востоке» при температуре минус 20 градусов и обрекать их тем самым на замерзание. Большая часть цыган была отправлена в концлагеря — в результате проведения расово-гигиенических мероприятий.

Райнике тоже пришлось немало потрудиться с цыганами. Антропологический институт Тюбингенского университета составлял картотеку умерщвленных цыган и требовал от Райнике все новых материалов — до самой капитуляции.

Йозеф Райнике совершенно не считал себя жестоким. Он заботился о том, чтобы его «материал» был в хорошей форме, угощал детей шоколадными конфетами перед тем, как производить над ними опыты. Правда, он отправлял кое-кого в газовые камеры, но делал это из высших побуждений — ради блага всего человечества.

Профессор Фершуер писал ему теплые письма. Они все пропали после поражения Германии, а жаль. Фершуер и другие немецкие генетики многим обязаны Райнике. Но они поспешили забыть о нем и, быть может, сейчас даже не подали бы ему руки. Райнике с горечью подумал, что в Федеративной Республике Германии и здесь, в Соединенных Штатах, есть немало людей, которые облегченно вздохнули, узнав, что он мертв.

Райнике всегда отделял себя от туповатых охранников, в чьем обществе он вынужден был находиться, он не понимал, почему другие ставят его на одну доску с лагерным персоналом. Он был вне канцелярской рутины, бюрократического механизма. Он устраивал в лагере концерты классической музыки, следил за тем, чтобы никого из музыкантов не отправляли в газовую камеру прежде, чем найдется замена.

После 1945 года Райнике не раз приходилось убеждаться в том, что люди неблагодарны. Многие из



тех, кто прежде считал за честь назвать его своим другом, потом отказались помочь ему.

Несправедливо распорядилась судьба: иные менее талантливые коллеги Райнике преуспевали и после войны, а он лишился всего и вынужден был начать жизнь заново в чужой стране и под чужим именем. Ему пришлось бежать, а Фершуер процветал. Через четыре года после войны он стал членом Академии наук в Майнце, еще через два года возглавил изучение генетики в ФРГ. О евгенике и расовой гигиене тогда уже не говорили. Фершуер пользовался уважением, а за поимку Райнике объявлена награда. А ведь Райнике лишь осуществлял на практике идеи своего учителя. Для Райнике эта несправедливость была проявлением несовершенства мира, нуждающегося в радикальном изменении.

После капитуляции фашистской Германии американский патруль арестовал Райнике, но вскоре его выпустили, так что он даже не успел как следует испугаться. Когда-то он отказался вытатуировать под мышкой свою группу крови. Он считал себя красивым, любил рассматривать себя в зеркало. Мысль о татуировке вызывала у него брезгливость.

Когда он работал конюхом у баварского крестьянина, ему казалось, что жизнь кончена. Но постепенно он пришел в себя. В Генуе, где он надеялся получить документы Международного Красного Креста, Райнике жил в семье, которая его боялась. Получение документов затягивалось. О войне он не вспоминал, но газеты читал исправно, следил за событиями в Германии.

Из Генуи он уехал в Латинскую Америку, но там ему не понравилось — негде было приложить силы. Бывшие коллеги сидели в кафе и плакались на злосчастную судьбу, лишь немногие из них сумели освоиться и заняться делом. Он провел в Латинской Америке всего два года, читая и размышляя; деньги получал из дома. Ровно через два года после того, как он бежал из Европы,

Райнике раздобыл новые документы и отправился в Канаду — оттуда было удобнее всего попасть в Соединенные Штаты. Он выучил английский и говорил почти без акцента. В Латинскую Америку он не вернулся. Но в Парагвае, Коста-Рике и еще кое-где у него остались крепкие связи. Верные люди сумели организовать весь этот спектакль с его мнимой смертью. Теперь он мог жить спокойно.

Маленький пыльный номер третьеразрядного мотеля никак не напоминал штаб, но Стюарт Дью, склонившийся над картой автомобильных дорог Южной Каролины, казался себе полководцем, готовым начать сражение. Весь день Дью не выходил из номера, информацию он получал по телефону и таким же образом отдавал распоряжения. Он и его подручные пользовались несложным кодом. Они считали, что полиция не прослушивает их разговоры, а случайный человек ничего не поймет. Обед Дью заказал в номер. Когда официант постучал в дверь, он спрятался в ванной: не хотел, чтобы официант его видел. В номере Дью не снимал перчаток. Если дело сорвется и полиция пойдет по следу, нет смысла оставлять ей такие щедрые подарки.

Дью вызвал в Чарлстон своих боевиков. В группе осталось человек двадцать, и для каждого нашлось дело. Все расходы оплачивал Кроули, поэтому Дью не скупился.

Последний звонок раздался уже вечером. Дью сообщили, что кортеж проделал большую часть пути до аэропорта. Дью посмотрел на часы: пора. За номер он уплатил заранее и таким образом избежал необходимости лишний раз встречаться с администратором.

Трейлер, который транспортировал ценный груз, сопровождали радиофицированные полицейские маши-

ны. Начальник полиции штата получил не подлежащий обсуждению приказ от губернатора и, чертыхаясь, выделил необходимое число машин, уменьшив количество патрулей на дорогах.

Значительный участок пути кортеж проделал, не встретив ни одного полицейского патруля, которые должны были курсировать по всему маршруту, контролируя состояние дороги и движение. Кортеж шел на большой скорости, и в сумерках сержант, который ехал в головной машине, не заметил большое нефтяное пятно, расплзшееся по асфальту. Он с трудом сумел затормозить. Но водителю трейлера пришлось туго. Тяжелая машина не слушалась тормозов. Она сбила несколько ярдов ограждения и остановилась на самой обочине.

Кортеж замер. Сержант сообщил о случившемся по рации и побежал к трейлеру. Полицейские с винтовками, включив прожектора, осматривали окрестности: боялись внезапного нападения. Но на дороге и вокруг было пустынно. Сержант получил запоздалое сообщение из диспетчерской о том, что час назад на этом участке потерпела аварию нефтецистерна. Авария зарегистрирована, злого умысла не обнаружено. Сержант несколько успокоился. Вместе с водителем они осмотрели трейлер, который практически не пострадал. Разбились только обе передние фары.

— В пяти минутах езды отсюда бензоколонка и при ней автомастерская, — сказал водитель.

Кортеж двинулся в путь. Бензоколонка и в самом деле была совсем рядом. Привлеченные видом колонны, перемигиванием световых маячков на полицейских машинах, на улицу вышли все три мастера, работавшие на бензоколонке. Один побежал на склад искать запасные фары к трейлеру, другой пошел вперед, показывая водителю, куда ехать.

— А зачем сюда? — удивился сержант.

— Заодно помоем машину, — пожал плечами автомеханик.

Сержант кивнул. Полицейский, который сидел рядом с водителем трейлера, выпрыгнул на землю.

— В мойке и без меня обойдутся, — сказал он сержанту. — Терпеть не могу сидеть в кабине, когда со всех сторон брызжет вода. Пойду лучше осмотрю мастерскую. На всякий случай.

Переоборудование этой бензоколонки заняло у людей Дью неделю. Они купили ее сразу же, как только Дью придумал свой план.

Когда трейлер въехал в мойку и мощные струи воды, бешено крутящиеся щетки загородили его от взглядов стоявших перед входом полицейских, пол мойки опустился, и трейлер оказался в подвале рядом со своим двойником. В подвале ждали три человека. Они нанесли по кузову второго трейлера несколько ударов дубинками, чтобы он ничем не отличался от первого. После чего водитель пересел во второй трейлер, в котором стоял такой же контейнер (только вместо установки в нем находилась бомба с часовым механизмом — самолет взорвется в воздухе, и никто не узнает, что секретные материалы похищены), и подъемник вернул его в мойку. Вся операция заняла несколько минут. Оставшись одни, три человека в подвале автогеном разрезали дверь трейлера и вытащили из него контейнер с оборудованием.

Ремонт, заправка и легкий ужин возле автомата с кока-колой заняли двадцать минут. Кортёж тронулся в путь, и сержант доложил по рации в диспетчерскую, что отставание от графика они быстро компенсируют. Сержант выполнил слово. К аэропорту кортеж прибыл вовремя. При подъезде к аэропорту кортеж обогнал мощный грузовик, в кузове которого находился контейнер с установкой и секретными документами. В аэропорту уже стоял самолет, который должен был вывезти



похищенные документы и оборудование в Коста-Рику. Оттуда на другом самолете — в ЮАР.

Аэропортовские чиновники проверили сохранность пломб на замках трейлера. Контейнер погрузили в самолет. До вылета самолета оставался еще час. Водитель трейлера выпил не менее пяти чашек кофе. Он сильно волновался. Его отпустили лишь после взлета рейсового транспортного самолета. Сержант похлопал его по плечу и пожелал ему счастливого возвращения. Водитель выдавил из себя улыбку.

Сержант, вероятно, очень бы удивился, если бы узнал, что их водитель вовсе и не торопится домой, как он всем повторял. Он даже не ушел из аэропорта, а спустился в туалет, где первым делом сжег водительскую лицензию на чужое имя, полученную от Роберта Генри Скотта и изготовленную по заказу ФБР. Билет до Нью-Йорка в кассе аэропорта он купил на свою настоящую фамилию — Макнайт.

Специальный агент ФБР Роберт Генри Скотт действовал очень осторожно. Он даже не поставил в известность о своих действиях отделение ФБР в штате Южная Каролина, лишившись тем самым возможности попросить оттуда людей в помощь. Но он решил, что сумеет обойтись своими силами. Из Вашингтона он привез троих оперативников. К самолету, который должен был вылететь в Коста-Рику специальным рейсом, Скотт подъехал в сопровождении таможенного инспектора и двух сотрудников таможенного патруля.

В транспортном самолете помимо членов экипажа находились три человека, которых Скотт распорядился задержать. Командир корабля поинтересовался, чем обязан такому визиту. Таможенный инспектор объяснил ему, что проводит расследование в связи с возможным

нарушением американских законов о контроле над экспортом.

— В экспортной декларации, которую представили ваши владельцы, груз обозначен как запасные части к стиральным машинам. Мы хотели бы проверить правильность заполнения декларации. А то, знаете, у нас были случаи, когда ценной технике, экспорт которой требует специальной лицензии, давалась неправильная характеристика в документах отправителя.

Он попросил членов экипажа выйти из кабины, и сотрудники таможенного патруля занялись выгрузкой.

— Запечатанный контейнер я задерживаю, — заявил таможенный инспектор. — У меня есть основания полагать, что его экспорт означает нарушение одного или нескольких экспортных законов Соединенных Штатов.

Директор лаборатории по внутреннему телефону позвонил Финли.

— Наш груз уже в аэропорту, — сообщил он. — Я думаю, мы с вами полетим завтра. Как вы, уже собрались?

— Нет, то есть да, — невпопад ответил Финли. На секунду в нем пробудилась надежда: вдруг Кроули отказался от своего намерения похитить установку и документы? Может быть, и его самого наконец оставят в покое?

— Кстати говоря, наши коллеги из Пентагона прислали мне копию документа, составленного антиправительственными силами ЮАР, о работах, которые там ведутся в области генной инженерии. — Усиленный мощной мембраной, директорский голос грохотал в ушах Финли. — Я хочу, чтобы вы тоже с ней ознакомились.

Через пять минут из секретариата директора Финли принесли папку с грифом «конфиденциально». Это была информационная записка следующего содержания:

*«Наш осведомитель сообщил, что ему пришлось как-*

то провести вечер с офицером, рассказавшим о своем участии в формировании специального «подразделения химической и биологической войны». Это подразделение использует пленных в качестве подопытных кроликов. Упомянутый офицер армии ЮАР рассказал об исследованиях, касающихся использования «вирусов и других микроорганизмов, от которых страдают только черные». По его словам, где-то неподалеку от Луис-Тричарта в северном Трансваале находится «сверхсекретная опытная станция». Она расположена в малонаселенной местности «для того, чтобы несчастные случаи не получили огласки». Опыты, производившиеся в последнее десятилетие, свидетельствуют о том, что в теоретическом плане такое целенаправленное использование вирусов и других микроорганизмов вполне осуществимо.

«Милитари ревью» — журнал американской армии поместил статью под названием «Этническое оружие». Автор статьи писал: «Недавно были опубликованы данные об отсутствии одного из ферментов у населения Юго-Восточной Азии, в результате чего они подвержены воздействию яда, к которому другие народы, как правило, адаптируются. Подобные данные позволят нам сформировать свою армию из людей, не подверженных действию вещества, от которого страдает противник».

Во время вьетнамской войны группа ученых, работавших на Пентагон, проводила исследования состава крови различных групп азиатского населения с целью «подготовки карты, отражающей ареалы распространения конкретных групп крови и других наследственных особенностей ее состава».

В учебном руководстве для вооруженных сил США говорится: «...существует возможность разработки так называемого «этнического оружия», которое будет действовать с учетом естественных различий в уязвимости между различными группами населения земли». Министерство обороны США организовало исследования

заболевания, известного под названием кокцидозная гранулема. Смертность при вторичной и прогрессивной формах заболевания составляет у черных 50-60 процентов (для жителей Филиппин процент еще более высок), тогда как у белых смертельная форма заболевания развивается лишь у одного-двух процентов больных.

Исследования в области «этнического оружия» начались с предположения о возможности использования различий между группами населения в распределении природных генетических заболеваний. Однако развитие генной инженерии открыло новое поле деятельности. Представитель министерства обороны США заявил комиссии конгресса: «В ближайшие пять — десять лет можно будет создавать новые инфекционные микроорганизмы, которые будут иметь существенные отличия от всех известных микроорганизмов, вызывающих заболевания. Важнее всего то, что эти заболевания не будут поддаваться лечению известными иммунологическими и терапевтическими методами».

Для того чтобы подтвердить сообщения нашего осведомителя, можно привести целый ряд свидетельств.

Так, в издании вооруженных сил ЮАР — «Лиейзон леттер» — появилась статья, рассказывающая о подготовке к «клещевой» войне. В сообщении отмечалось, что преимущества биологического оружия становятся все более очевидными, поскольку его возможности растут, а стоимость других видов вооружения становится все более высокой.

Далее. В ЮАР имеется крупный центр генной инженерии, работающий на военных. Отделение генетики университета Претории тесно сотрудничает с «собачьим центром» вооруженных сил ЮАР в выведении породы «суперсобак», предназначенных для несения охранной службы в концлагерях. Программа контролируется главой отделения генетики профессором Геертсе-



ном и направлена на объединение «положительных характеристик» волков и немецких овчарок.

Наконец, за последние полтора года в ЮАР были отмечены эпидемии холеры, брюшного тифа и полиомиелита, а также вспышка бубонной чумы.

Сама система апартеида в достаточной степени является «биологическим оружием», направленным против живущего в условиях нищеты большинства. И все же существование сверхсекретного центра биологических исследований в том же районе, где имели место две из упомянутых эпидемий, наводит на мысль, что причина заболеваний — не только в нищете».

Финли подумал, что составители этой информационной записки даже отдаленно не подозревают о том, что готовит южноафриканский Центр биологических исследований.

В большинстве африканских стран очень распространены гемоглобинопатии — различные формы наследственных заболеваний, обусловленных присутствием в эритроцитах (красных кровяных тельцах) гемоглобинов с дефектным строением. Практически эти заболевания неизлечимы и заканчиваются смертью. Если ребенок наследует гемоглобинопатию от обоих родителей, то у него начинается распад красных кровяных телец — эритроцитов, и он погибает. Но если только один из родителей имел в крови аномальный гемоглобин, то его дети могут жить спокойно.

Южноафриканский центр биологических исследований — Финли узнал об этом от Кроули — уже несколько лет занят выявлением факторов, которые могут вызвать мутации генов, контролирующих синтез глобиновых цепей, то есть белковой части гемоглобина. В ЮАР проводились опыты с химическими веществами, способными вызывать хромосомные нарушения (отсюда интерес, который Кроули проявил к жертвам Черного ручья). Но более верным признано использование вирусов по техно-

логии, разработанной лабораторией в Чарлстоне. Люди со здоровой наследственностью (то есть белые) не пострадают, а носители одного гена-мутанта (то есть черные) сразу же заболеют и погибнут. Африканцев — носителей мутировавших генов миллионы (особенно их много среди выходцев из тропического пояса). О таком мощном оружии Претория не могла и мечтать.

Скотт вместе с другими агентами ФБР вывел Стюарта Дью и его адъютанта из аэропорта через боковую дверь — там уже стояли две машины.

Через запыленное стекло Макнайт видел, как машины с арестованными отъехали. Проводив их взглядом, он бросился к телефону. Лихорадочно запихнув в автомат несколько монет, набрал вашингтонский номер. Трубку долго не снимали. Наконец Макнайт услышал знакомый голос.

Посадив Кроули в свою машину, Скотт велел водителю пойти прогуляться. Дью и его адъютант сидели в другой машине под охраной агентов ФБР, которых Скотт привез с собой из Вашингтона.

— Напрасно вы это затеяли, Скотт, — сказал Кроули.

— Вы знаете мое имя? — удивился специальный агент ФБР.

— Я знаю не только это, — пожал плечами Кроули. — Но что вас удивляет? Ведь и вы многое знаете обо мне. — Он сделал паузу. — Особенно с тех пор, как прослушали пленки, оставленные Хиббетом.

— Ого!

— Я не уничтожил их после смерти Хиббета только потому, что хотел дать вам возможность кое о чем узнать.

— А не вы, случаем, помогли Хиббету покинуть этот бренный мир?

— Мы вложили в него слишком много денег, чтобы позволить себе такую роскошь. Хиббет обеспечивал безопасность всех наших людей, особенно Дью. И наоборот, помог вывести из игры боевиков из группы «Порядок», когда они стали ненужными. Пока он был на месте, мы могли чувствовать себя совершенно уверенно. Нет, Хиббет погиб глупейшим образом. И в то самое время, когда мы так нуждаемся в людях. Если бы он был жив, вы бы не представляли для нас никакого интереса.

— Вот как? Не слишком ли вы смело со мной говорите?

— А вы мне не опасны, Скотт. Сейчас вы должны передать меня властям аэропорта, которые выпишут штраф за проход на летное поле без разрешения. Изъятие пленок из квартиры Хиббета вы не оформили, поэтому они не могут быть использованы в качестве вещественного доказательства. Так что против меня у вас ничего нет и быть не может. Кстати говоря, попытки выяснить, за что Хиббет получал деньги через банк «Фест сити», тоже не приведут вас к желаемому результату. Я уже принял необходимые меры. Впрочем, если вы будете уж слишком наседать, я в любой момент могу вернуться домой от греха подальше.

— По-моему, вы недооцениваете возможности Федерального бюро расследований.

— Вы меня не поняли, Скотт. Я предлагаю вам договориться. Хиббету мы платили семь тысяч в месяц. Вас устроят десять тысяч?

Странная это была компания. Специальный агент ФБР Роберт Генри Скотт, опасный преступник Стюарт Дью и юаровский шпион Кроули. Скотту было немного не по себе. Непривычно. Он попытался представить, что испытывал Говард Хиббет, когда решил сотрудничать с этими людьми. В общем, если бы не несчастный случай, можно было бы сказать, что Хиббет сделал правильный выбор. Он получил не только деньги, но

и возможность делать карьеру. Стюарт Дью «отдал» ему людей, от которых сам хотел избавиться, а в глазах начальства Хиббет предстал умелым и удачливым работником. Скотт всегда испытывал зависть к Хиббету и всегда хотел тоже что-то урвать у жизни. Когда он подсчитал, сколько Хиббет получил от Кроули, он подумал: «Вот бы мне столько же...» Почему он тогда не доложил Блейкеру, что нашел кассеты с записями разговоров Кроули? Не потому ли, что морально был уже готов заменить Хиббета?

Блейкер появился так внезапно, что Скотт вздрогнул. От его тяжелого взгляда специального агента бросило в пот. Он открыл рот, чтобы доложить Блейкеру об аресте давно разыскиваемого преступника Стюарта Дью, но помощник директора ФБР опередил его.

— Я рад, Роберт, что вы проявили благоразумие. Я очень надеялся на это, хотя и вынужден был контролировать каждый ваш шаг. Вы не обижаетесь за то, что я пустил за вами «хвост»? Садитесь.

Скотт тяжело опустился в кресло. Только теперь он заметил, что вслед за Блейкером в комнату вошел Макнайт.

— А что делать с грузом? — продолжал Блейкер. — Ты напортачил, тебе и выпутываться.

— Это легко уладить. Местное отделение ФБР я в известность не ставил, а с таможенниками и аэропортовским начальством разберусь.

— А своим оперативникам что скажешь?

— Я им еще в Вашингтоне объяснил, что вся сцена с задержанием — инсценировка, которая мне нужна для сложной операции проникновения в преступную группу.

— Каков, а? — Блейкер не без уважения посмотрел на него. — Так ты заранее просчитал все варианты?



Скотт промолчал. Из квартиры они вышли вместе. На улице Скотт заговорил первым:

— Я думаю о том, какой скандал устроят военные, когда выяснится, что пропали экспериментальная установка и секретные материалы.

— Ничего не будет, — спокойно ответил Блейкер. — Вопрос согласован с теми, кто занимается биологическим оружием в управлении перспективных научно-технических разработок. Иначе Кроули эту установку и в глаза бы никогда не увидел. Он получал только ту информацию, которую Пентагон считал возможным передать в ЮАР. Ты думаешь, я за деньги уж и родину готов продать?

— Но с какой целью?

— А ты не понимаешь? Дело не только в том, что наш моральный долг помочь белому меньшинству ЮАР. У нас дома полным-полно черных и цветных, которые год от года набирают силу. Что прикажешь с ними делать? Если сейчас не найдем решения этой проблемы, можем оказаться в ситуации белых южноафриканцев. Только уже не будет Соединенных Штатов, готовых прийти нам на помощь. Пусть ЮАР испытает то, что наши ученые придумали, пусть проверит эффективность генетического оружия. Если испытания будут удачными, мы почувствуем себя увереннее в отношениях с черномазыми. Тем более что наши генетики еще не сказали последнего слова в этой области.

Кроули вновь приехал в аэропорт, чтобы увидеть, как взлетает транспортный самолет на Коста-Рику. Инспектор вернул контейнер в полной сохранности (его даже не вскрывали) и заявил, что экспортная декларация была заполнена неправильно и у них не было никакой информации относительно лицензии на экспорт, но таможенная служба пришла к выводу, что груз не

имеет важного значения и в данном случае можно обойтись без лицензии.

Вскоре канцелярия пресс-секретаря Белого дома распространила текст выступления президента в штаб-квартире ФБР:

*«Для американского народа вы по праву являетесь живой легендой. Всегда считалось, что агенты ФБР — люди выдающиеся, чья верность делу и профессионализм выдвинули их на передовые рубежи борьбы против гангстеров, шпионов, продажных должностных лиц и других профессиональных преступников, которые подрывают моральные устои нашего общества. Благодаря выдающимся личным качествам специальных агентов Федеральное бюро расследований стало таким неподкупным органом охраны правопорядка, какого еще не знала история.*

*Не так давно мы пережили нелегкий этап американской истории, когда казалось, что многие из тех наших ценностей, которыми мы более всего гордимся, поставлены под сомнение. Лично я считаю, что, какой бы безрассудной и разрушительной ни была критика, в конечном счете она не только утвердила эти ценности, но и позволила еще больше подчеркнуть всю их полезность и значение. ФБР и впредь будет делать все необходимое для защиты соблюдающих законность граждан Соединенных Штатов.*

*Проблема преступности в сегодняшней Америке — проблема весьма серьезная. Как вы знаете, после прихода к власти наша администрация немедленно взялась за решение вопросов, связанных с экономическим кризисом, с которым мы в то время столкнулись, и с опасным ослаблением военной мощи нашей страны. И все же даже в то время, когда мы работали над решением этих трудных вопросов, борьба с преступ-*

ностью продолжала оставаться в центре нашего внимания.

Мы добиваемся полного искоренения организованной преступности сверху донизу. Наша цель в том, чтобы сломить мощь организованной преступности в Соединенных Штатах, — на меньшее мы не согласимся. Мы намерены помешать этим преступникам наживаться, мы намерены посадить их в тюрьмы, разрушить их организацию.

Вы стоите на передовых рубежах нашей борьбы за выявление и пресечение растущей угрозы нашей стране со стороны враждебных разведслужб. Шпионаж, кража нашей техники и технологии угрожают нам сейчас, как никогда прежде.

ФБР имеет давнюю и славную историю верности, мужества и неподкупности. На каждом этапе вашей истории, когда преступники изобретали новые, более совершенные формы преступной деятельности, именно вы возглавляли борьбу правоохранительных органов.

И вот теперь американский народ вновь просит вас взять на себя такое лидерство, проявить такую же бескорыстную самоотверженность».

**Млечин Л. М.**

**М 72 Специальный агент ФБР. — М.: Юрид. лит.,  
1989.— 208 с. — ISBN 5-7260-0135-4**

Специальному агенту Федерального бюро расследований Роберту Г. Скотту поручено выяснить некоторые обстоятельства, связанные с гибелью в автомобильной катастрофе его коллеги по ФБР. Приступая к расследованию, Скотт и не подозревал, что сумеет раскрыть целую преступную организацию. И уж тем более не мог предполагать, что сам станет преступником.

Для широкого круга читателей.

М 4700000000-026  
012(01)-89 49-89

84.7США



14.06.2022  
14.06.1989  
23

**Л. М. Млечин**

**«СПЕЦИАЛЬНЫЙ АГЕНТ ФБР»**

Художник **А. А. Брантман**

Художественный редактор **А. Б. Бобров**

Технический редактор **М. С. Караматозян**

Корректоры **Л. В. Аносова, Л. В. Соколовская**

Оператор **Н. В. Сапожкова**

**ИБ № 1927**

**Литературно-художественное  
издание**

А/54

Сдано в набор 31.08.88. Подписано в печать 14.06.89.

А-00609. Формат  $70 \times 100^{1/32}$ .

Бумага офсетная № 1.

Гарнитура Тип Таймс. Печать офсетная.

Объем: усл. печ. л. 8,39; усл. кр.-отт. 11,95; учет.-изд. л. 9,89.

Тираж 100 000 экз. Заказ №1098. Цена 1 руб.

Издание подготовлено к печати на ЭВМ

и фотонаборном оборудовании

в ордена «Знак Почета» издательстве

«Юридическая литература»

121069, Москва, Г-69, ул. Качалова, д. 14

Можайский полиграфкомбинат

В/О «Совэкспорткнига»

Государственного комитета СССР

по делам издательств,

полиграфии и книжной торговли.

143200, Можайск, ул. Мира, 93.

**Издательство «Юридическая литература» планирует выпустить в 1989 году книги:**

**Барышев А. В.** Тройное убийство. 12 л., 80 к.

**Винберг А. И.** Черное досье экспертов-фальсификаторов. 15 л., 1 р.

Гесснер Р., Херцог У. Под сенью права. Методы новой тайной полиции. Пер. с нем. 12 л., 1 р.

Пшибыльский П. Дело об убийстве Тельмана.  
Пер. с нем. 16 л., 1 р. 80 к.

С содержанием книг и порядком их приобретения можно ознакомиться в местных книжных магазинах, распространяющих общественно-политическую литературу.

**Издательство**





1 руб.

Л.М. Млечин

СПЕЦИАЛЬНЫЙ

АГЕНТ

ФБР

739  
330  
469

